

Том 14, № 2, 2021 год

Экономика. Налоги. Право

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67075
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service
for communication, informational
technologies and media control:
ПИ № ФС77-67075
of September 15, 2016.

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: ФГОБУ «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»

Founder: FSEBI “Financial University under the
Government of the Russian Federation”

Журнал ориентирован на научное
обсуждение актуальных проблем
в сфере **экономики, налогов и права**

The journal is oriented towards scientific
discussion of present-day topics in the sphere
of **Economics, Taxes and Law**

Журнал входит в Перечень периодических научных
изданий, рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук

The journal is included into the list of periodicals
recommended for publishing doctoral research results
by the Higher Attestation Commission

Журнал включен в систему Российского индекса
научного цитирования (РИНЦ)

The journal is included into the system
of Russian Science Citation Index

Журнал распространяется только по подписке.
Подписной индекс 81303
в объединенном каталоге «Пресса России»

The journal is distributed only by subscription
Subscription index 81303
in the consolidated catalogue “The Press of Russia”

Vol. 14, No. 2, 2021

Ekonomika. Nalogi. Pravo

[Economics, taxes & law]

elpub.

RePEc

СОЦИОНЕТ

WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГОНЧАРЕНКО Л.И., доктор экономических наук, профессор, научный руководитель Департамента налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия, Заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АБРАМОВА М.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента банковского дела и финансовых рынков, Финансовый университет, Москва, Россия

БЕРНС У., доктор права, профессор школы имени Томаса Джефферсона, Сан-Диего, США

ВАНИШТЕНДАЛЬ Ф., доктор экономики, профессор Левенского католического университета, Левен, Бельгия

ВЕБЕР Д., профессор права, Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды

ВИННИЦКИЙ Д.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

ГОЛОВНЕНКОВ П.В., доктор права, главный научный сотрудник Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЕВЛАХОВА Ю.С., доктор экономических наук, доцент кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков РГЭУ (РИНХ), тьютор магистерской программы «Финансовый мониторинг и финансовые рынки», Ростов-на-Дону, Россия

ЗВОНОВА Е.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

ИВАНОВА Н.Г., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

ИВАНОВ Ю.Б., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Научно-исследовательского центра промышленных проблем развития НАН Украины, Харьков, Украина

КУНИЦЫНА Н.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой финансов и кредита, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

ЛАПИНА М.А., доктор юридических наук, главный научный сотрудник Центра исследований и экспертиз Департамента правового регулирования экономической деятельности, профессор Департамента международного и публичного права, Финансовый университет, Москва, Россия

МАЙБУРОВ И.А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового и налогового менеджмента Уральского федерального университета, главный научный сотрудник кафедры «Финансы и кредит» Дальневосточного федерального университета, Екатеринбург, Владивосток, Россия

МЕЛЬНИЧУК М.В., доктор экономических наук, кандидат педагогических наук, профессор, руководитель Департамента английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет, Москва, Россия

ОМИРБАЕВ С.М., доктор экономических наук, профессор, ректор Северо-Казахстанского государственного университета им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

ПАНСКОВ В.Г., доктор экономических наук, профессор Департамента налогов и налогового администрирования, Финансовый университет, Москва, Россия

ПИНСКАЯ М.Р., доктор экономических наук, руководитель Центра налоговой политики Научно-исследовательского финансового института Минфина России, Москва, Россия

ПОГОРЛЕЦКИЙ А.И., доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ПОНОМАРЕНКО Е.В., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

РОЩУПКИНА В.В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Налоговая политика и таможенное дело», Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

РУЧКИНА Г.Ф., доктор юридических наук, декан Юридического факультета, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет, Москва, Россия

СОЛЯННИКОВА С.П., кандидат экономических наук, доцент, руководитель Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия

ХЕЛЛЬМАНН У., доктор права, заведующий кафедрой уголовного права и экономических преступлений Потсдамского университета, Потсдам, Германия

ЧЕРНИК Д.Г., доктор экономических наук, профессор, президент Палаты налоговых консультантов, Москва, Россия

Рукописи представляются
в редакцию по электронной почте:
ekنالogpravo@mail.ru

Минимальный объем статьи –
3 тыс. слов; максимальный – 4 тыс. слов.

Редакция в обязательном порядке осуществляет
экспертную оценку (рецензирование, научное
и стилистическое редактирование) всех материалов,
публикуемых в журнале.

Более подробно об условиях публикации
см.: www.etl.fa.ru

EDITOR-IN-CHIEF

GONCHARENKO L.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Scientific Head of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation

EDITORIAL STAFF

ABRAMOVA M.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Banking and Financial Markets Department, Financial University, Moscow, Russia

BYRNES W., Dr. Sci. (Law), Professor of the Thomas Jefferson School, San Diego, USA

VANISTENDAEL F., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Catholic University of Leuven, Belgium

WEBER D., Dr. Sci. (Law), Professor, University of Amsterdam, Netherlands

VINNITSKY D.V., Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law, The Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

GOLOVNENKOV P.V., Dr. Sci. (Law), Senior Research Fellow of the University of Potsdam, Germany

EVLAKHOVA YU.S., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Financial Monitoring and Financial Markets Chair, Tutor of the Master's programme "Financial monitoring and financial markets", Rostov State University of Economics, Rostov, Russia

ZVONOVA E.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Global Finance Department, Financial University, Moscow, Russia

IVANOVA N.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Finance, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia

IVANOV YU.B., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Deputy Director for Research, R&D Center for industrial development, National Academy of Science of Ukraine, Kharkiv, Ukraine

KUNITSYNA N.N., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Credit Department, North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

LAPINA M.A., Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Center for Research and Expertise of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Professor of the Department of International and Public Law, Financial University, Moscow, Russia

MAIBUROV I.A., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Finance and Tax Management Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Senior Researcher of the Finance & Credit Chair, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

MELNICHUK M.V., Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Pedagogy), Head of the Department of English and Professional Communication, Financial University, Moscow, Russia

OMIRBAEV S.M., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Rector of the Kozybayev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk, Kazakhstan

PANSKOV V.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Taxes and Tax Administration, Financial University, Moscow, Russia

PINSKAYA M.R., Dr. Sci. (Econ.), Head of the Center for Tax Policy of the Research, Financial Institute of the Ministry of Finance of Russia, Moscow, Russia

POGORLETSKIY A.I., Dr. Sci. (Econ.), Professor, the Department World Economy, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

PONOMARENKO E.V., Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Political Economics Department, Russian University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

ROSCHUPKINA V.V., Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Tax Policy & Customs Department, the North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

RUCHKINA G.F., Dr. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Financial University, Moscow, Russia

SOLYANNIKOVA S.P., Cand. Sci., Associate Professor, Head of the Public Finance Department, Financial University, Moscow, Russia

HELLMANN U., Dr. Sci. (Law), Head of the Criminal Law & Economic Crime Chair, University of Potsdam, Germany

CHERNIK D.G., Dr. Sci. (Econ.), Professor, President of the Chamber of Tax Consultants, Moscow, Russia

Manuscripts are to be submitted to the editorial office in electronic form:
eknalogpravo@mail.ru

Minimal size of the manuscript:
3 ths words; maximum – 4 ths words.

The editorial makes a mandatory expertise (review, scientific and stylistic editing) of all the materials to be published in the journal.

More information on publishing terms is at: **www.etl.fa.ru**

Журнал «Экономика. Налоги. Право»

Главный редактор
Л.И. Гончаренко,
д-р экон. наук

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
В.А. Чечет

Корректор
С.Ф. Михайлова

Верстка
С.М. Ветров

Мнение редакции и членов
редколлегии может
не совпадать с мнением
авторов.

Письменное согласие
редакции при перепечатке,
а также ссылки при
цитировании на журнал
«Экономика. Налоги. Право»
обязательны.

Оформление подписки
в любом отделении
«Почта России»
по объединенному каталогу
«Пресса России» – подписной
индекс **81303** или в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31**,
e-mail: MMKorigova@fa.ru
Коригова М.М.

Адрес редакции:
125993, ГСП-3, Москва,
Ленинградский пр-т,
дом 53, комн. 5.1

Телефон:
8 (985) 964-85-72
<http://www.etl.fa.ru>,
E-mail: eknalopravo@mail.ru

Подписано в печать:
19.04.2021
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 337

Отпечатано в Отделе
полиграфии Финуниверситета
(Ленинградский пр-т, д. 49)

ТЕМА ДНЯ

В.В. Антропов

**Социальное государство:
от теории к практике 6**

О.С. Сухарев

**Социальная политика в решении
проблемы неравенства и бедности . . 16**

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

*А.Е. Иванова, Ю.Э. Плетнева,
С.Ю. Сивоплясова, Е.П. Сигарева,
В.Н. Архангельский*

**Возможен ли естественный прирост
населения России в ближайшие
10 лет? 32**

И.Н. Молчанов

**Финансы домохозяйств, бедность
и уровень жизни населения 44**

В.А. Чернов

**Социальные и финансовые
условия достижения
устойчивого инновационного
развития 55**

В.Г. Доброхлеб

**Социальное государство и старшее
поколение России: заявленные
и реализованные принципы 64**

О.В. Лосева, Н.М. Абдикеев

**Концепция человеческого
интеллектуального капитала
в условиях цифровизации
экономики 72**

Г.В. Колодня

**Роль социального
предпринимательства
в развитии территории 84**

М.Л. Галас

**Применение социального
предпринимательства и социального
заказа как финансового инструмента
для решения задач российской
миграционной политики 92**

В.В. Ерёмин

**Мультипликатор автономных
расходов как инструмент
повышения доходов населения
в условиях затяжного процесса
снижения цен на углеводороды . . . 100**

Т.Н. Седаш

**Зарубежная и российская практика
использования механизмов
финансирования в системе твердых
коммунальных отходов. 109**

И.Ю. Новоселова, А.Л. Новоселов

**Проектная реализация целей
социальной корпоративной
стратегии добывающей
компании 119**

Я.С. Ядгаров

**Преодоление преград к справедливому
распределению доходов – высший
приоритет в творчестве классиков
политэкономии XIX века и его значение
для современности 130**

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

И.В. Кивико

**Резервы роста доходов
регионального и местных бюджетов
Республики Крым 138**

*Р.В. Фаттахов, М.М. Низамутдинов,
Н.И. Федорова, В.В. Орешников*

**Прогнозирование демографического
развития муниципального
образования. 146**

И.В. Наумов, И.В. Иванов

**Государственные инвестиции
как ключевой фактор
формирования комфортной
городской среды 157**

НАЛОГИ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

А.В. Тихонова

**Налоговая нагрузка
и иные мотивы законопослушного
поведения физических лиц. 169**

TOPIC OF THE DAY

*V.V. Antropov***The Social State: From Theory to Practice . . . . . 6***O.S. Sukharev***Social Policy in Addressing the Problem
of Inequality and Poverty 16**

ECONOMICS AND MANAGEMENT

*A.E. Ivanova, Yu.E. Pletneva,
S.Y. Siviptyasova, E.P. Sigareva, V.N. Arkhangelskiy***Is Natural Population Growth
in Russia Possible in the Next 10 Years? . . . . . 32***I.N. Molchanov***Household Finances, Poverty
and Standard of Living. . . . . 44***VA. Chernov***Social and Financial Conditions
for Achieving Sustainable Innovation
Development . . . . . 55***V.G. Dobrokhleb***Social State and the Older Generation of Russia:
Stated and Implemented Principles . . . . . 64***O.V. Loseva, N.M. Abdikeyev***The Concept of Human Intellectual Capital
in the Context of Digitalization of the Economy . . . . . 72***G.V. Kolodnyaya***The Role of Social Entrepreneurship
in the Development of the Territory . . . . . 84***M.L. Galas***Application of Social Entrepreneurship
and Social Order as a Financial Tool for Solving
the Problems of the Russian Migration Policy. . . . . 92***V.V. Eremin***The Multiplier of Autonomous Expenses
as a Tool for Increasing the Income
of the Population in the Context
of a Protracted Process of Lowering
Prices for Hydrocarbons. . . . . 100***T.N. Sedash***Foreign and Russian Practice of Using Financing
Mechanisms in the Municipal Solid Waste System . . . 109***I. Yu. Novosyolova, A.L. Novosyolov***Project Implementation of the Goals of the Mining
Company's Social Corporate Strategy . . . . . 119***Y.S. Yadgarov***Overcoming the Barriers to a Fair Distribution
of Income as the Highest Priority in the Work
of the Classics of Colitical Economy of the XIX Century
and its Significance for the Present. 130**

REGIONAL ECONOMY

*I.V. Kiviko***Reserves of Revenue Growth of the Regional
and Local Budgets of the Republic of Crimea . . . . . 138***R.V. Fattakhov, M.M. Nizamutdinov,
N.I. Fedorova, V.V. Oreshnikov***Forecasting the Demographic Development
of a Municipality. . . . . 146***I.V. Naumov, I.V. Ivanov***Public Investment as a Key Factor in Creating
a Comfortable Urban Environment 157**

TAXES AND TAXATION

*A.V. Tikhonova***Tax Burden and Other Reasons for Law-abiding
Behavior of Individuals 169**

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-6-15
УДК 338.23,338.242.46(045)
JEL I31, I8, H53, H55

Социальное государство: от теории к практике

В.В. Антропов

Финансовый университет, Москва, Россия;
РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2991-2877>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – социальное государство как модель социально-экономической организации общества. *Предметы исследования* – теоретические основания социального государства и особенности их практической реализации в экономически развитых странах. В статье анализируются теоретические подходы зарубежных и отечественных авторов к обоснованию сущности социального государства. Выделяется многоплановость понятия социального государства, проявившаяся в многообразии его трактовок. Рассматриваются сходство и отличия понятий социального государства от государства всеобщего благосостояния как терминов, используемых для обозначения новой модели государства, сложившейся после Второй мировой войны. Приводятся типы социальных государств, выделяются их достоинства и недостатки. *Делается вывод* о том, что некорректно сводить феномен социального государства только к процессу расширения социальных программ и увеличения социальных расходов. На сегодняшний день можно говорить о существовании в России смешанной модели социального государства, для которой характерны как черты советской системы социальной защиты, так и элементы западных моделей социального государства. Однако устойчивое снижение социальных расходов в России и переход к финансированию социальной политики по остаточному принципу могут свидетельствовать о том, что вектор государственной социальной политики направлен на отход от закрепленных в российской Конституции норм социального государства и сближение с либеральной моделью социального государства.

Ключевые слова: социальное государство; государство всеобщего благосостояния; теория социального государства; модели социального государства; социальная политика; социальное страхование; социальная защита; социальное государство в России

Для цитирования: Антропов В.В. Социальное государство: от теории к практике. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):6-15. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-6-15

ORIGINAL PAPER

The Social State: From Theory to Practice

V.V. Antropov

Financial University, Moscow, Russia;
National University of Oil and Gas "Gubkin University", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2991-2877>

ABSTRACT

The subject of the research is the social state as a model of the socio-economic organization of society. *The purpose of the work* is to analyze the theoretical foundations of the social state and the features of their practical implementation in economically developed countries. The article considers the theoretical approaches of foreign and domestic authors to substantiate the essence of the social state. The multidimensional nature of the concept of the social state is highlighted, which is manifested in the variety of its existing interpretations. The article considers the similarities and differences between the social state and the welfare state as terms used to denote the new model of the state that developed after the Second World War. The article analyzes the existing typologies of social states, highlights their advantages and disadvantages. *It is concluded* that it is incorrect to reduce the phenomenon of the social state only to the process of expanding social programs and increasing social spending. Today, we can talk about the existence of a mixed model of the social state in Russia, which is characterized by both the features of the Soviet social protection system and elements

© Антропов В.В., 2021

of Western experience. However, the steady decline in social spending in Russia and the transition to the financing of social policy on a residual basis may indicate that the vector of state social policy is aimed at moving away from the norms of the social state enshrined in the Russian Constitution and moving closer to the liberal model of the social state. **Keywords:** social state, welfare state, theory of the social state, models of the social state, social policy, social protection, social insurance, social state in Russia

For citation: Antropov V.V. The Social state: From theory to practice. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2021;14(2):6-15. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-6-15

ВВЕДЕНИЕ

Социальное государство как форма социально-экономической организации общества, в которой государство играет ключевую роль в обеспечении достойной жизни и социально-правовой защиты своих граждан, представляет собой относительно новое явление, сложившееся после Второй мировой войны в большинстве развитых стран западного мира. Именно в это время происходит резкое увеличение расходов на социальное обеспечение и развитие государственных социальных программ. Однако некорректно сводить феномен социального государства исключительно к процессу расширения социальных программ и увеличения социальных расходов. Под социальным государством понимается нечто большее, чем просто совокупность социальных программ в конкретных исторических условиях. В этом смысле английский закон о помощи бедным 1597 г., создавший систему помощи неимущим в виде выплат или выдачи продуктов, можно рассматривать как начало праведения социальной политики в Великобритании, но не как первый шаг к формированию социального государства. Социальная функция присуща любой стране, но не каждое государство, проявляющее заботу о своих гражданах, можно называть социальным.

На сегодняшний день конституционные нормы ряда европейских стран содержат положения о социальном характере принявших их государств. Так, согласно ст. 1 Конституции Французской Республики от 04.10.1958 (в ред. от 04.08.1995 № 95–880) Франция является неделимой, светской, социальной, демократической Республикой, обеспечивающей равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии и уважающей все вероисповедания. Что же касается Германии, то она в соответствии со ст. 20 Основного закона ФРГ от 23.05.1949 является демократическим и социальным федеративным государством, в котором вся государственная власть исходит от народа путем выборов и голосований, а также через

специальные органы законодательства, исполнительной власти и правосудия.

Не исключением стала Россия, которая, опираясь на предыдущий опыт СССР и примеры ближайших соседей, установила в 1993 г. в ст. 7 Основного закона, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Однако установление в конституционных положениях социального характера государства вовсе не означает, что оно автоматически становится социальным. Научный подход к определению сущности рассматриваемого понятия требует ответа на вопрос: что представляет собой социальное государство и в чем его особенности?

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Несмотря на многочисленные попытки определения понятия социального государства в научных работах, оно до сих пор остается многозначным. Принято считать, что впервые понятие «социальное государство» было применено немецким ученым Лоренцем фон Штайном, который рассматривал его как форму правления, предполагающую экономическую защиту и социальное благополучие граждан на основе правового и социального равенства представителей различных классов. Кроме того, наряду с немецким термином «социальное государство» (*sozialstaat*) часто используется его англоязычный синоним — государство всеобщего благосостояния (*welfare state*). Если последний термин употребляется, как правило, в англосаксонских странах, то термин «социальное государство» применяется в Германии, России и некоторых других европейских странах. Иногда оба понятия рассматриваются как различные, но чаще отождествляются, хотя считается, что социальное государство является более всеобъемлющим, чем государство всеобщего благосостояния.

Основоположителем теории социального государства (государства благосостояния) является Томас Маршал. Кроме него, существенный вклад в развитие теории социального государства внесли такие авторы, как Р. Титмусс, К. Эспинг-Андерсен, Т. Тилтон, Н. Фернис и другие ученые, которые уточняли в своих работах понятие социального государства и устанавливали его разновидности. Так, американскими учеными Т. Тилтоном и Н. Фернисом были выделены три формы государства всеобщего благосостояния;

- позитивное государство благосостояния, базирующееся на индивидуализме и защите интересов рыночных агентов и имеющее в своей основе социальное страхование, которое выступает инструментом социального контроля;

- государство социальной безопасности, предоставляющее гражданам больше социальных прав, гарантирующее им базовый доход не ниже прожиточного уровня и одинаковые стартовые возможности, но которое не обеспечивает материального равенства;

- государство всеобщего благосостояния — концепция политического строя, основывающегося на принципах равенства, корпоративизма и солидарности. Реализуемые в таком государстве социальные программы имеют своими целями обеспечение полной занятости граждан, перераспределение доходов для уменьшения социального неравенства и решения социально-экономических проблем на основе консенсуса, достигаемого между правительством, предпринимателями и работниками.

В рамках экономико-регулятивного подхода, по мнению немецкого социолога Г. Риттера, выбор социальной формы государства являлся реакцией общества на возросшую потребность в регулировании социально-экономических процессов и отношений, усложнившихся в результате процессов индустриализации и урбанизации. «Социальное государство, — отмечал Г. Риттер, — является ответом на снижение роли традиционных форм заботы государства о жизни семьи и обострение социально-классовых противоречий» [1]. Основной целью такого государства является интеграция народа страны на основе социальной защиты, содействующей снижению социального неравенства и политического самоопределения, стабилизации и постепенному изменению социальных, политических и экономических структур путем адаптации к ним граждан [1, с. 20]. Сходный концептуальный подход к теории социального государства использовался датским экономистом и социологом К. Эспинг-Андерсеном, считавшим, что социальное государст-

во не ограничивается механизмами вмешательства в социальную сферу для корректировки социального и экономического неравенства, а является активной силой, упорядочивающей социальные отношения [2, с. 23].

В исследованиях теории социального государства отечественных авторов можно выделить работы Н.А. Волгина, В.Д. Роика, Н.Н. Гриценко, Б.В. Ракитского. Так, с точки зрения В.Д. Роика, идея социального государства состоит в политическом и правовом упорядочении на принципах гуманизма жизни общества, создании условий для развития гражданского общества, выполнении комплекса социально-защитных функций [3]. Цель такого государства заключается в развитии институтов социального партнерства, создании условий для мира и согласия в обществе и предоставлении работникам права на достойную и справедливую оплату труда и защиту от социальных рисков [3]. В теорию социального государства большой вклад, по нашему мнению, внесла разработанная коллективом авторов Академии труда и социальных отношений (Н.А. Волгиным, Н.Н. Гриценко и др.) концепция социального государства как правового демократического государства, провозгласившего высшей ценностью социальную справедливость, которое проводит политику, направленную на обеспечение гражданам достойной жизни, минимизацию социальных рисков, социальной защиты, обеспечение условий для самореализации творческого (трудового) потенциала личности [4].

Важным вопросом, рассматривавшимся зарубежными авторами, является проблема генезиса социального государства. На сегодняшний день можно выделить три подхода, объясняющих происхождение социального государства. Первый из них связывает его появление с индустриализацией экономик западных стран и необходимостью страхования социальных рисков [5]. Его недостаток состоит в том, что высокий уровень индустриализации и экономического развития страны не всегда был причиной развития социальных программ. Так, в конце XIX в. менее индустриально развитые государства (например, Германия) были пионерами во введении программ социального страхования, а высоко индустриализированные Великобритания или Нидерланды — наоборот. Второй подход связывает развитие социального государства с классовыми конфликтами и политической борьбой. В соответствии с ним длительное доминирование левых партий в парламентах западных государств способствовало принятию социальных программ до и после Второй мировой

войны. Однако он опровергается эмпирическими данными, которые демонстрируют, что независимо от партийного состава правительств западных стран тенденция к росту социальных расходов была определяющей практически везде. Третий подход рассматривает появление социального государства как результат крупномасштабных войн. В отличие от войн предыдущих веков, одной из главных характеристик крупномасштабной современной войны является то, что она не ограничивается участием в ней исключительно военных — в ней участвуют все граждане. Поэтому резкий рост социальных расходов после Первой и особенно Второй мировых войн привел к появлению идеи о том, что формирование социального государства было вызвано требованиями военной экономики, которая немыслима без участия всего населения. Поскольку военная экономика требует участия гражданского населения — будь то военного или экономического, это объясняет, почему государство осуществляет программы социального обеспечения. Как отмечал Р. Титмусс, сторонник этого подхода, «война не может быть выиграна, если миллионы простых людей в Англии и за рубежом не будут убеждены в том, что мы можем предложить что-то лучшее, чем наши враги, не только во время, но и после войны. Это был призыв к социальной справедливости; к отмене привилегий, к более справедливому распределению доходов и богатств; к радикальным изменениям в экономической и социальной жизни страны» [6, с. 82].

Общим для рассмотренных концептуальных подходов к теории социального государства является сведение его характеристик к способности уменьшать степень экономической и социальной дифференциации в обществе, обеспечивать социальную защиту населения, достойные условия жизни людям посредством социальной политики и справедливого перераспределения общественных благ. Не ставя под сомнение подобное понимание сущности социального государства, отметим, что оно дополнительно находит свое отражение в принципиально новом качестве государственной власти, формирующейся в результате ее внутренней трансформации на принципах партнерства, согласия и солидаризма, а также благодаря устранению извечного отчуждения человека от государства. При этом важную роль в жизни социального государства начинает играть гражданское общество, которое ставит власть под контроль граждан в целях реализации их устремлений. Причинами подобных изменений в современных социальных государствах

стали движение наемных работников в защиту своих прав, развитие представительной демократии и влияние социалистических стран. Такое новое качество государственной власти становится причиной качественного изменения отношения властных структур к социальной сфере, когда государство берет на себя ответственность за обеспечение надежной социальной защиты граждан.

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО МОДЕЛИ

Разнообразие существующих видов социальных государств, вызванное особенностями формирования социальной политики в каждой стране, привело к необходимости выделения их общих принципов организации и функционирования. Одним из первых подходов к классификации социальных государств является типология Р. Титмусса, основным критерием которой является уровень социальных расходов государства. Использование этого критерия позволило ему выделить два типа социального государства:

- социальное государство, финансируемое по остаточному принципу и предоставляющее гражданам минимальные социальные гарантии;
- социальное государство, финансируемое по «институциональному» принципу и предоставляющее гражданам достаточный уровень социальной поддержки.

Если социальные государства, финансируемые по остаточному принципу, характеризуются низким уровнем социальных расходов, то социальные государства, основывающиеся на «институциональном» принципе, предлагают своим гражданам достаточный уровень социальной защиты и обеспечивают населению оказание широкого круга услуг социального обеспечения [6].

Большой популярностью пользуется классификация шведского социолога Г. Эспинг-Андерсена, в которой применяются два критерия:

- оценка роли социальной политики среди национальных приоритетов;
- уровень участия государства в перераспределительных процессах. Основным признаком его классификации — так называемый индекс декоммодификации или показатель замещения принципа рыночного распределения товаров государственным социальным обеспечением, т.е. степень, до которой государство освобождает граждан от рыночной зависимости от рынка посредством предоставления достаточного объема социальных услуг (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Индекс декоммодификации для европейских социальных государств /
Index of decommodification for the European welfare States**

Страна / Country	Индекс / Index	Страна / Country	Индекс / Index
Ирландия / Irish	23,3	Австрия / Austria	31,1
Великобритания / Great Britain	23,4	Бельгия / Belgium	32,4
Италия / Italy	24,1	Нидерланды / Netherlands	32,4
Франция / France	27,5	Дания / Denmark	38,1
Германия / Germany	27,7	Норвегия / Norway	38,3
Финляндия / Finland	29,2	Швеция / Sweden	39,1

Источник / Source: Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Princeton, 1990.

В результате использования этого индекса Г. Эспинг-Андерсен выделил три модели социального государства: либеральный, консервативный и социально-демократический [7, с. 43–47].

К *первой группе* социальных государств относятся социальные государства либерального типа, которые предоставляют своим гражданам ограниченный объем социальных услуг. Они гарантируют своим гражданам только минимальный доход на уровне прожиточного уровня либо участвуют в софинансировании различных схем частного социального страхования. По сути, такое социальное государство мало чем отличается от государства типа так называемого «ночного сторожа», функции которого ограничивались обеспечением безопасности граждан и сохранности их имущества посредством армии, полиции и судебной системы при наличии минимального социального обеспечения. Поскольку расходование средств на социальные нужды производится таким государством в последнюю очередь, допуск к государственным социальным программам, как правило, ограничен и обуславливает уменьшение социального статуса получателей социальных услуг, поскольку социальные услуги предоставляются при условии проверки их нуждаемости. Классической формой такого государства в конце XIX — начале XX в. была Великобритания, а впоследствии стали США.

Вторая группа социальных государств — консервативно-корпоративистские социальные государства, в которых не доминируют идеи рыночного либерализма. В отличие от социальных государств либерального типа, они считают достаточным обеспечение своих граждан определенным уровнем благосостояния, что предполагает возможность вмешательства в функ-

ционирование рыночной экономики для ликвидации ее «провалов». Эта модель социального государства основывается на системе обязательного социального страхования, охватывающей большую часть граждан, в то время как индивидуальные и профессиональные схемы социального страхования играют вторичную роль. Поскольку базовым элементом социальной политики является социальное страхование, перераспределительные функции государства незначительны.

Большую роль в формировании социальных государств консервативно-корпоративистского типа всегда играли такие социальные институты, как церковь и семья, идеологическая поддержка которых обусловила особенности систем социальной защиты социальных государств этой модели. Государственная социальная политика в таких социальных государствах предусматривает реализацию программ поддержки семьи и поощрения материнства через семейные пособия. Однако система государственного учреждения по уходу за детьми в консервативно-корпоративистских социальных государствах развита слабо. Доминирующий в них принцип субсидиарности предусматривает оказание социальной помощи индивиду только в случае, если его способность к самостоятельному выходу из ситуации, вызванной потерей дохода, невозможна или исчерпана. К консервативно-корпоративистским социальным государствам обычно относят Германию, Австрию, Италию и Францию.

Третья группа социальных государств, представленная преимущественно странами Северной Европы (Норвегией, Швецией, Финляндией и частично Данией), — социальные государства социал-демократического типа, в которых долгое время правительства

формировались социал-демократическими партиями. Основной принцип социального государства социал-демократического типа — универсальность системы социального обеспечения, подразумевающей широкий охват услугами социального обеспечения максимального числа граждан. Второй по важности принцип социального государства этого типа — обеспечение социальной солидарности, предполагающее равное, но соразмерное доходам участие всех граждан в формировании финансовых ресурсов системы социального обеспечения. Согласно замечанию Г. Эспинг-Андерсена «все находятся в выигрыше, но все зависимы друг от друга, поскольку все должны чувствовать себя обязанными платить» [7]. Наконец, третий принцип этого типа государства — перераспределение государством ресурсов от наиболее обеспеченных граждан к наименее обеспеченным членам общества. Этот тип социального государства является наиболее эгалитарным и нацеленным на формирование общества с наименьшей степенью дифференциации доходов. Основным его недостаток — дороговизна системы социального обеспечения, обусловленная высоким уровнем налогообложения.

Важным аспектом социальных стран социал-демократического типа, в отличие от консервативно-корпоративистских государств, является отсутствие влияния семьи и церкви на его формирование. Социальная политика социал-демократического государства нацелена на максимизацию независимости индивида и его освобождение от бремени традиционной семьи. В этой части социал-демократическое социальное государство отражает специфическое объединение идей социализма и либерализма. Патернализм социал-демократического социального государства проявляется в том, что оно берет на себя ответственность за социальное обеспечение детей, престарелых и инвалидов. Семейная политика такого государства направлена не столько на повышение доходов семей с детьми, сколько на поощрение выбора женщин в пользу работы, а не занятия домашним хозяйством. Социальное государство социал-демократического типа может считаться эффективным, если проблемы социальной среды и обеспечения максимального уровня доходов сведены к минимуму. Однако для этого большая часть населения должна работать, а меньшая жить на государственные пособия.

В классификации социальных государств Г. Эспинг-Андерсена не принимается во внимание ряд факторов, характерных для социальных государств консервативно-корпоративистского типа, в частности Греции,

Испании, Португалии, отчасти — Италии, где системы социального обеспечения не охватывают все население страны и не предлагают такого разнообразия социальных услуг, которое характерно для других государств, входящих в эту группу стран. В них до сих пор действуют неформальные негосударственные формы социального обеспечения (церковь, семья), что обуславливает их выпадение из этой классификации. Поэтому возникла необходимость дополнения этой классификации, что было сделано Ш. Лейбфридом посредством введения в нее социального государства четвертого типа, принадлежащего к так называемому латинскому поясу, которое характеризуется зачаточным социально-ограниченным набором социальных прав и программ [8].

Еще один подход к классификации социальных государств содержится в документах Еврокомиссии, согласно которым европейские социальные государства подразделяются на четыре типа (модели): континентальные (бисмарковские), англосаксонские (согласно модели Бевериджа), скандинавские и южно-европейские [10]. Последний тип государств еще называют рудиментарным в силу того, что институты социального обеспечения в нем не получили достаточного развития (*табл. 2*).

Первая модель социального государства — континентальная, называемая также бисмарковской по имени ее основателя канцлера О. Бисмарка, характеризуется жесткой связью объема социальных выплат и длительности трудовой деятельности. Основой континентальной модели социального государства является социальное страхование, которое финансируется из страховых взносов предпринимателей и наемных работников. Основные контуры этой модели были заложены в Германии в конце XIX в. реформой социального законодательства Отто фон Бисмарка, которая предусматривала создание трех отраслей социального страхования: страхование по старости и инвалидности, страхование по болезни и страхование от несчастных случаев на производстве.

Эта модель социального государства основывается на соблюдении принципа профессиональной солидарности, реализующегося через систему самоуправляемых страховых организаций, аккумулирующих социальные взносы предпринимателей и трудящихся, из которых и производятся страховые выплаты. В системах социального страхования западноевропейских государств реализуются различные варианты участия предпринимателей и работников в формировании страховых фондов, которые могут предусматривать как

Таблица 2 / Table 2

Модели социального государства в странах ЕС / Models of the welfare state in the EU

	Скандинавская модель / The scandinavian model	Англосаксонская модель (Бевеиджа) / The anglo-saxon model (Beveridge)	Континентальная модель (Бисмарка) / Continental model (Bismarck)	Южно-европейская модель (рудиментарная) / Southern European model (rudimentary)
Основная ответственность / Primary responsibility	Государство	Государство	Государство	Семья и церковь
Уровень перераспределения доходов / Level of income redistribution	Высокий	Средний	Ограниченный	Ограниченный
Степень охвата социальными услугами / Extent of social service coverage	Все население	Все население	Все работающие	Преимущественно малоимущие
Источники финансирования / Sources of funding	Налоги	Налоги	Страховые взносы	Страховые взносы и другие источники
Управление / Management	Государство / профсоюзы	Государство	Страховые самоуправляемые организации	Страховые самоуправляемые организации

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

равное, так и иное соотношение долей обеих сторон. Хотя такие системы социального страхования чаще всего не финансируются из государственного бюджета, в современных реалиях существования этой модели участие государства в социальном страховании не отрицается, если работник не может получить страхового возмещения по причине нехватки страхового стажа или отсутствия возможности получения пособия в рамках страховой системы. В этом случае социальная солидарность реализуется через механизмы социальной помощи — социальные пособия или услуги, не привязанные к величине и длительности социальных выплат в страховые фонды, которые работник производил в период своей трудовой деятельности.

Хотя обязательность социального страхования работников была установлена законами о социальном страховании еще во времена О. Бисмарка, она до настоящего времени реализуется на практике не полностью в отношении лиц с высокими доходами, которые не могут быть застрахованными из-за высокого уровня своих доходов в рамках системы обязательного социального страхования. Однако это не означает полного отсутствия возможности их страхования ввиду того, что для этой категории лиц в континентальной

модели социального государства предусмотрены программы добровольного социального страхования. Таким образом, в основе континентальной модели социального государства лежит принцип актуарной справедливости страховых выплат в зависимости от величины страховых взносов.

Вторая модель социального государства — англосаксонская (модель Бевеиджа¹) применяется в Европе двумя странами: Великобританией и Ирландией. Концептуальные основы англосаксонской (британской) модели социального государства были предложены Бевеиджем в его докладе, подготовленном в соответствии с заданием правительства Великобритании в 1942 г. [10] на основе идей Дж. Кейнса о влиянии платежеспособного спроса на динамику общественного производства и занятости, а также о том, что перераспределение доходов в интересах социальных групп с низкими доходами может способствовать росту совокупного спроса и производства. Модель социального государства Бевеиджа базировалась на следующих принципах:

¹ Бевеидж, Уильям Генри (Beveridge, William Henry) (1879–1963) — английский политический деятель и экономист.

- единообразии и унификации социальных услуг и выплат, выражаемые в одинаковом размере пенсий, пособий и медицинских услуг, а также условий их предоставления;

- всеобщность (универсальность) социального обеспечения, т.е. его распространение на всех нуждающихся.

В отличие от континентальной модели социального государства, в которой размер страховых пособий зависит от объема страховых взносов, в англосаксонской модели социального государства устанавливаются социальные выплаты независимо от размера утраченного дохода, т.е. отсутствие страхового стажа и работы не приводило к тому, что работник лишался права на получение минимальной помощи от государства. основополагающий принцип концепции Бевериджа — распределительная справедливость, поскольку в данном случае имеется в виду не профессиональная (как в предыдущей модели), а национальная (общественная) солидарность, предполагающая предоставление обществом каждому индивиду гарантии обеспечения удовлетворения его минимальных потребностей в медицинском обслуживании, жилье и питании. Финансирование англосаксонской модели социального государства является комбинированным. Так, ресурсы, направляемые на поддержку семьи и организацию здравоохранения, формируются за счет государственного бюджета, а финансирование пособий по безработице и пенсий по старости осуществляется преимущественно из страховых взносов, хотя и в этой системе имеются исключения.

Недостатками такой модели социального государства являются достаточно низкая величина базовых социальных пособий, а также определяющее значение социальной помощи для малообеспеченных или неимущих граждан. Однако следует отметить, что речь идет именно о базовых минимальных пособиях, составляющих только часть всех социальных выплат. Последние же могут формироваться также за счет дополнительных (профессиональных и индивидуальных) схем социального страхования, существенно увеличивающих доход индивида. Причем в соответствии с этой моделью социального государства право на получение пособия предоставляется только после проверки нуждаемости в нем.

Третья модель социального государства — скандинавская. Она характерна для Дании, Швеции и Финляндии. Так же как в модели Бевериджа, охват населения услугами системы социальной защиты в этой модели социального государства довольно высок — прак-

тически все жители страны имеют равное право на социальное обеспечение. Количество предоставляемых социальных услуг и выплат в скандинавской модели значительно больше, чем в модели Бевериджа. Эти две модели также различаются в особенностях финансирования их систем социальной защиты. Модель Бевериджа предусматривает смешанное налогово-взносовое финансирование, а скандинавская модель — преимущественно налоговое финансирование (за исключением страхования от безработицы, финансируемого из добровольных страховых взносов работников).

Четвертая модель социального государства — южно-европейская, или рудиментарная. Она свойственна Италии, Испании, Греции и Португалии. Рудиментарность этой модели социального государства обусловлена ее переходным характером [11]. Только в последние десятилетия в этих государствах получили развитие системы социального обеспечения. Как правило, уровень социальной защиты, присущий данной модели социального государства, небольшой. Социальная помощь оказывается, как правило, родственниками, семьей и церковью. Поэтому семья и церковь как институты социальной защиты играют отнюдь не последнюю роль в социальном обеспечении, а социальная политика государства преимущественно ориентирована на компенсацию социальных рисков отдельных категорий населения. Рудиментарность этой модели проявляется также в асимметричной структуре социальных расходов. Так, если на пенсионное обеспечение выделяется до 15% ВВП, то на другие не менее значимые отрасли социальной политики, такие как поддержка семьи, образование и обеспечение политики занятости, расходуются незначительные средства — около 1%.

В последние десятилетия в экономически развитых странах происходит процесс пересмотра представлений о социальном государстве и связанных с ним социальных программ. К концу XX в. практически все европейские социальные государства столкнулись с кризисными явлениями. В качестве их основных причин можно назвать демографические изменения, трансформацию традиционных семейных отношений, миграционные процессы и др. Кризис социальных государств имеет двойственный характер. С одной стороны, это кризис концептуальных основ социального государства, вызванный распадом механизмов социальной солидарности и переосмыслением значения государства в социальной сфере. С другой стороны, это кризис экономических основ социального госу-

дарства, обусловленный проблемами несоответствия доходов систем социального обеспечения постоянно увеличивающимся потребностям населения в социальном обеспечении.

Ответами многих стран на кризис социального государства в рамках стратегии либерализации социальной политики стали общее сокращение социальных расходов и ужесточение требований к получателям социальных пособий. Другим вариантом трансформации социального государства стала концепция государства социальных инвестиций (*social investment state*), правовой основой которого являются Лиссабонская стратегия 2000 г. и стратегия развития ЕС «Европа-2020». Формально такое социальное государство не отказывается от поддержки малоимущих граждан, но основным направлением его деятельности становится активная политика занятости, а сама социальная политика рассматривается как форма социальных инвестиций в человеческий капитал [12]. Говоря о будущем социального государства, необходимо отметить, что, несмотря на переосмысление его концептуальных основ и реформирование социальной сферы, современные социальные государства пока не отказываются от своих обязанностей по обеспечению социальных гарантий гражданам, что свидетельствует о сохранении прежних приоритетов в области социальной политики.

ВЫВОДЫ

Социальное государство как форма социально-экономической организации общества, в которой государство играет ключевую роль в обеспечении достойной жизни и социально-правовой защиты своих граждан, представляет собой относительно новое явление, получившее развитие после Второй мировой войны в развитых западных странах. Его формирование связано с резким ростом расходов на социальное обеспечение и развитием государственных социальных программ. Тем не менее неправильно, по нашему мнению, сводить феномен социального государства только к этим процессам. Сущность социального государства проявляется в принципиально новом качестве государственной власти, которая формируется в результате ее внутренней трансформации на принципах согласия, партнерства и солидаризма. При этом важным элементом социального государства становится гражданское общество, ставящее власть под контроль граждан в целях реализации их интересов. Такое новое качество государственной власти становится причиной качественного

изменения отношения государственных институтов к социальной сфере, что выражается прежде всего в том, что государство становится ответственным за реализацию активной социальной политики и надежной социальной защиты граждан.

В соответствии с Конституцией Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В связи с этим возникает вопрос об особенностях российской модели социального государства, его отличии и сходстве с рассмотренными выше моделями социальных государств развитых стран. На сегодняшний день для российской модели социального государства характерны как особенности советской системы социальной защиты, так и элементы социальных государств Запада. Таким образом, в настоящее время можно говорить о том, что России свойственна *смешанная модель социального государства*. В Российской Федерации функционирует система социального страхования, в рамках которой производится финансирование пенсионного обеспечения и здравоохранения, выплата различных социальных пособий. С этой точки зрения эту систему можно рассматривать как элемент консервативно-корпоративистской модели социального государства. Однако российскую систему социального страхования нельзя считать в полном смысле страховой моделью в силу непersonифицированности страховых взносов, вносимых в большинство внебюджетных страховых фондов, и отсутствия трехканального формирования страховых фондов. По этой причине отечественная система социального страхования функционирует по принципу социального обеспечения, с одной стороны, повторяя систему централизованного обеспечения советских времен, а с другой стороны (по степени универсальности системы социального обеспечения), для нее также характерны черты социально-демократической модели социального государства.

В то же время в последние десятилетия практика проведения социальной политики в России демонстрирует ее сближение с либеральной моделью социального государства в ее не самом лучшем американском варианте, для которой характерны такие особенности, как оказание социальной поддержки только самым незащищенным группам населения и значительная роль доли личных расходов граждан в оплате социальных услуг. Тенденцию их сближения демонстрируют и высокие показатели экономического неравенства, характерные для обеих моделей среди других моделей социального государства. Устойчивое

снижение социальных расходов в России, вызванное в пореформенный период нехваткой ресурсов, но продолжающаяся и в настоящее время тенденция к переходу к финансированию социальной политики по остаточному принципу, характерному для субсидиарной модели государства, свидетельствуют о том, что вектор государственной социальной политики отходит от закрепленных в российской Конституции норм социального государства. Поэтому в случае ухудшения экономического положения в России не исключена возможность применения такой модели, при которой все социальные права и гарантии могут быть сведены к адресной социальной помощи бедным на уровне прожиточного уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ritter G. Der Sozialstaat. Entstehung und Entwicklung im internationalen Vergleich. Muenchen, 1991. P. 20.
2. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton (N.J.), 1990. P. 23.
3. Роик В. Социальное государство и гражданское общество // Человек и труд. — 1992. — № 11. — С. 8–10. — ISBN 0132–1552.
4. Roik V. Social state and civil society. *Chelovek i trud = Man and labor*. 1992;(11):8–10. (In Russ.).
5. Гриценко Н.Н. и др. Концепция социального государства Российской Федерации. — Москва, 2004. — С. 164. ISBN 978–5–93441–188–7.
6. Gritsenko N.N. and others. The concept of the social state of the Russian Federation. — Moscow, 2004. — С. 164. (In Russ.).
7. Wilensky H. The Welfare State and Equality: Structural and Ideological Roots of Social Expenditure, Berkeley. 1975. P. 35.
8. Titmuss R.M. Essays on the Welfare State. London, 1976. P. 272.
9. Esping-Andersen G. Die drei Welten des Wohlfahrtskapitalismus. Zur Politischen Oekonomie de Wohlfahrtsstaates. Welten des Wohlfahrtskapitalismus. Der Sozialstaat in vergleichender Perspektive. — Fankfurt, 1998. Pp. 43–47.
10. Leibfried S. Towards European Welfare State. Social Policy in a Changing Europe. Frankfurt. Campus Verlag, 1992. Pp. 245–281.
11. Сидорина Т.Ю. Множественность подходов к типологии государства всеобщего благосостояния // Вопросы экономики. — 2014. — № 8. — С. 129–139. — ISBN 0042–8736.
Sidorina T. Yu. Multiple approaches to the typology of the welfare state. *Voprosy ekonomiki*. 2014;(8):129–139. (In Russ.).
12. Beveridge W. Full Employment in a Free Society. London, 1944.
13. Hanesch W. Soziale Sicherung im europaeischen Vergleich. Aus Politik und Zeitgeschichte. Bd. 34–35/98. Pp. 3–10.
14. Чубарова Т.В. Государство социальных инвестиций — новый поворот в социальной политике? // Общественные науки и современность. — 2015. — № 6. — С. 14–28. — ISBN 0869–0499.
Chubarova T.V. The state of social investment — a new turn in social policy? *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social sciences and modernity*. 2015;(6):14–28. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владислав Владимирович Антропов — доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры экономической теории, РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, Москва, Россия
antropovvl@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav V. Antropov— Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of World Finance, Financial University, Moscow, Russia; Prof., Department of Economic Theory, National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Moscow, Russia
antropovvl@yandex.ru

Статья поступила 15.01.2021; принята к публикации 10.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.01.2021; accepted for publication 10.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-16-31
УДК 330.101(045)
JEL D31, D63, E21, E24, E61

Социальная политика в решении проблемы неравенства и бедности

О.С. Сухарев

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – социальная политика, зависящая от взаимосвязи уровня неравенства в положении людей и бедности. «Ковидный» кризис резко обострил проблемы социального государства, выразившиеся в увеличении бедности и неравенства в распределении дохода и нематериальных выгод, и затруднил социальное взаимодействие людей. *Цель работы* – оценка влияния неравенства, бедности на функционирование социального государства и реализацию социальной политики. *Результатом* проведенного анализа стало установление аналитических соотношений, показывающих воздействие адресной помощи на снижение децильного коэффициента, т.е. показателя дифференциации доходов, выражающего соотношение между средними доходами 10% населения с наиболее высокими доходами и средними доходами 10% наименее обеспеченных граждан, рассматриваемого как условие уменьшения бедности, а также обосновывается взаимосвязь материальной и нематериальной форм неравенства при действующей системе капиталистических институтов, провоцирующих и поддерживающих определенный уровень неравенства и бедности. В условиях набирающей вес экономики знаний и информационных изменений задача социальной политики может быть сведена к расширению как можно равного доступа агентов к значимым социальным функциям и обеспечению выравнивания доходов. Кроме того, в исследовании предлагается применять при формировании мер социальной политики критерий оценки общественного благосостояния, учитывающий распределение дохода среди слабо защищенных слоев населения – пенсионеров и детей. Это позволит выделить наиболее уязвимую в социальном смысле часть населения в результате анализа уровней неравенства и бедности по группам населения для выработки дифференцированных мер социальной политики.

Ключевые слова: социальное государство; неравенство; бедность; фондовый коэффициент; реальный располагаемый доход; коэффициент Джини; структура доходов; «ковидный» кризис

Для цитирования: Сухарев О.С. Социальная политика в решении проблемы неравенства и бедности. *Экономика. На-логи. Право.* 2021;14(2):16-31. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-16-31

ORIGINAL PAPER

Social Policy in Addressing the Problem of Inequality and Poverty

O.S. Sukharev

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-3436-7703>

ABSTRACT

The subject of the study is social policy that depends on the relationship between the level of inequality in status of people and poverty. The “covid” crisis has sharply exacerbated the problems of the social welfare state, which have resulted in an increase in poverty and inequality in the distribution of income and intangible benefits, and have made it difficult for people to interact socially. *The purpose of the work* is to analyze the impact of inequality and poverty on the functioning of the social state and the implementation of social policy. *The result* of the analysis was the establishment of analytical ratios that show the impact of targeted assistance on the reduction of the decile coefficient, i.e., an indicator of income differentiation which expresses the ratio between the average incomes of 10% of the population with the highest and average incomes and 10% of the least well-off citizens, considered as a condition for reducing poverty, and also substantiates the relationship between material and non-material forms of inequality under the current system of

© Сухарев О.С., 2021

capitalist institutions that provoke and support a certain level of inequality and poverty. The structure of the current rules provides, on average, higher income to those agents who own significant property, while the operating level of employees who are subordinate to the owners in one way or another are guided, on average, by lower incomes. This sets the value of the objective scale of inequality and the resulting poverty which, in the current social structure of institutions cannot be resolved by social policy methods if they do not affect the institutional transformation. In the context of a growing knowledge economy and information change, the task of social policy can be reduced to expanding agents' access to meaningful social functions as equally as possible and equalizing incomes to ensure such access. In addition, the study suggests applying the criterion of social welfare assessment in the formation of social policy measures, taking into account the distribution of income among poorly protected segments of the population – pensioners and children. This will make it possible to identify the most socially vulnerable part of the population by analyzing the levels of inequality and poverty by population groups in order to develop differentiated social policy measures

Keywords: social state; inequality; poverty; stock ratio; real disposable income; Gini coefficient; income structure; covid crisis

For citation: Sukharev O.S. Social policy in addressing the problem of inequality and poverty. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):16-31. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-16-31

ВВЕДЕНИЕ

«Ковидный» кризис существенно ухудшил социальные отношения в контексте экономических социальных институтов и не только повысил уровень индивидуализации общества вследствие ввода карантинных мер и установления самоизоляции, но и спровоцировал экономический кризис посредством прямых ограничений спроса и доходов. Причем эффект от таких ограничений мультиплицировался в других видах деятельности, обусловив снижение объемов производства и доходов. На этом фоне значительно увеличилось производство фармацевтической продукции, оказание медицинских услуг, интернет-торговля и др., что, однако, не помешало углублению экономического кризиса.

Таким образом, человеческое общество, имевшее до начала «ковидного» кризиса большие социальные проблемы, выразившиеся в бедности и даже голоде значительных слоев населения в отдельных регионах мира, возрастающем неравенстве, стихийной миграции населения и депопуляции одних регионов и быстрым увеличением численности населения на других территориях, ухудшении климата и экологии¹, получило мощный добавочный фактор обострения кризиса в социальной системе. Кроме того, был установлен режим социального дистанцирования, что также не могло не повлиять на образ жизни людей. Тем самым современный кризис приводит к социальной трансформации, причем не благодаря решению накопившихся соци-

альных проблем развития, а посредством углубления и порождения новых проблем, которых до сих пор не было на повестке дня.

В предметную область современной социальной политики с давних времен входила задача борьбы с бедностью и ее крайней формой — нищетой, которые обостряли экономические кризисы, а в современном мире к ним добавляются задачи обеспечения эффективного функционирования рынка труда и занятости населения, стимулирования развития системы образования и здравоохранения как основополагающих социальных секторов, а также принятия мер, направленных на социальную защиту населения.

Необходимость умножения народного благосостояния и борьбы с бедностью и ее крайней формой — нищетой, отмечается в работах русских экономистов И.К. Бабста и И.И. Янжула [1, с. 16, 348–349] и рассматривается как прерогатива государства и бюджета, создающих условия не только для наращивания дохода, но и для установления правил честной и эффективной экономики [16, с. 100–127].

В частности, Гуннар Мюрдаль считал, что основным предназначением социальной политики и функцией государства выступает социальная защита населения [6, с. 26], которая осуществляется посредством установления законодательных, экономических, мотивационно-психологических и других гарантий прав работников, обеспечивая повышение уровня их благосостояния за счет трудового вклада, а для нетрудоспособного населения — предоставления продуктов питания, медицинского

¹ Влияющие на уровень и образ жизни населения.

обслуживания, гарантированного доступа к базовым социальным функциям. Экономический рост не может не обуславливать возникновение задачи снижения неравенства и бедности, которые требуются рассматривать как взаимосвязанные явления. Тем самым социальная политика должна сводиться к снижению неравенства, поскольку большое неравенство провоцирует закрепление бедности и привыкание к ней, провоцируя безработицу.

В итоге формируются порочные круги бедности, когда плохое питание, низкий уровень здравоохранения и проблемы со здоровьем, а также низкий уровень образования и недостаточные институциональные условия организации рынков труда уменьшают заинтересованность индивидов во включении в трудовую деятельность, ограничивая возможности использования трудового ресурса, что в свою очередь не позволяет увеличивать доход за счет роста производительности труда, а также повышать производительность труда иными средствами.

Современные ловушки бедности стали куда более изощренными². Так, они, представляя собой самоподдерживающийся механизм, благодаря которому из бедности нет выхода, означают блокировку решения проблем, когда налоговые изъятия из прироста заработной платы таковы, что выгоднее не работать, живя на социальное пособие. Иными словами, социальные выплаты, реализуемые в рамках социальной политики государства, превышают в мотивационном плане возможности получения заработной платы за труд в силу различных институциональных причин организации труда. Это обстоятельство формирует привыкание к бедности по причине закрепления модели поведения людей в виде отсутствия работы и даже желания трудиться. Суррогатные формы деятельности работников, появившиеся после предоставления разрешения работать на компьютере дома в удаленном режиме, также способны видоизменять режимы современного труда и трудовых отношений, ввергая значительную часть населения в такой «аморфный труд» на дому, когда создатель блага, услуги даже не видит и не знает покупателя и координатора своей работы. Становится проще работать неполный

рабочий день, нигде не числиться, получать некое пособие и некую добавку к нему за то, что удастся заработать на компьютере.

Следует отметить, что проблема порочных кругов бедности отмечалась еще Дж. Гобсоном, высветившим пороки капиталистической организации общества. В частности, он отмечал «великую проблему бедности» как дилемму, сводимую к тому, что условия жизни малообразованного населения детерминируют бедность, а она не позволяет в свою очередь получать образование, чтобы ее преодолеть [2, с. 203]. Возникает замкнутый круг, требующий его разрыва для решения проблемы бедности. Задача правительства видится в организации доступа к социальным функциям, в частности к образованию и накопленным благам [2, с. 176–177]. Кроме того, необходимы совершенствование условий труда и снижение безработицы [3], но не за счет паллиативов, т.е. временного решения проблем, благодаря увеличению количества мест труда (при потогонной системе труда), а вследствие повышения уровня потребления³, способствующего развитию производства.

В отличие от русских экономистов, Л. Эрхард [14, 15] видел совершенно иное решение проблемы бедности, не акцентируясь на ее связи с уровнем неравенства, как это было присуще работам Г. Мюрдаля, а в современной России — трудам Д. С. Львова [4]. В частности, им [Эрхардом] отмечалась необходимость стимулирования внутреннего спроса посредством развития конкуренции и свободной торговли, совершенствования образования и проведения индустриализации немецкой экономики после Второй мировой войны. Видимо, либеральный подход как противоположность градуалистскому подходу, взваливающему решение проблем бедности на плечи правительства, начинает в тот период утверждаться в экономической политике, сводя решение задачи борьбы с бедностью к усилению активности самих агентов в решении указанной проблемы развития. Это позволило увеличить рост доходов и потребления, создав базу снижения бедности. Причем такая социальная политика, обеспечивающая эффективное распределение доходов

² Низкий уровень развития и отсталости формируется благодаря тому, что агенты имеют низкое или недостаточное образование, что обеспечивает нехватку дохода и ресурсов и закрепляет низкие компетенции, уровень потребления и доходов, что не позволяет разорвать круг, т.е. достигать более высоких уровней компетенции и знаний.

³ Общественные работы, о которых пишет Дж. Гобсон задолго до Р. Кана и Дж. М. Кейнса, должны повышать потребление. Только в этом случае они будут способствовать противодействию кризиса. Тем самым форма и масштаб организации таких работ в кризис будут иметь принципиальное значение [3, с. 140].

и гарантии труда, возможна при принятии иных выверенных макроэкономических мер, в том числе в достижении устойчивости валютного курса [15]. Социальный склероз в силу влияния групп особых интересов, бюрократического аппарата, генерирующего высокие транзакционные издержки, становится причиной отсталости и бедности [7, 8], объясняя причины упадка в отдельных странах. Бедность в крупных городах, которая формируется в виде пояса вокруг них, также является следствием порочных кругов бедности [10].

Как видим, изначально в разных постановках социальная политика рассматривалась как система мер, позволяющих, *во-первых*, наращивать доход, а *во-вторых*, эффективно его распределять, что является особым атрибутом социальной политики. Одни исследователи считали борьбу с неравенством социальной функцией политики, а другие не придавали столь огромного значения уровню неравенства, хотя также отмечали важность распределения доходов.

Таким образом, социальная политика имеет целевое назначение — обеспечение занятости, развитие труда, социальную защиту населения, остро нуждающегося в компенсации потерянных доходов, тем самым поддерживая уровень и качество его жизни, обеспечивая снижение бедности и обоснованное распределение доходов.

СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Рынок труда, обеспечение занятости и политика в области заработной платы становятся основными объектами приложения усилий правительства в рамках социально ориентированной рыночной экономики [14, 15]. Борьба с безработицей в рамках неоклассической экономики сводится к обоснованию равновесной нормы безработицы на основе сопоставления и анализа числа мест, которые потенциально можно занять, и численности рабочей силы, которая получит эти места. Разница между этими параметрами состоит в том, что если численность рабочей силы превышает число имеющихся рабочих мест, то она становится причиной безработицы. Если нет интереса в сохранении рабочего места со стороны работника или работодателя, то при наличии рабочих мест с течением времени работник найдет себе применение, но тот, кто потерял в текущем режиме работу и ищет новое место занятости (в течение определенного

периода и с регистрацией своего статуса), будет отнесен к категории безработных [9].

Однако стимулирование занятости, расширение числа рабочих мест без роста потребления и дохода, как отмечал Дж. Гобсон [2, 3], вряд ли позволят решить проблему бедности и безработицы. К этой точке зрения можно добавить позицию Дж. Стиглица, согласно которой нужен «активный рынок труда», обеспечивающий простую смену деятельности, перемещение труда, переобучение, вписывающиеся в решение задачи стимулирования совокупного спроса [20].

Однако, видимо, активный рынок труда не будет панацеей в решении взаимосвязанной проблемы бедности и неравенства. Нужны системные меры, охватывающие все виды политики, имеющие целью не просто обеспечение необходимого уровня занятости, но и рост доходов, а также их наиболее справедливое распределение. В противном случае увеличение неравенства будет становиться причиной нестабильности развития, которая в свою очередь пролонгирует высокое неравенство, формируя тем самым порочный круг взаимной детерминации указанных параметров. Борьба с бедностью предполагает не только повышение доходов бедных в виде неких программ социальной помощи, расширение их доступа к здравоохранению и образованию, но и сдерживание увеличения доходов богатых. Последнее требует не только ограничения диктата финансового сектора на развитие крупных монополий и транснациональных корпораций, расширения права на наемный труд и резкого повышения эффективности правовой защиты населения, но и претворения в жизнь программы социальной поддержки целевой, изменения налоговой системы⁴ для оказания влияния на темп роста доходов богатых и бедных соответственно. Чтобы неравенство понижалось, необходимо и достаточно, чтобы темп роста доходов самой богатой группы 10% населения был меньше темпа увеличения доходов самой бедной группы 10% населения.

Конечно, важнейшим условием обеспечения занятости, снижения бедности и неравенства становится экономический рост, позволяющий увеличивать доходы. При этом отметим колоссальный объем

⁴ По всей видимости, она должна стать, безусловно, прогрессивной, причем не только по подоходному налогу, но, видимо, и по отдельным наиболее значимым иным налогам, затрагивающим развитие бизнеса, отчисления из прибыли, включая ее реинвестирование.

научной литературы, посвященной исследованию проблемы взаимной детерминации неравенства и экономического роста [13]. Верификация кривой С. Кузнеца⁵, описывающей, что по мере развития изменяется распределение доходов, т.е. уровень неравенства, завершилась приведением аргументов о том, что ее наличие не подтверждается. Государства с низкими доходами имели больший уровень неравенства, а страны с высокими доходами — более равномерное его распределение, меньший уровень неравенства [13]. Показывается также, что при низком уровне доходов неравенство понижало темп роста, а при высоком уровне доходов неравенство увеличивало темп роста. Можно предположить, что важны и уровень самого неравенства, и динамика его изменения. Таким образом, вопрос о влиянии неравенства на рост и о влиянии роста на неравенство и бедность остается спорным [13, с. 166]. Например, в СССР неравенство было низким, но с рыночными реформами оно быстро увеличивалось, в то время как в стране произошли двукратное падение ВВП и еще большее уменьшение доходов и сбережений. Однако при восстановительном росте 1999–2008 гг. уровень неравенства понизился относительно роста в 1990-е гг.

Тем самым данная динамика показывала уже на эмпирическом сопоставительном уровне анализа несовпадение с кривой Кузнеца, не говоря о том, что данная кривая вообще не охватывает решение проблемы изменения распределения дохода при трансформационном кризисе экономики.

Неравенство может замедлять рост, на каких-то этапах развития способно сопровождать рост, но бедность изменяется более сложным образом, как и влияние роста на нее не является однозначным, так как бедность детерминируется распределением плодов роста между группами населения. Можно предположить, что неравенство по-разному влияет на рост⁶ и в свою очередь рост на неравенство и бедность в зависимости от уровня развития страны, состояния ее производительных сил, величины неравенства, бедности и динамики этих величин.

⁵ Гипотеза С. Кузнеца состоит в том, что в странах, стоящих на ранних ступенях экономического развития, неравенство доходов сначала возрастает, но по мере роста экономики затем уменьшается.

⁶ В литературе обсуждаются различные передаточные механизмы такого влияния. В частности, неравенство ограничивает доступ к кредиту, посредством чего и оказывается тормозящее влияние на рост.

Проблема измерения неравенства и бедности становится определяющей, так как нет однозначных показателей, которые давали бы безукоризненно точную картину как уровня неравенства, так и степени бедности. Измерение неравенства по коэффициенту Джини — статистическому показателю степени расслоения общества данной страны или региона по какому-либо изучаемому признаку (по кривой Лоренца) — показывает только уровень неравенства по доходам. Хотя современные капиталистические экономики привязывают доступ к различным социальным функциям к величине доходов, неравенство определяется тем не менее другими социальными возможностями, которые не отражены в показателе Джини или коэффициенте фондов, равном отношению доходов 10% наиболее богатой группы населения к доходам 10% наиболее бедной части населения.

С измерением бедности еще сложнее, так как она вычисляется по величине личного дохода, обеспечивающего реализацию минимального набора потребностей. Этот набор, так же как точка минимума, изменяется, не говоря уже о том, что в каждом обществе он зависит от уровня развития и разный по величине. При сопоставлении стран избирается единообразный подход, т.е. он рассматривается с позиции единого уровня цен. Однако по уровню доходов составляется представление об абсолютной бедности, но наряду с ним существует относительная бедность, предполагающая сравнительный аспект, когда доходы обеспечивают минимально необходимые потребности, но они значительно ниже, чем у других слоев населения, и на этом основании можно делать вывод о наличии относительной бедности. В результате этого допущения самый бедный в какой-то богатой стране может считаться середняком в очень бедной стране. Кроме этих видов бедности, существует еще функциональная бедность, которая и в силу ограничения по доходам, и вследствие институциональных и иных ограничений лишает часть населения возможности пользования социальными функциями и благами, которые не удается трансформировать в измеряемую величину по доходам.

Немецкая модель социального государства или рейнский капитализм, а также шведская модель предполагали развитие конкурентного рыночного порядка, увеличение государственных расходов по социальным направлениям развития, включая социальное страхование, гарантии пенсий, приме-

нение субсидий и дотаций [14]. Все это в какой-то степени работает только при экономическом росте. Следовательно, решение проблемы бедности видится в системных изменениях в экономике, в которой организуется рост и одновременно проводится политика снижения неравенства как основного условия сокращения бедности. Однако далеко не всегда в рамках неоклассического варианта макроэкономической политики роста удается совмещать достижение трех целей — роста ВВП, снижения бедности и неравенства. Если созданные институты капиталистической организации экономики способствуют перемещению созданных доходов в пользу богатых слоев населения (именно такой эффект наблюдается в большинстве развитых экономик мира, включая Россию), а у богатых, как известно, склонность к сбережению выше (бедные тратят все на текущую жизнь), то вытекающей из такой схемы рост сбережений должен способствовать росту инвестиций и экономическому росту. Однако вышеуказанное распределение доходов не в пользу бедных увеличит неравенство и бедность. Следовательно, рост, основанный на представленной схеме, фактически предполагающий сберегательно-инвестиционную модель экономики⁷, не приведет к снижению бедности и неравенства. Более того, по всей видимости, эти два параметра заметно ухудшатся.

Старение населения увеличивает склонность людей к сбережению, что также поддерживает рост в рамках данной модели. Сбережения используются в виде инвестиций для создания средств производства (фондов), расширяя потребление на следующих этапах развития. Текущее потребление позволяет обеспечивать уровень жизни ныне живущих людей. Поэтому выбор между текущим потреблением и инвестированием представляет собой выбор между видимым снижением бедности и неравенства сегодня и созданием модели роста экономики за счет прогрессирующих в сторону увеличения показателей неравенства и бедности завтра. Но создание фондов может привести в будущем к более высоким доходам. Останется только их обоснованно распределять. Однако созданные институты, воспроизводящие сберегательную модель развития, вряд ли предоставят возможность

существенно продвинуться в этом вопросе, если они не будут кардинально изменены.

Демографические изменения, обусловленные отрицательным естественным приростом населения, сокращением рождаемости, приводящие к необходимости поощрения миграции как источника рабочей силы и роста, также действуют в направлении фиксации уровня бедности по причинам неустойчивости мигрантов, их невысокой квалификации, проблем со здоровьем и трудностей адаптации. В связи с этим в рамках проводимой политики, направленной на экономическое развитие и снижение бедности и неравенства, не следует уповать на поощрения миграции или видеть в ней весомый аспект в решении демографических проблем.

В качестве обобщения отметим, что по большому счету могут существовать два вида социальной политики, если идентифицировать их по воздействию на расположение кривой Лоренца.

Во-первых, система мер воздействия социальной политики, смещающих кривую Лоренца вправо от биссектрисы, увеличивая неравенство. *Во-вторых*, меры социальной политики, смещающие кривую Лоренца влево к биссектрисе в направлении повышения равенства, т.е. снижения неравенства.

Следовательно, требуется тестировать меры социальной политики для определения их действия на расположение этой кривой в будущем. Эта задача весьма не проста в аналитическом смысле и трудно решается по многим причинам: кривая строится по уже известным данным в рамках определенной социальной политики, которая проводилась, и сложно разделить меры социальной политики, выясняя раздельно влияние каждой из имеющихся мер и потенциально возможной меры к применению. Априори ясно одно, что пропорциональная налоговая система, видимо, действует в одном направлении, т.е. способствует смещению кривой вправо либо не перемещает кривую. Что же касается прогрессивной налоговой системы, то она однозначно смещает кривую влево — в сторону понижения неравенства; следовательно, она работает на борьбу с бедностью в положительном направлении. Конечно, уровень прогрессии в налоговых ставках будет оказывать определяющее влияние.

При обосновании социальной политики всегда имеется выбор в альтернативных решениях — какие меры применять, в каком масштабе. Так, можно увеличивать пособия по безработице, но альтернативно расширять число рабочих мест (создавать

⁷ Именно такую модель анонсировали в России ответственные представители Правительства РФ и ЦБ РФ несколько лет назад.

их). Можно действовать параллельно, увеличивая и пособие, и число рабочих мест, либо сокращая пособие и увеличивая значительно число рабочих мест. Выбор зависит от исходных возможностей и сложившейся ситуации в стране в области бедности, неравенства и занятости.

Основными направлениями в приложении усилий социальной политики выступают рынки труда, пенсионная система, состояние социальной защиты населения и два наиболее значимых сектора — образование и здравоохранение⁸.

Постоянные изменения трудового законодательства, пенсионного права и пенсионной системы в целом могут быть показателем неблагополучия в организации и функционировании этих самым значимых сегментов социальной системы. Обычно долгосрочные последствия подобных изменений оказываются крайне неопределенными. При этом гарантированная пенсия, заработная плата, обеспечивающие прожиточный минимум граждан, материальная помощь нуждающимся, предоставление гарантий и регулирование трудовых отношений выступают минимальным необходимым набором мер социальной политики, направленных на снижение бедности и неравенства.

Нужно отметить, что, несмотря на работы Г. Мюрдаля и многих его последователей, неоклассические экономисты ошибочно не акцентируют внимания на связи неравенства и бедности, рассматривая эти проблемы отдельно. Более того, такого подхода придерживаются правительственные чиновники, которые повторяют сложившиеся представления одного экономического направления и как бы не замечают другие экономические школы.

НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ: ЧТО МОЖЕТ РЕШИТЬ АДРЕСНАЯ ПОМОЩЬ?

Неравенство и бедность — понятия связанные, причем первое во многом определяет второе, хотя при большой бедности говорить о более равномерном распределении дохода не приходится. Для оценки уровня неравенства можно использовать показатель (f) отношения доходов (D_{10}) 10%

⁸ Имеется в виду не только государственное, но и частное образование и здравоохранение. Тем не менее государственная политика должна рассматриваться в отраслевом разрезе по приоритетному развитию этих социальных видов деятельности, обеспечения широкого доступа населения к ним.

наиболее богатой части населения к доходам (D_1) 10% наиболее бедной части населения $f = D_{10}/D_1$. Чем выше этот показатель, тем больше уровень неравенства. Бедность характеризуется обычно числом жителей страны в населении, имеющих минимальный доход, не позволяющий обеспечить самый низкий установленный уровень жизни (т.е. является во многом нормативным понятием, по крайней мере в измерительном смысле). Однако, введя в формулу бедности общий доход D , уменьшение бедности будет означать рост отношения $\gamma_1 = D_1/D$ при не сокращении общей величины дохода в стране ($dD/dt > 0$). Тем самым доля доходов бедных в общей величине доходов должна возрастать. $dD_1/dt > 0$, $d\gamma_1/dt > 0$ при снижении неравенства $df/dt < 0$, т.е. $g_{D_1} > g_{D_{10}}$ ($g_{D_1} = (1/D_1) dD_1/dt$, $g_{D_{10}} = (1/D_{10}) dD_{10}/dt$). Как видим, темп роста доходов самых бедных должен обгонять темп увеличения доходов богатых, чтобы неравенство уменьшалось. Снижение бедности равнозначно увеличению показателя γ_1 , когда доходы самых бедных увеличиваются, причем так, чтобы их величина превысила прожиточный минимум $D_1 > D_{min}$. Темп роста доходов бедных может зависеть от одного набора факторов, влияющих на эту величину, а темп роста доходов богатых — от иного набора факторов. Конечно, отдельные факторы могут быть одними и теми же, причем работать на увеличение доходов богатых и уменьшение доходов бедных. При выявлении таких факторов и влияния на них можно одновременно увеличивать доходы бедных и тормозить рост или снижать доходы богатых.

Для решения проблемы бедности часто анонсируется и используется адресная помощь наиболее нуждающимся слоям населения. Вводятся критерии, согласно которым отдельные граждане подпадают под оказание такой помощи со стороны государства.

Адресная помощь может осуществляться за счет имеющегося в стране дополнительного ресурса либо вследствие отвлечения части доходов у богатого населения. В первом случае показатель неравенства примет вид: $f = D_{10}/(D_1 + a)$, где a — величина адресной помощи. Во втором случае: $f = (D_{10} - a)/(D_1 + a)$, и адресная помощь уменьшит доходы наиболее богатых граждан.

Рассмотрим два указанных случая отдельно.

Адресная помощь оказывается за счет имеющегося ресурса (без отвлечения из доходов богатых), причем величина адресной помощи может быть

постоянной $a = \text{const}$ или изменяться $a = \text{var}$. Для случая динамически изменяемой величины адресной помощи имеем условие снижения неравенства:

$$df/dt < 0, \text{ откуда } g_{D_{10}} < (D_1 g_{D_1} + a g_a) / (D_1 + a). \quad (1)$$

Если величина адресной помощи фиксирована, то $a = \text{const}$, $g_a = 0$ ($g_a = (1/a) da/dt$), темп изменения адресной помощи равен нулю. Тогда выражение (1) приобретает следующий вид:

$$g_{D_{10}} < D_1 g_{D_1} / (D_1 + a). \quad (2)$$

Таким образом, снижение уровня неравенства будет обеспечено, если темп роста доходов наиболее богатой части населения будет меньше уже не просто темпа роста дохода наиболее бедной части, а взвешенного темпа роста доходов бедной группы населения, где взвешивающий коэффициент $D_1 / (D_1 + a)$.

Обозначив долю адресной помощи от величины дохода бедных $s = a/D_1$, несложно переписать выражение (2):

$$g_{D_1} > (1 + s) g_{D_{10}}. \quad (3)$$

Как следует из выражения (3), при положительной динамике доходов указанных групп населения для снижения неравенства необходимо и достаточно, чтобы темп роста доходов бедных превышал темп роста доходов богатых на величину, равную произведению темпа роста доходов богатых на долю адресной помощи в доходах бедных. Это верно при условии, что адресная помощь установлена и не изменяется по величине на рассматриваемом отрезке времени и оказывается из имеющихся ресурсов.

Из выражения (1) несложно вычленив адресную помощь, отвечающую снижению уровня неравенства. При изменении величины адресной помощи получим:

$$a > \frac{D_1 (g_{D_{10}} - g_{D_1})}{g_a - g_{D_{10}}}, \quad (4)$$

$$g_{D_{10}} < g_a.$$

Если адресная помощь — величина постоянная, $a = \text{const}$, $g_a = 0$, тогда $a > D_1 [g_{D_1}/g_{D_{10}} - 1]$.

Адресная помощь должна быть выше некой доли доходов бедных, чтобы неравенство снижалось.

Учитывая общее условие на уменьшение неравенства $g_{D_1} > g_{D_{10}}$, а также то, что адресная помощь

ниже величины доходов бедных $a < D_1$, можно получить $g_{D_1} < 2 g_{D_{10}}$ или темп роста доходов бедных должен быть в диапазоне $g_{D_{10}} < g_{D_1} < 2 g_{D_{10}}$ при установленной и не изменяющейся величине адресной помощи.

Адресная помощь оказывается за счет отвлечения доходов от наиболее богатых, т.е. $f = (D_{10} - a) / (D_1 + a)$, $D_{10} > a$. Рассмотрим также два случая, когда адресная помощь изменяется — $a = \text{var}$ и когда она постоянная — $a = \text{const}$.

Раскрывая условие снижения неравенства $df/dt < 0$, получаем:

$$g_{D_{10}} < \frac{D_1}{D_{10}} \frac{D_{10} - a}{D_1 + a} g_{D_1} + a g_a \frac{D_1 + D_{10}}{D_{10} (D_1 + a)}. \quad (5)$$

Если величина адресной помощи не изменяется $a = \text{const}$, $g_a = 0$, тогда из выражения (5) имеем $g_{D_1} > (1 + s) g_{D_{10}} / (1 - s_0)$, $s = a/D_1$, $s_0 = a/D_{10}$ — доля адресной помощи в доходах бедных и богатых соответственно.

Таким образом, темп роста доходов бедных должен опережать взвешенный темп роста доходов богатых, чтобы неравенство снижалось, причем взвешивающий коэффициент равняется $(1 + s) / (1 - s_0)$. Сопоставляя два выражения, полученные для случая, когда адресная помощь установлена и постоянна, но оказывается из добавочного ресурса, без отвлечения от доходов богатых ($g_{D_1} > (1 + s) g_{D_{10}}$) и когда оказывается при отвлечении из доходов богатых ($g_{D_1} > (1 + s) g_{D_{10}} / (1 - s_0)$), видим, что для снижения неравенства требуется темп роста доходов бедных ниже по величине, когда помощь оказывается из дополнительного ресурса (привлеченного или созданного вновь), нежели когда она оказывается за счет отвлечения из доходов богатых. В последнем случае требуется более высокий темп роста доходов бедных.

По всей видимости, проделанные аналитические выкладки приводят к такому результату в силу того, что распределительное решение данной проблемы оказывается менее эффективным, нежели использование добавочными ресурсами. Конечно, на практике может применяться и один, и другой метод, когда и отвлекается часть доходов богатых вследствие применения прогрессивной шкалы налогов и создается добавочный ресурс, который используется в виде адресной помощи для снижения неравенства. Определение сочетания этих мер в некой пропорции представляет отдельную и необходимую к решению задачу. Не вызывает

сомнений и то, что при этом снижается бедность, так как увеличиваются доходы бедных на величину адресной помощи $(D_1 + a)/D$ при соответствующем ограничении на общий рост доходов, чтобы увеличение доходов бедных превысило установленный минимальный доход $D_{\min}$. Снижение бедности будет означать $d\gamma_1/dt > 0$, $\gamma_1 = (D_1 + a)/D$.

Отсюда имеем $g_D < g_{D_1}/(1+s) + sg_a/(1+s)$, g_D — темп роста совокупного дохода. Таким образом, темп роста доходов должен не превышать взвешенный темп роста доходов бедных в сумме со взвешенным темпом роста величины адресной помощи (g_a). Учитывая, что экономический рост требует $dD/dt > 0$, получаем $g_{D_1} > -sg_a$. Если адресная помощь не изменится, доходы бедных должны всегда расти. Если она изменяется и имеет положительный темп роста, то допустим некоторый отрицательный темп роста доходов бедных для обеспечения экономического роста и снижения бедности. Конечно, будет играть важную роль продолжительность времени сохранения такого темпа роста, чтобы это не повлияло на показатель бедности.

Для варианта неизменности адресной помощи в ситуации, при которой она оказывается за счет отвлечения из доходов богатых, можно получить ограничение для адресной помощи, показывая ее величину из выражения (5) при $g_a = 0$.

Обозначим долю доходов богатых в общей величине доходов как $\gamma_{10} = D_{10}/D$.

Тогда коэффициент неравенства можно записать в виде $f = \gamma_{10}D / (\gamma_1 D + a)$.

Для случая установленной адресной помощи $a = \text{const}$, которая оказывается из имеющихся ресурсов, а также благодаря отвлечению из доходов богатых, получим условия, обеспечивающие снижение неравенства, бедности и экономический рост в каждом случае оказания адресной помощи отдельно:

$df/dt < 0$ — снижение неравенства;

$d\gamma_1/dt > 0$ — уменьшение бедности;

$dD/dt > 0$ — экономический рост.

Обозначим $g_f = (1/f)df/dt$, $g_D = (1/D)dD/dt$, $g_{\gamma_{10}} = (1/\gamma_{10})d\gamma_{10}/dt$.

Для случая, при котором имеется дополнительный ресурс оказания адресной социальной помощи бедным, т.е. $f = \gamma_{10}D / (\gamma_1 D + a)$, осуществляя необходимые выкладки, получим:

$$g_f = g_{\gamma_{10}} + g_D \frac{a}{D_1 + a} - \frac{D_1}{D_1 + a} g_{\gamma_1} < 0. \quad (6)$$

Из выражения (6) следует, что

$$0 < g_D < \frac{g_{\gamma_1} - (1+s)g_{\gamma_{10}}}{s}. \quad (7)$$

Из неравенства (7) следует, что $g_{\gamma_1} > (1+s)g_{\gamma_{10}}$, $g_{\gamma_1} > 0$ — условие снижения бедности при росте доходов D . Следовательно, $g_{\gamma_1} > 0$, т.е. доля доходов богатых в общих доходах также должна расти.

Для случая, при котором адресная помощь оказывается посредством отвлечения из доходов богатых, коэффициент неравенства запишется в виде:

$$f = (\gamma_{10}D - a) / (\gamma_1 D + a).$$

Далее из условия снижения неравенства $g_f < 0$ и роста $g_D > 0$ запишем выражение для темпа роста, чтобы неравенство снижалось:

$$g_D < \frac{D_1(D_{10} - a)g_{\gamma_1} - D_{10}(D_1 + a)g_{\gamma_{10}}}{a(D_{10} - D_1)}. \quad (8)$$

Из выражения (8) следует, что $g_{\gamma_1} > (1+s)g_{\gamma_{10}}/(1-s)$. Условие снижения бедности — $g_{\gamma_1} > 0$.

Таким образом, показано, что экономический рост, сопровождаемый снижением неравенства и бедности как связанных параметров, достигается при превышении темпа роста доли доходов бедных над темпом увеличения доли доходов богатых. Причем, если решение проблемы бедности решается за счет адресной помощи при дополнительном ресурсе, этот темп может быть ниже, нежели в ситуации, при которой проблема решается при отвлечении доходов у богатых с целью повышения доходов бедных. Конечно, здесь не учитывался срединный доход так называемого среднего класса. Его величина и динамика, а также применение прогрессивной системы налогообложения дадут свой положительный результат, так как доходы этой группы населения весьма значительны, в том числе с позиции налогообложения, и дают существенные поступления в бюджет.

Если учесть всю сложную структуру, то зависимости не будут столь простыми, но это не отменит общей логики представленного подхода и анализа, демонстрирующего, во-первых, связанность проблемы неравенства и бедности, во-вторых, имеющую место связь с экономическим ростом. Тем самым многие исследования [13], сводимые к регрессионному и статистическому анализам этой связи, отнюдь не безупречны и имеют существенные недостатки, пытаюсь установить тормозящее или ускоряющее рост влияние неравенства, и не учитывают разли-

чие эффектов на коротком и длинном интервалах времени и специфику организации экономики. Они также не используют применяемый метод решения задачи снижения бедности и неравенства, а также базовое аналитически точное соотношение, дающее условие снижения неравенства и бедности, в том числе соотношение темпа роста доходов между доходными децилями в экономике. Влияние на величину доходов требует отдельного рассмотрения и моделирования, и только скрупулезный структурный анализ, прилагаемый к указанной задаче, может прояснить ситуацию, в том числе с учетом временного эффекта действия при снижении неравенства и бедности.

Ответ на вопрос, вынесенный в заглавие данного подраздела статьи, сводится к тому, что адресная помощь может снизить бедность и неравенство, если ее величина определяется теми аналитическими выражениями, которые здесь получены, в частности (4), а также иными выражениями, которые описывают ситуацию экономического роста и понижения бедности для случая использования добавочного ресурса в виде адресной помощи или отвлечения доходов от богатых для оказания адресной помощи бедным. В последнем случае для обеспечения снижения неравенства и бедности темп роста доходов бедных должен быть выше, нежели при использовании добавочного ресурса. Как видим, даже такая несложная задача требует выверенных выкладок и анализа. Конечно, она усложняется при рассмотрении более сложной структуры распределения доходов, включая срединные доходы, а также системы налогообложения в зависимости от режима налогов (прогрессивная, пропорциональная шкалы).

Вне всякого сомнения, улучшение ростовых характеристик и более равномерное распределение доходов дадут эффект для снижения бедности и неравенства, улучшая социальную мотивацию и будущие перспективы развития страны.

Завершая исследование, предпримем оценочный анализ изменения наиболее значимых социальных показателей российской экономики.

НЕРАВЕНСТВО, БЕДНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

В российской экономике присутствовало важное условие, блокирующее решение проблемы бедности и неравенства, — кризис реальных располагаемых доходов населения (*рис. 1, а*). Как видим, доходы снижались в 2013–2018 гг., возросли только

в 2019 г., но затем резко понизились во II квартале 2020 г. в связи с «ковидным» кризисом на 8%. Безработица увеличилась, как минимум, на 1,5%.

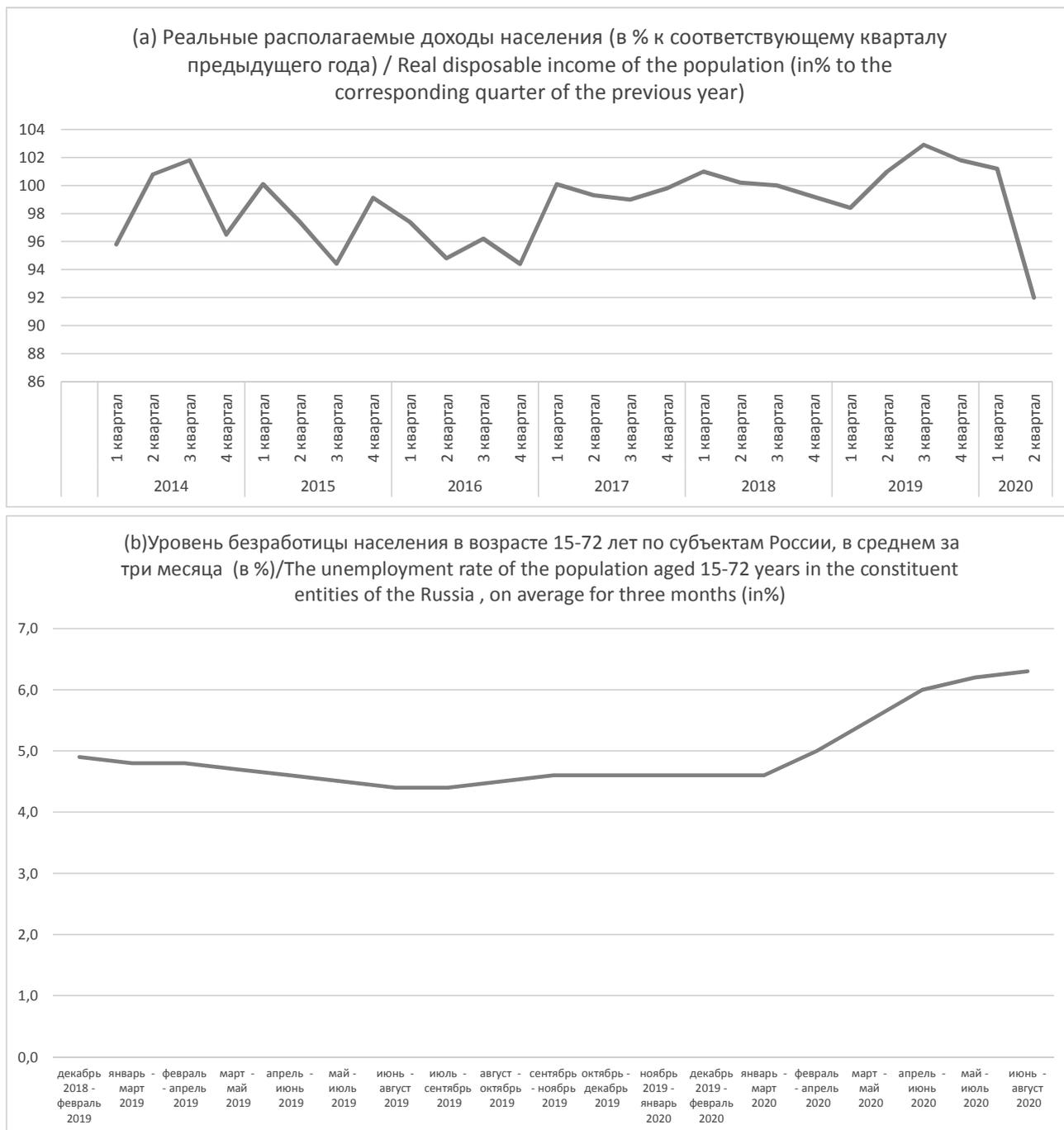
Суммарную результативность социальной политики в России демонстрирует *рис. 1*. По динамике реальных располагаемых доходов населения и безработицы можно судить о существенных трудностях реализации социальной политики до кризиса 2020 г., несмотря на то, что безработица сохранялась на невысоком уровне. Однако в кризис 2020 г. она быстро стала увеличиваться, достигнув значительной величины — до 6,5%. Бедность также увеличилась с 20 до 25 млн человек по данным Росстата. В России наблюдалось и сохраняется явление «работающих бедных», доходы которых фактически ниже прожиточного минимума.

Хотя, как следует из *рис. 2*, беспрецедентное снижение бедности за двадцать лет своего развития осуществил Китай, практически в 30 раз уменьшив бедность. Россия также добилась успеха в уменьшении бедности в период 2000–2006 гг., т.е. во время применения так называемой сырьевой модели роста, при исчерпании которой уровень бедности стабилизировался в районе 11–13%, возрастая до уровня 2008 г. в 2015–2016 гг. Кризис 2020 г. увеличил этот показатель предположительно до 14–15%. Отметим, что в европейских странах — Италии (20%), Германии (16–17%), Франции (14%) уровень бедности стабилен и по их национальным критериям в относительном измерении выше российского уровня. Однако если сравнивать величину дохода на душу населения и на одного человека, относимого к бедным, российские бедные будут в разы иметь более низкое материальное дневное обеспечение, нежели такие же бедные в Европе.

Относительно неравенства самая низкая его величина наблюдается в скандинавских странах — Швеции, Норвегии, Финляндии. Коэффициент Джини составляет примерно 27–28%⁹. В других европейских странах он существенно выше (см. *рис. 3*). В Китае и США коэффициент Джини самый высокий — порядка 40%. Однако обратим внимание на то, как Китай эффективно снижал бедность¹⁰. Конечно, связь между низким неравенством и низкой

⁹ Сайт Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>.

¹⁰ Нужно отметить, что при этом он сохранил высокий уровень неравенства (по коэффициенту), что сегодня для Китая представляет ощутимую проблему, требующую своего решения.

Рис. 1 / Fig 1. Реальные располагаемые доходы населения (а), 2014–2020, уровень безработицы (b), 2018–2020 / Real disposable income of the population (a), 2014–2020, unemployment rate (b), 2018–2020

Источники / Sources: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; <https://rosstat.gov.ru/folder/13397/> (дата обращения 20.10.2020) / Rosstat. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; <https://rosstat.gov.ru/folder/13397/>

бедностью должна сохраниться, хотя Китай опять составляет уникальное исключение.

Экономика США имеет примерно такой же уровень неравенства, как в Китае, но уровень бедности

в США существенно выше, нежели в Китае. Таким образом, структура экономики, специфика развития, исходные возможности и уровень национального богатства во многом предопределяют не только

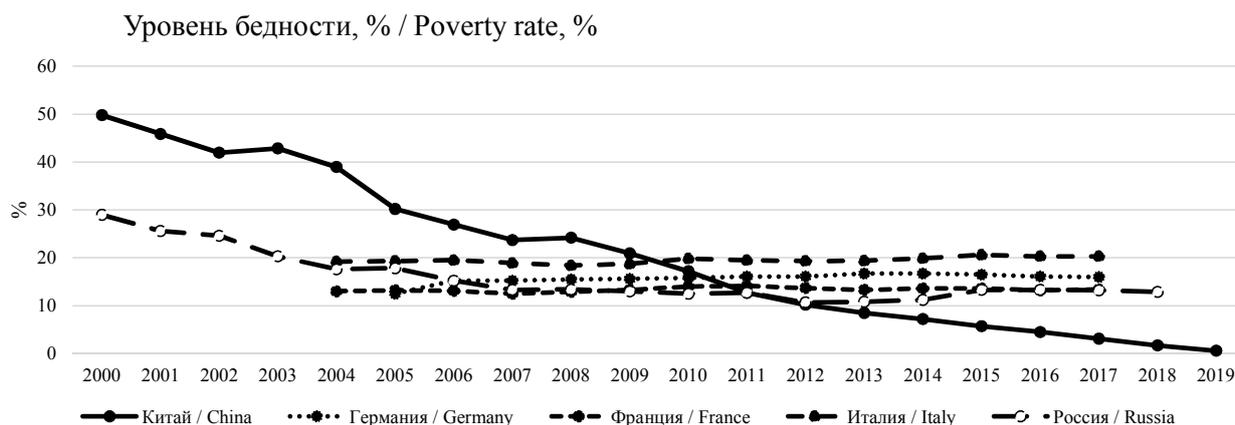

Рис. 2 / Fig 2. Уровень бедности согласно национальному критерию бедности в некоторых странах / Poverty rate according to national poverty criteria in selected countries

Источник / Source: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?view=chart> / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?view=chart>.

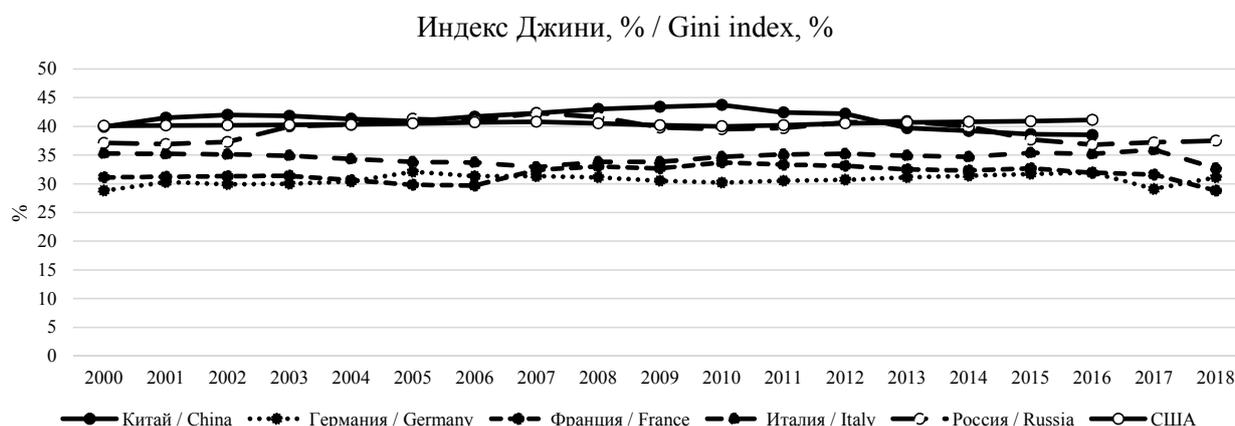

Рис. 3 / Fig 3. Уровень неравенства — коэффициент Джини для некоторых стран / Inequality level — Gini coefficient for some countries

Источник / Source: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>.

уровень неравенства и бедности, но и их динамику, а также влияние на экономический рост.

Отметим, что по уровню и образу жизни наиболее бедных категорий граждан можно судить о социальном благополучии в стране и эффективности социальной политики. В связи с этим материальная часть благополучия может оцениваться по душевому доходу в виде размера пенсии на одного пенсионера, а также нетрудоспособных граждан и по социальному обеспечению жизни детей. В принципе для оценки социальной политики необходимо сравнивать доходы низкообеспеченных слоев населения не с общей инфляцией, рассчитываемой государст-

венными институтами, а с продовольственной инфляцией, которая напрямую касается пенсионеров, включив в этот расчет отдельные услуги, в частности здравоохранения, а для детей — образования и здравоохранения (для этого нужны индексы цен для отдельных социальных групп населения). Такой избирательный подход позволит точнее представить уровень социального благополучия незащищенных слоев населения и установить обоснованные ориентиры социальной политики.

На рис. 4 представлены значения уровня бедности и отвечающие им величины неравенства по коэффициенту Джини для отдельных стран. На рис. 5

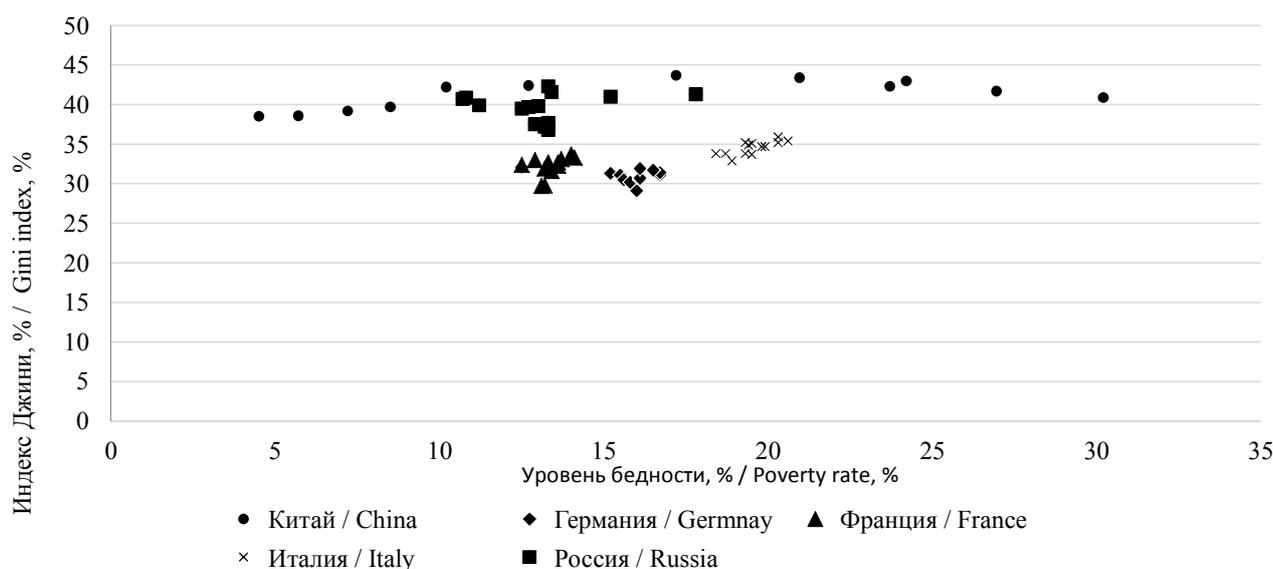

Рис. 4 / Fig 4. Уровень неравенства и бедности отдельных стран, 2005–2018 гг. / Inequality and poverty rates in selected countries, 2005–2018

Источники / Sources: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?view=chart>; <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC?view=chart>; <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>.

показана динамика ВВП в ценах 2010 г. Как видим, для Китая характерен наибольший ВВП и высокий темп роста, причем бедность понижается во много раз, неравенство сначала немного возрастает, затем уменьшается, но является самым высоким из рассматриваемых на рис. 4 стран. Россия близка Китаю по величине неравенства, причем изменение уровня бедности на рассматриваемом отрезке времени не приводит к значимому изменению уровня неравенства. Для Германии также изменение бедности практически не влияет на изменение неравенства, а в Италии и во Франции бедность и неравенство изменяются в одном направлении, как следует из расположения точек на рис. 4.

Важно отметить, что чем выше ВВП из рассмотренных стран (рис. 5), тем ниже уровень неравенства (см. рис. 3, 4), чем ниже ВВП — выше уровень неравенства, кроме Китая, имеющего самый высокий ВВП и высокое неравенство. Далее на базе панельных данных по рассмотренным странам оценим влияние неравенства на ВВП стран, а также величины ВВП и темпа роста на уровень неравенства. Получим модели с использованием программного модуля *Gretl 2020b* методом наименьших квадратов, отразив отобранные наилучшие модели (в сносках к ним приведены основные статистики). Используются результаты 76 наблюдений, пять объектов (длина временного ряда от 13 до 18). Обозначим

Y — ВВП на душу населения в ценах 2010 г., g_Y — темп роста валового продукта на душу населения, P — уровень бедности в стране, $Gini$ — коэффициент Джини.

Получим следующие наиболее приемлемые уравнения и осуществим отбор методом отбраковки по наилучшим статистикам. Уравнения примут вид:

$$Y = 157742 - 3640 * Gini - 71 * P^{11},$$

$$Gini = 42 - 0,0002 * Y + 0,04 * g_Y^{12},$$

¹¹ Статистики данной модели даются по расчету программы *Gretl 2020b*:

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
const	157742	5503,52	28,66	<0,0001
Giniindex	-3639,95	158,337	-22,99	<0,0001
Povertyrate	-70,5167	80,9905	-0,8707	0,3868
Среднее зав. перемен	24861,60		Ст. откл. зав. перемен	16 829,86
Сумма кв. остатков	2,32e+09		Ст. ошибка модели	5635,657
R-квадрат	0,890859		Испр. R-квадрат	0,887868
F(2, 73)	297,9285		P-значение (F)	7,70e-36
Лог. правдоподобие	-762,7110		Крит. Акаике	1531,422
Крит. Шварца	1538,414		Крит. Хеннана-Куинна	1534,216
Параметр rho	0,765543		Стат. Дарбина-Вотсона	0,442739

¹² Статистики данной модели:

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение
const	42,1791	0,540629	78,02	<0,0001
GDPinprice-2010blnUS	-8,03276e-05	9,94628e-05	-0,8076	0,4220
GDPpercapita2010price	-0,000236922	1,34850e-05	-17,57	<0,0001
GDPgrowthrate-percapita	0,0362872	0,0542079	0,6694	0,5054

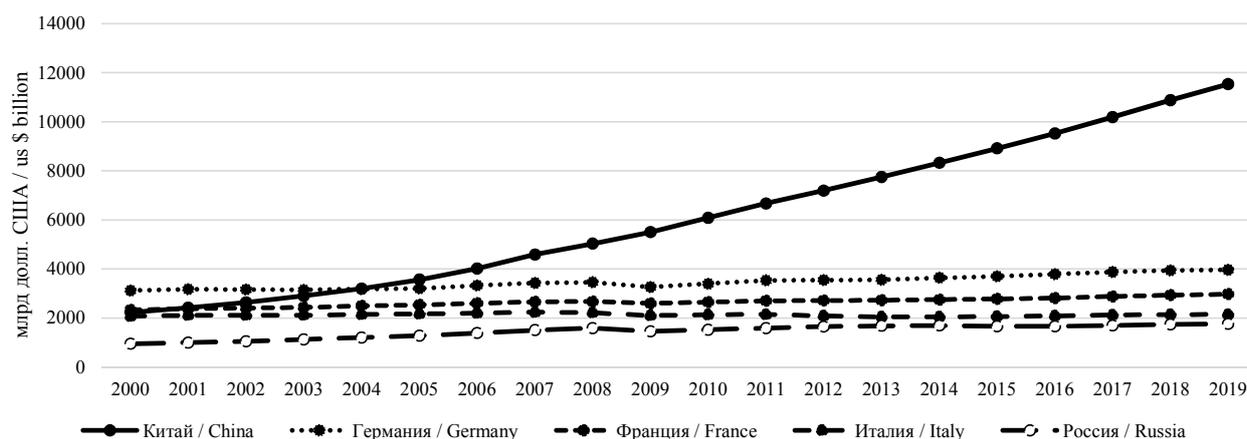

Рис. 5 / Fig 5. Валовой внутренний продукт, млрд долл., в ценах 2010 г. /
Gross domestic product, billion dollars, in 2010 prices

Источник / Source: Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> / World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>.

$$Gini = 42 - 0,0002 * Y + 0,002 * P^{15}$$

Представленные модели подтверждают следующие позиции для рассмотренных стран (Китай, Германия, Франция, Италия, Россия).

Во-первых, большой уровень неравенства и бедности дает меньший продукт на душу населения.

Во-вторых, более высокий продукт на душу населения обеспечивает меньший уровень неравенства, а более высокий темп экономического роста — по темпу душевого продукта связан с более высоким уровнем неравенства.

В-третьих, большой уровень бедности обеспечивает и более высокое неравенство. Из рис. 4 также

следует, что меньший уровень неравенства связан с меньшей бедностью.

Эти результаты, полученные для пяти стран, подтверждают весьма сложные связи между рассматриваемыми параметрами, причем изменяющиеся на разных интервалах времени, имеющие особенности для каждой страны, что и отражает специфику проводимой социальной политики.

Тем самым социальная политика в своей исходной постановке включает методы снижения неравенства и бедности, а также направлена на расширение доступа как можно большего числа граждан к основным социальным функциям государства — образованию и здравоохранению. Именно такую позицию, следует, на наш взгляд, считать базисным социальным императивом развития и проводимой экономической политики. Разрешение социального вопроса [11] связано с элиминированием «площадок социальной стагнации» [12], связанных со стабилизацией душевого дохода при росте населения в случае стагнации социальных функций (отсутствия роста душевого дохода).

ВЫВОДЫ

Социальная политика предполагает снижение уровня неравенства и бедности, которое достигается только в их связке, причем не только адресной помощью бедным, которая может осуществляться за счет добавочного ресурса и отвлечения дохода у наиболее богатой части

Среднее зав. перемен	36,16184	Ст. откл. зав. перемен	4,311874
Сумма кв. остатков	151,9755	Ст. ошибка модели	1,452849
R-квадрат	0,891012	Испр. R-квадрат	0,886470
F(3, 72)	196,2069	P-значение (F)	1,43e-34
Лог. правдоподобие	-134,1728	Крит. Акаике	276,3456
Крит. Шварца	285,6685	Крит. Хеннана-Куинна	280,0715
Параметр rho	0,725186	Стат. Дарбина-Вотсона	0,472558

¹⁵ Статистики модели:

	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	P-значение	
const	42,1319	0,544341	77,40	<0,0001	***
GDPpercapita2010price	-0,000241386	1,05002e-05	-22,99	<0,0001	***
Povertyrate	0,00175624	0,0209635	0,08378	0,9335	

Среднее зав. перемен	36,16184	Ст. откл. зав. перемен	4,311874
Сумма кв. остатков	153,7546	Ст. ошибка модели	1,451285
R-квадрат	0,889736	Испр. R-квадрат	0,886715
F(2, 73)	294,5231	P-значение (F)	1,12e-35
Лог. правдоподобие	-134,6150	Крит. Акаике	275,2301
Крит. Шварца	282,2223	Крит. Хеннана-Куинна	278,0245
Параметр rho	0,729135	Стат. Дарбина-Вотсона	0,483719

населения (предпочтителен добавочный ресурс), но и введением прогрессивной системы налогов, направленной на решение данной задачи (отвлечение дохода богатых). Кроме этого, нужен приемлемый темп экономического роста, и не обязательно самый высокий, поскольку на- и более высокий темп может увеличивать неравенство. Снижение бедности будет выравнивать неравенство, работать на увеличение валового внутреннего продукта, создавая новые стимулы для его роста, а снижение неравенства — уменьшать бедность.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выражается признательность кандидату экономических наук Е.Н. Ворончихиной за помощь в проведении расчетов по программе *Gretl 2020 b*.

ACKNOWLEDGEMENT

We express our gratitude to the Candidate of Economic Sciences E.N. Voronchikhina for her assistance in carrying out calculations under the *Gretl 2020 b* program.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабст И.К. Избранные труды. — Москва: Наука, 1999. — 301 с. — ISBN 5-02-008282-4.
2. Гобсон Дж. Проблемы бедности. — Москва: Libroком, 2011. — 216 с. — ISBN 978-5-397-01761-9.
3. Гобсон Дж. Проблемы безработицы. — Москва: Libroком, 2011. — 152 с. — ISBN 978-5-397-01760-2.
4. Жувенель Б. Этика перераспределения. — Москва: Институт национальной модели экономики, 1995. — 146 с. — ISBN 5-900520-02-1.
5. Львов Д.С. Экономика развития. — Москва: Экзамен, 2002. — 512 с. — ISBN 5-8212-0396-1.
6. Мюрдаль Г. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. — Москва: Государственное издательство иностранной литературы, 1958. — 555 с.
7. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. — Москва: Новое издательство, 2013. — 324 с. — ISBN 978-5-98379-170-1.
8. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. — Москва: Новое издательство, 2012. — 212 с. — ISBN 978-5-98379-168-8.
9. Писсаридес К. Теория равновесной безработицы. — Москва: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2018. — 292 с. — ISBN 978-5-288-05840-0.
10. Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. — Москва: Catallaxu, 1995. — 320 с. — ISBN 5-86366-009-0.
11. Сухарев О.С. Социальный вопрос, институты, инновации и экономическая политика. — Москва; Экономическая литература, 2004. — 292 с. — ISBN 5-85496-107-5.
12. Сухарев О.С. Экономика глобального эксцесса. Институты, финансы, развитие, политика. — Москва: Ленанд, 2016. — 512 с. — ISBN 978-5-9710-3464-3.
13. Хэлпман Э. Загадка экономического роста. — Москва: Издательство института Гайдара, 2011. — 240 с. — ISBN 978-5-93255-325-1.
14. Эрхард Л. Благополучие для всех. — Москва: Дело, 2001. — 352 с. — ISBN 5-7749-0228-5.
15. Эрхард Л. Полвека размышлений. Речи и статьи. — Москва: Наука, ТОО «Ордынка», 1996—606 с. — ISBN 5-02-013616-6.
16. Янжул И.И. Миллионы и что с ними делать (Избранные статьи). — Москва: Общество купцов и промышленников России, 2006. — 368 с. — ISBN 5-98889-010-5.

REFERENCES

1. Babst I.K. Selected works. Moscow: Nauka; 1999. 301 p. (In Russ.).
2. Hobson J. Poverty problems. Moscow: Librokom; 2011. 216 p. (In Russ.).
3. Hobson J. Problems of unemployment. Moscow: Librokom; 2011. 152 p. (In Russ.).
4. Jouvenel B. Ethics of redistribution. Moscow: Institute for National Model of Economy; 1995. 146 p. (In Russ.).
5. Lvov D.S. Development Economics. Moscow: Exam; 2002. 512 p. (In Russ.).

6. Myrdal G. World economy. Problems and prospects. Moscow: State Publishing House of Foreign Literature; 1958. 555 p. (In Russ.).
7. Olson M. Rise and decline of nations. economic growth, stagflation and social sclerosis. Moscow: New Publishing House; 2013. 324 p. (In Russ.).
8. Olson M. Power and prosperity. outgrowing communist and capitalist dictatorships. Moscow: Novoe Publishing House; 2012. 212 p. (In Russ.).
9. Pissarides K. Theory of equilibrium unemployment. Moscow: St. Petersburg University Press; 2018. 292 p. (In Russ.).
10. Soto E. Another way. Invisible revolution in the third world. Moscow: Catallaxy; 1995. 320 p. (In Russ.).
11. Sukharev O.S. Social issue, institutions, innovation and economic policy. Moscow: Economic literature; 2004. 292 p. (In Russ.).
12. Sukharev O.S. The economy of global kurtosis. Institutions, finance, development, politics. Moscow: Lenand; 2016. 512 p. (In Russ.).
13. Helpman E. The riddle of economic growth. Moscow: Gaidar Institute Publishing House; 2011. 240 p. (In Russ.).
14. Erhard L. Welfare for all. Moscow: Delo; 2001. 352 p. (In Russ.).
15. Erhard L. Half a century of reflections. Speeches and articles. Moscow: Nauka, LLP «Ordynka»; 1996. 606 p. (In Russ.).
16. Yanzhul I.I. Millions and what to do with them (Selected articles). Moscow: Society of merchants and industrialists of Russia; 2006. 368 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Олег Сергеевич Сухарев — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики, Российская академия наук, Москва, Россия
o_sukharev@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Oleg S. Sukharev — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Leading Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
o_sukharev@list.ru

Статья поступила 29.11.2020; принята к публикации 15.01.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.11.2020; accepted for publication 15.01.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43

УДК 314.1(045)

JEL J11

Возможен ли естественный прирост населения России в ближайшие 10 лет?

А.Е. Иванова^а, Ю.Э. Плетнева^б, С.Ю. Сивоплясова^{с, ф}, Е.П. Сигарева^д, В.Н. Архангельский^{е, г}

^{а, б, с, д, е} Институт демографических исследований — обособленное подразделение

Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия;

^ф Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия;

^г МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

^а <https://orcid.org/0000-0002-0258-3479>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6689-3305>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-3239-4230>; ^д <https://orcid.org/0000-0003-3760-795X>;

^е <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

АННОТАЦИЯ

Предметы исследования — компоненты, определяющие динамику естественного прироста населения (рождаемость, смертность и половозрастная структура), возможные перспективы их изменения в России в ближайшее десятилетие. *Цель работы* — определение возможностей обеспечения нулевого естественного прироста к 2030 г., резервов повышения рождаемости и снижения смертности и путей их реализации. В результате исследования выявлено, что достижение баланса рожившихся и умерших практически невозможно в 2020-х гг., но, постепенно приближаясь к такому балансу, можно добиться уменьшения естественной убыли населения к 2030 г. Однако для этого потребуется значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости (с 1,50 в 2019 г. до 1,90 в 2030 г.) и средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни [с 73,3 года (оба пола) в 2019 г. до 79,9 в 2030 г.]. В статье *сделаны выводы* о том, что резервы для достижения этих показателей или по крайней мере значительного приближения к ним имеются, но возможности их реализации зависят от характера развития социально-экономической ситуации в стране, принимаемых мер в социальной и демографической политике и в области здравоохранения. В отношении повышения численности населения основные резервы кроются в увеличении рождаемости первых и вторых детей. Препятствовать достижению естественного прироста населения будут неблагоприятные изменения в половозрастной структуре населения: с одной стороны, интенсивное старение, а с другой стороны, значительное сокращение численности населения в активном репродуктивном возрасте. Миграционный прирост несколько улучшает возрастной состав населения России, но с точки зрения последствий этого улучшения для естественного прироста его влияние незначительно.

Ключевые слова: естественный прирост населения; рождаемость; смертность; продолжительность жизни; миграция; половозрастная структура

Для цитирования: Иванова А.Е., Плетнева Ю.Э., Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П., Архангельский В.Н. Возможен ли естественный прирост населения России в ближайшие 10 лет? *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):32-43. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43

Is Natural Population Growth in Russia Possible in the Next 10 Years?

A.E. Ivanova^а, Yu.E. Pletneva^б, S.Y. Siviptyasova^{с, ф}, E.P. Sigareva^д, V.N. Arkhangelskiy^{е, г}

^{а, б, с, д, е} Institute for Demographic Research, Separate Division of Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^ф Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia;

^г Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-0258-3479>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-6689-3305>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-3239-4230>; ^д <https://orcid.org/0000-0003-3760-795X>;

^е <https://orcid.org/0000-0002-7091-9632>

© Иванова А.Е., Плетнева Ю.Э., Сивоплясова С.Ю., Сигарева Е.П., Архангельский В.Н., 2021

ABSTRACT

The subject of the study is the components that determine the dynamics of natural population growth (birth rate, mortality and age-sex structure), and the possible prospects for their change in Russia in the next decade. *The purpose of the work* is to determine the possibilities of ensuring zero natural growth in 2030, the reserves for increasing the birth rate and reducing mortality, and the ways to implement them. The study revealed that achieving a balance of births and deaths is almost impossible in the 2020s, but gradually approaching such a balance, it is possible to reduce the natural decline of the population by 2030. However, this will require a significant increase in the total fertility rate (from 1.50 in 2019 to 1.90 in 2030) and the average life expectancy [from 73.3 years (both sexes) in 2019 to 79.9 in 2030]. *The article concludes* that there are reserves for achieving these indicators, or at least a significant approximation to them, but the possibilities for their implementation depend on the nature of the development of the socio-economic situation in the country, the measures taken in the social and demographic policy and in the field of healthcare. In terms of increasing the population, the main reserves lie in increasing the birth rate of first and second children, and in terms of increasing the life expectancy of the population, men have more opportunities than women. Adverse changes in the gender and age structure of the population will hinder the achievement of natural population growth: on the one hand, intensive aging, and on the other hand, a significant reduction in the population at the active reproductive age. Migration growth slightly improves the age composition of the Russian population, but in terms of the effects of this improvement on natural growth, its impact is insignificant.

Keywords: natural population growth; birth rate; mortality; life expectancy; migration; gender and age structure

For citation: Ivanova A.E., Pletneva Yu.E., Siviptyasova S.Y., Sigareva E.P., Arkhangelskiy V.N. Is natural population growth in Russia possible in the next 10 years? *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):32-43. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-32-43

ВВЕДЕНИЕ

В Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее — Указ Президента Российской Федерации № 474) одним из целевых показателей к 2030 г. в рамках национальной цели «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» установлено обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации.

Та или иная динамика численности населения определяется двумя компонентами — естественным и миграционным приростами. Миграционный прирост населения в России в период до 2030 г., безусловно, продолжится, в то время как возможность естественного прироста населения вызывает большие сомнения. Существенное влияние на него оказывает половозрастная структура населения, которая является в современной России уникально плохой. Она одновременно способствует снижению общих показателей рождаемости (так как в возраст активного деторождения входят малочисленные контингенты родившихся в 1990-е гг.) и повышению общих показателей смертности (усиливается старение населения из-за достижения пожилых возрастов многочисленными контингентами людей, родившихся после Великой Отечественной войны), а следовательно, существенному увеличению естественной убыли населения.

Даже по наиболее оптимистичному варианту прогноза Росстата естественная убыль населения сохранится на весь прогнозный период до 2035 г. Его наибольшая относительная величина прогнозируется на 2024–2027 гг. (1,5 на 1000 населения).

Предстоящие в ближайшие 10 лет сдвиги в возрастном составе населения практически predeterminedены и возможности воздействия на него чрезвычайно ограничены. Некоторое позитивное влияние на половозрастную структуру населения может оказывать миграция. Например, в 2019 г. общий коэффициент миграционного прироста (на 1000 населения) в России был равен 1,9‰. При этом в 2,5 раза выше была величина коэффициента миграционного прироста в возрастной группе 20–29 лет. Больше, чем в целом по всему населению, она была также в возрастных группах 30–39 и 10–19 лет. В остальных возрастных группах этот показатель ниже, и чем старше возраст, тем он меньше. Такие различия в миграционном приросте способствуют увеличению доли населения в возрастном интервале 10–39 лет (особенно 20–29 лет) и соответственно ее уменьшению в других возрастах (особенно старше 60 лет), а следовательно, повышению общего коэффициента естественного прироста.

Требуют ответа следующие вопросы:

- при каких реальных показателях рождаемости и смертности, продолжительности жизни можно избежать естественной убыли населения, т.е. превышения числа умерших над числом родившихся;

- каковы примерные резервы повышения рождаемости и снижения смертности на период до 2030 г.;
- какие дополнительные меры социальной и демографической политики, политики в области здравоохранения могли бы быть результативными;
- каково возможное влияние миграции на естественный прирост населения в России?

ПРИ КАКОЙ РОЖДАЕМОСТИ И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ ВОЗМОЖЕН НУЛЕВОЙ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ К 2030 Г.?

Предстоящая трансформация половозрастной структуры населения в России будет способствовать увеличению естественной убыли. При условии сохранения постоянными возрастных коэффициентов рождаемости и смертности естественная убыль в расчете на 1000 населения может возрасти с 2,2 в 2019 г. до 6,4 умерших в 2030 г.

Миграционный прирост оказывает положительное влияние на половозрастную структуру населения России с точки зрения детерминации естественного прироста. Но, как будет показано далее, его воздействие невелико. Прекращение естественной убыли населения России может быть достигнуто только благодаря значительному росту рождаемости и увеличению средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни.

Одним из целевых индикаторов Указа Президента Российской Федерации № 474 является «повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет». При достижении этого уровня в 2030 г. для обеспечения нулевого естественного прироста потребуется запредельно высокая величина суммарного коэффициента рождаемости — 2,03%.

Если же ориентироваться на возможное повышение суммарного коэффициента рождаемости до 1,85 в 2030 г (при условии реализации значительных дополнительных результативных мер демографической политики), для достижения баланса родившихся и умерших потребуется повышение продолжительности жизни (обоих полов) до 80,6 года.

РЕЗЕРВЫ ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Суммарный коэффициент рождаемости в России после существенного повышения (особенно в пери-

од с 2007 г.) до 2015–2016 гг. значительно снизился в последние годы: с 1,76–1,78 в 2015–2016 гг. до 1,50 в 2019–2020 гг.

Динамика этого показателя существенно различается по очередности рождения.

По первым рождениям он значительно уменьшился с 0,811 в 2013 г. до 0,638 в 2019 г. (став самым низким за период с 1959 г.). Столь большое уменьшение, вероятно, обусловлено усилением тайминговых сдвигов, проявляющихся в откладывании первых рождений. Они могут быть вызваны как снижением показателей вступления в брак, так и увеличением масштабов откладывания первых рождений в браке. Об этом свидетельствует сравнение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям с аналогом этого показателя для реальных поколений — средним числом первых рождений или долей женщин, родивших хотя бы одного ребенка. Расчеты показывают, что на начало 2020 г. в поколениях 1980–1982 гг. р. этот показатель составляет 0,86, поколениях 1983 г.р. — 0,84, поколениях 1984 г.р. — 0,83, поколениях 1985–1986 гг. р. — 0,81, поколениях 1987 г.р. — 0,80. Итоговые (к концу репродуктивного периода) показатели в этих поколениях будут еще выше и, вероятно, будут равны 0,85–0,86.

Можно ожидать, что уровень рождаемости первенцев возрастет. В случае принятия существенных мер поддержки семей при рождении первого ребенка можно предполагать повышение суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в ближайшее десятилетие, но, видимо, не выше 0,8, так как следует учитывать, что в наиболее активный репродуктивный возраст вступает поколение с модернизированным репродуктивным поведением, более прагматичным мировоззрением. Создание семьи, рождение детей рассматриваются нынешним поколением через призму «потребности» и рациональности. Ментальность современной молодежи, учитывая усиление коммерциализации брачного и репродуктивного поведения, а также мировую тенденцию к индивидуализации общества, базируется на иных жизненных паттернах. Как свидетельствует ряд социологических исследований, примерно от 3 до 5% молодежи «исповедуют» осознанную бездетность¹ [1, 2]. Создание семьи и рождение детей все больше откладываются современной молодежью до формирования фундамента своего благополучия.

¹ Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2017 г. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN_17/index.html; Вовк Е. Бездетность и нежелание иметь детей. URL: bd.fom.ru/report/map/d082125.

После достижения максимального в XXI в. уровня в 2015 г. (0,688) суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождением значительно уменьшился до 0,531 в 2019 г. Пока нельзя однозначно объяснить такую динамику. Снижение началось осенью 2016 г., и, возможно, его причину следует искать в событиях, случившихся в конце 2015 г.: произошел существенный «обвал» рубля, повлиявший на экономическое положение значительной части населения и, главное, — на восприятие возможных перспектив социально-экономической ситуации. Но аналогичная ситуация в декабре 2014 г. не привела к снижению рождаемости ни в 2015 г., ни в январе — августе 2016 г. Другим событием, произошедшим в декабре 2015 г., которое могло повлиять на рождаемость начиная с осени 2016 г., было заявление В.В. Путина в Послании Федеральному Собранию о том, что программа федерального материнского (семейного) капитала, первоначальный срок действия которой заканчивался в 2016 г., будет продлена, как минимум, на два года. Значительное повышение показателей рождаемости по вторым рождением в 2014 — первой половине 2016 г. могло быть отчасти вызвано тайминговыми сдвигами [в стремлении успеть родить второго ребенка до конца действия программы федерального материнского (семейного) капитала. После таких сдвигов неизбежен тайминговый провал, вызывающий сокращение календарных показателей рождаемости.

Если бы уменьшение вторых рождений определялось преимущественно социально-экономическими факторами, их влияние должно было бы отразиться также на изменении суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождением, но он (коэффициент) продолжает повышаться. Если же причина заключается в тайминговых сдвигах, то по этим рождением их не должно было быть.

При выполнении условий дальнейшего развития и совершенствования мер поддержки семей при рождении второго ребенка суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождением может постепенно вернуться к уровню 2014 г. (0,66).

Этот показатель по третьим и последующим рождением повысился в России в предшествующее десятилетие с 0,217 в 2010 г. до 0,335 в 2019 г. Благодаря принятию федеральных и региональных мер поддержки многодетных семей тенденция к его повышению, вероятно, сохранится, хотя темпы могут замедляться, так как доля семей, имеющих потребность в трех детях, сравнительно невелика.

Если прирост этого показателя в 2020-е гг. будет вдвое меньшим, чем в предшествующее десятилетие, к 2030 г. он может составить 0,39.

В результате суммарный коэффициент рождаемости к 2030 г. может повыситься до 1,85 (первые рождения — 0,80, вторые — 0,66, третьи и последующие — 0,39).

Некоторому увеличению этого показателя по первым рождением, вероятно, будет способствовать предоставление начиная с 2020 г. материнского (семейного) капитала при рождении первого ребенка. Важной мерой поддержки семьи, особенно на стадии ее формирования, является содействие в улучшение жилищных условий. Оно не должно ограничиваться льготами по ипотеке. Желательно, чтобы семья, нуждающаяся в решении своих жилищных проблем, имела возможность выбора формы их решения (наряду с ипотекой это может быть, например, социальный наем) и получала при этом существенные льготы при рождении детей.

Такой подход к оказанию поддержки в улучшении жилищных условий является одной из форм адресной помощи семьям. Представляется, что адресность должна определяться не только и не столько критерием доходов, но и основываться на соблюдении принципа, согласно которому семья имеет возможность получать тот вид помощи, в котором она реально нуждается (не обязательно материального характера). Такая адресность помощи увеличит число семей, которым может предоставляться необходимая им помощь, при условии, что она будет оказываться при рождении детей и способствовать повышению рождаемости.

Вероятно, помощь семьям должна оказываться не только государственными и муниципальными органами управления, но и другими потенциальными субъектами социальной и демографической политики, в частности бизнесом. Важно стимулировать бизнес-сообщество к внедрению на своих предприятиях программ, направленных на помощь работникам, имеющим детей. Полезным было бы предусмотреть налоговые послабления для предприятий, которые внедряют гибкий график работы для родителей (не только матерей) с малолетними детьми.

Развивая и совершенствуя демографическую политику, поддержку семей с детьми, безусловно, целесообразно принимать на вооружение зарубежные практики и использовать возможности их эффективного применения в России.

Высококачественная и доступная система детских садов имеет решающее значение с точки зрения поддержания баланса между работой и семьей. Эмпирические данные показывают, что наличие доступных дошкольных учреждений положительно влияет как на возраст женщины при рождении первого ребенка, так и на количество детей в семье. Система дошкольных учреждений с большей вероятностью окажет воздействие на репродуктивное поведение высокообразованных женщин, которые более активны на рынке труда. В ходе недавнего исследования было установлено, что увеличение с 10 до 50% охвата услугами по уходу за детьми до 2-летнего возраста в 15 проанализированных странах Европейского союза увеличило бы суммарный коэффициент рождаемости среди высокообразованных женщин с 1,4 до 1,9 [3].

Имеет значение также размер оплаты отпуска по уходу за ребенком. Например, в результате сравнительного исследования в Венгрии и Польше выявлено, что женщины в Венгрии, которым предлагали более существенные выплаты по уходу за ребенком, чаще рожали второго ребенка во время отпуска, чем польские женщины, которые, как правило, быстрее возвращались к работе [4].

Многие страны сейчас вводят гибкие схемы отпусков по уходу за ребенком, которые позволяют родителям выбирать вариант, который лучше всего подходит для условий их работы или личных предпочтений. Например, в Швеции каждый родитель имеет право на 240 дней отпуска по уходу за ребенком, которые можно разделить на множество блоков до 12-летия ребенка [5]. В Германии действует схема, которая дает возможность вернуться к неполной занятости во время отпуска по уходу за ребенком и при этом частично сохранить пособие по уходу за ребенком [6].

В настоящее время увеличивается тенденция к опощрению обоих родителей разделять отпуск по уходу за ребенком, что снижает издержки, с которыми сталкиваются женщины. Исследования, проведенные в странах Северной Европы, показали, что отцы, находившиеся в таком отпуске, активнее участвуют в уходе за детьми и после возвращения на работу, а пары, которые разделяют родительский отпуск, с большей вероятностью заводят второго ребенка [7].

Вероятно, наиболее результативная, судя по динамике рождаемости, французская модель семейной политики основана на щедрых денежных выплатах семьям в сочетании с оказанием услуг по уходу за

детьми. Важной особенностью французской системы поддержки семьи является более короткое рабочее время. Эта политика привела к сокращению фактического рабочего времени и уменьшению разрыва в рабочих часах между обоими родителями [8].

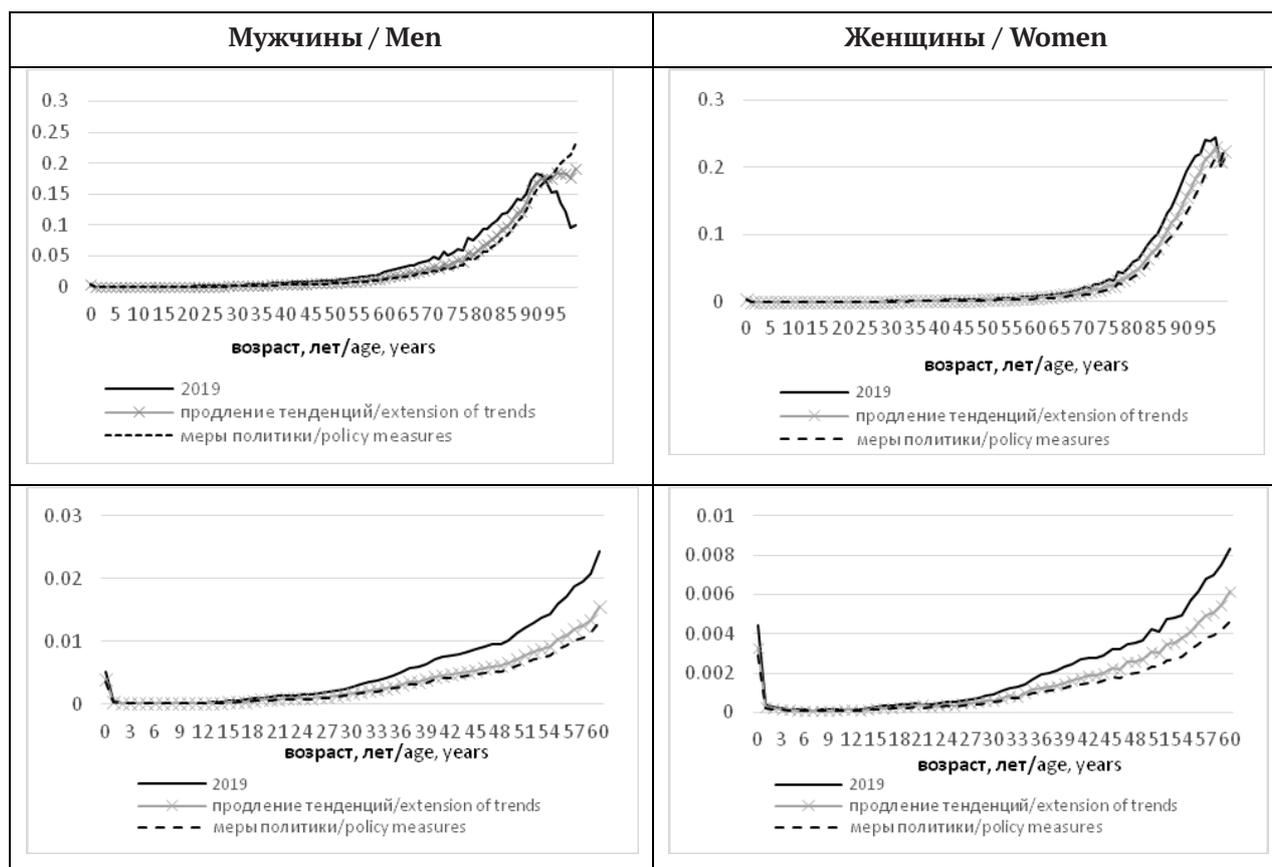
Сравнительное исследование в Испании и Норвегии показало, что только политика, способствующая установлению баланса между работой и семьей, может приводить к увеличению рождаемости в будущем [9].

РЕЗЕРВЫ СНИЖЕНИЯ СМЕРТНОСТИ

Авторские представления о перспективах роста продолжительности жизни российского населения и вероятных сценариях до середины текущего столетия подробно рассмотрены в Национальном демографическом докладе — 2020 [10]. В соответствии с наиболее вероятным прогнозом, означающим продолжение сложившегося вектора демографической политики, прогнозные показатели продолжительности жизни для российского населения в 2050 г. окажутся равными 85,4 года для мужчин и 87,7 лет для женщин.

Этот сценарий предусмотрен в едином плане достижения национальных целей, в котором приводится порядок достижения каждой из поставленных целей через национальные проекты, федеральные программы и систему мероприятий, которые направлены на улучшение условий и качества жизни людей, оздоровление образа жизни, охрану окружающей среды, развитие доступного здравоохранения и преодоление бедности, причем среди работающего населения. Последнее тем более важно, что позволит людям самим решить многие вопросы и позитивно скажется на сохранении здоровья и росте продолжительности жизни.

Реализация данного сценария означает, что в 2030 г. продолжительность жизни мужчин может составить 74,0 года, женщин — 81,6 года. Гендерные различия в продолжительности жизни сократятся в результате относительно большего ее повышения у мужчин, чем у женщин (на 5,8 и 3,4 года в сравнении с 2019 г. соответственно). Однако различия в продолжительности жизни все еще останутся достаточно существенными — около 7,5 лет. Подобные прогнозные уровни означают, что темпы сокращения смертности в среднем останутся такими же, как в период после 2007 г. [11–13]. Возрастная модель сокращения смертности также не претерпит существенных изменений: опережающими темпами будет

Рис. 1 / Fig. 1. Возрастные коэффициенты смертности в 2030 г. в соответствии с двумя сценариями прогноза в сравнении с 2019 г. / Age-specific mortality rates in 2030 according to the two projection scenarios versus 2019

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

уменьшаться смертность населения трудоспособных возрастов вследствие возрастающего контроля за преимущественно экзогенными факторами смертности, что выразится как в оздоровлении образа жизни, так и увеличении общей безопасности жизнедеятельности. Только во второй половине 2020-х гг. ускорится снижение смертности людей в пожилых возрастах благодаря достижениям медицины.

При рассмотрении данного сценария имеются в виду не столько принимаемые дополнительные меры по увеличению продолжительности жизни, сколько трансформация всей парадигмы государственного развития, приоритетами которого становятся вопросы человеческого развития. Можно возразить, что такой приоритет провозглашен в принятых и реализуемых ныне документах. Но, по сути, это пока только объявление о намерениях, поскольку во главу угла поставлены интересы экономического развития. Но по мере экономической модернизации возрастает спрос на чело-

веческий потенциал. Иными словами, приоритет человеческого развития становится объективным источником прогресса.

Исходя из такого видения основные различия между сценариями прогноза проявятся за пределами 2030 г.

В соответствии с рассматриваемым сценарием дополнительных мер политики продолжительность жизни мужчин в 2030 г. может составить 76,1 года, женщин — 83,8 года. В целом продолжительность жизни населения может достичь 79,9 лет, т.е. приблизиться к мистической цифре 80 лет. В этом случае показатели лишь на 2,1 года для мужчин и на 2,2 года для женщин окажутся выше, чем по сценарию исходя из сложившихся трендов. Основной эффект прироста продолжительности жизни в сценарии, предусматривающем принятие дополнительных политических мер, может быть получен за счет более высоких темпов снижения смертности в старших трудоспособных и ранних пожилых возрастах.

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ

Миграция оказывает существенное влияние на численность и структуру населения. При этом имеется в виду прямой эффект, т.е. непосредственное изменение числа проживающих в стране людей. В то же время миграция имеет также опосредованный эффект, отражающийся в показателях рождаемости и смертности. Поэтому миграция нередко рассматривается как демографический ресурс [14, 15].

В 2019 г. из-за рубежа в Россию прибыли 701,2 тыс. мигрантов, из них 71,3% — иностранные граждане, 28,7% — граждане России. Выбыли за рубеж в этом году 416,1 тыс. человек (81,8% — иностранцы, 18,2% — граждане России). Иными словами, международная миграция увеличила численность населения страны в 2019 г. на 258,1 тыс. человек, или на 0,2%.

Для оценки опосредованного эффекта международной миграции важно определить, каким образом распределяются возрастные когорты в миграционном потоке иностранцев, в том числе в гендерном разрезе (рис. 2).

Из рис. 2 следует, что пиковые значения миграции у мужчин и женщин приходятся на 20–24 года. При этом коэффициенты иммиграции превышают коэффициенты эмиграции. Данная ситуация наблюдается практически во всех возрастных группах, за исключением возраста 90 лет и старше. Наибольшая разница между возрастными коэффициентами эмиграции и иммиграции отмечается у людей в возрасте 20–24 года как среди мужчин, так и среди женщин (5,93 и 3,33%-ных пункта соответственно). Большая разница в этих показателях в мужском миграционном потоке фиксируется в возрастном промежутке 15–54 года. Для женщин данный период значительно «уже» — 15–34 года. Как в женском, так и в мужском миграционных потоках коэффициенты эмиграции и иммиграции становятся очень близкими (разница составляет менее 0,5%-ных пункта) в возрастах 65 и старше. Кроме того, показатели миграции в возрастах старше 55 лет как среди мужчин, так и среди женщин, являются достаточно низкими и схожими.

В целом такая ситуация может выражаться как в стимулах, так и барьерах, препятствующих стабилизации демографической ситуации в России. С одной стороны, в Россию приезжает большое число людей в активном репродуктивном возрасте, что положительно влияет на демографический потенциал страны. С другой стороны, интенсивность женской миграции значительно ниже, чем мужской, что ограничивает рост количественных показателей

рождаемости, а низкая интенсивность миграции в старших возрастах и отрицательное сальдо миграции в возрастной группе 90 лет и старше позволяют предположить, что влиянию миграции на показатели смертности населения России слабое.

Ввиду недостаточности статистических данных ряд отечественных ученых предпринимали попытки оценки вклада мигрантов в рождаемость либо по косвенным показателям, либо по данным выборочных обследований. Так, С.В. Рязанцев и М.М. Каримов рассматривали рождаемость среди местных и иностранных (в том числе приехавших из-за рубежа) женщин в Москве [16]. Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что под влиянием миграции суммарный коэффициент рождаемости в Москве в конце XX — начале XXI в. должен быть скорректирован на 5–13%. Ученые выдвинули гипотезу, согласно которой сохранение [нарастающей] динамики в будущем может фактически привести к постепенному замещению рождений у постоянных жительниц Москвы рожденьями у иногородних женщин [16].

С. Захаров и С. Сурков проанализировали вклад мигрантов в рождаемость в европейских странах и в России [17]. Важным фактором, влияющим на полученные результаты, являются различия в правилах статистического учета гражданства матерей и отцов новорожденных. Тем не менее исследование показало, что в начале 2000-х гг. в европейских странах доля рождений у иностранцев варьировалась от 5% в Италии (1999 г.) до 26% в Швейцарии в 2004–2006 гг. Вместе с тем вклад мигрантов в суммарный коэффициент рождаемости для стран в целом составляет около 0,1. Выводы о вкладе миграции в рождаемость в России сделаны на основе данных панельного социально-демографического обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», являющегося частью международной программы «Поколения и гендер». Результаты обследования показывают, что в середине 2000-х гг. вклад иммигрантов в российскую рождаемость сопоставим с европейским вкладом.

Статистические данные Росстата последних лет показывают, что в 2019 г. женщинами — гражданками иностранных государств в нашей стране было рождено 29,8 тыс. детей. В 29,3 тыс. случаях отцом родившегося ребенка являлся иностранец. Из них 11,3 тыс. детей родились в парах, в которых и отец, и мать являются гражданами иностранных государств.

Для оценки вклада мигрантов в процессы рождаемости можно рассчитать относительные показате-

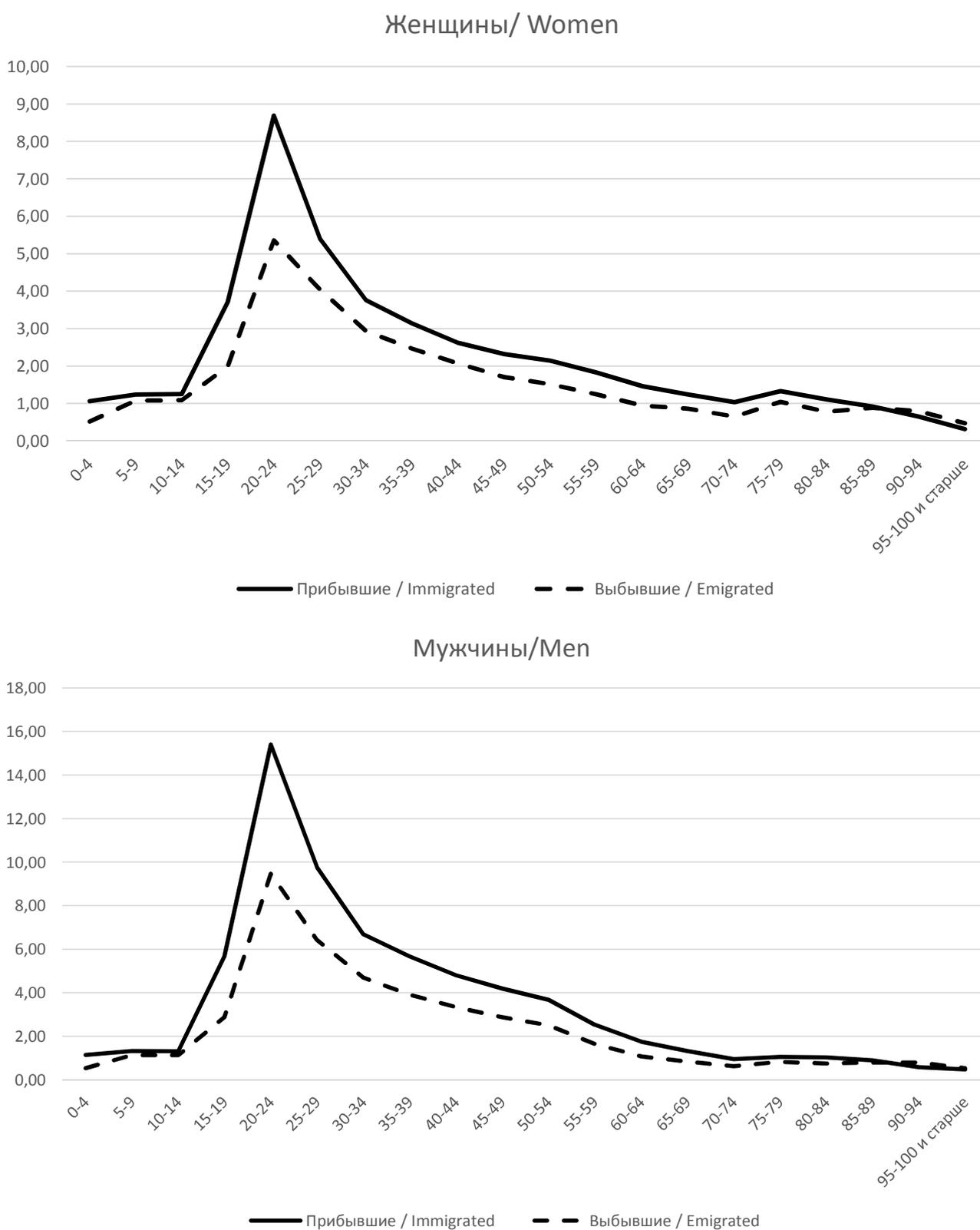

Рис. 2 / Fig. 2. Повозрастные коэффициенты миграции в России в 2019 г. /
Age-specific migration rates in Russia in 2019 (%)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

тели. Так, рождения детей у иностранных граждан в России добавляют 0,3‰ к общему коэффициенту рождаемости, который в 2019 г. составил 10,1‰, и 1,4‰ — к специальному коэффициенту рождаемости (в целом по стране он равняется 42,9‰). В связи с этим можно сделать вывод, что вклад мигрантов в процессы рождаемости весьма скромный.

Даже при сохранении миграционного прироста на уровне 2019 г. (наибольший за период с 2014 г.), в сравнении с полным его отсутствием, естественная убыль в расчете на 1000 населения в 2025 и 2030 гг. будет меньше всего на 0,2%-ных пункта. Возможно, существенным могло бы быть влияние увеличения миграционного прироста преимущественно в активном репродуктивном возрасте. Но даже если предположить постепенное трехкратное увеличение коэффициентов миграционного прироста женщин и мужчин к 2030 г. в возрастном интервале 17–39 лет, то естественная убыль в расчете на 1000 человек населения снизится к 2030 г. только на 0,1%-ный пункт по сравнению с ситуацией сохранения этих коэффициентов на уровне 2019 г.

Миграция, безусловно, сдерживает негативное развитие демографической ситуации в стране, не позволяя перейти к стремительному сокращению численности населения. Однако в части влияния на естественный прирост через воздействие на структуру населения миграцию едва ли можно рассматривать как демографический ресурс. Более того, в настоящее время отдельные ученые стали заявлять об исчерпании демографических ресурсов миграции, что, возможно, осложнит демографическую ситуацию в России в ближайшем будущем.

ВЫВОДЫ

В начале этой работы было предположено, что если удастся к 2030 г. повысить суммарный коэффициент рождаемости до 1,85, то для обеспечения равенства чисел родившихся и умерших и соответственно отсутствия естественной убыли населения в России в 2030 г. потребуется повышение средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни до 80,6 года.

Однако анализ резервов и возможностей снижения смертности показал, что столь значительный рост продолжительности жизни за столь короткое время практически невозможен.

В ходе исследования выяснилось, что при благоприятном развитии социально-экономической ситуации в стране и максимально результативной социальной и демографической политики продолжительность жизни к 2030 г. могла бы возрасти до 76,1 года у мужчин, 83,8 года у женщин и соответственно до 79,9 года для обоих полов.

Даже если таких показателей удастся достичь, суммарного коэффициента рождаемости, равного 1,85, будет недостаточно для нулевого естественного прироста населения в 2030 г. Это было бы возможно только при повышении суммарного коэффициента рождаемости к 2030 г. до 1,90.

Будущее покажет, удастся ли добиться значительного повышения суммарного коэффициента рождаемости (с 1,50 в 2019 г. до 1,90 в 2030 г.; для сравнения его прирост в 2015 г. по сравнению с 2005 г. составил 0,483) и будут ли в полной мере реализованы резервы снижения смертности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сигарева Е.П. Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии. — Воронеж: «Цифровая полиграфия», 2020. — С. 463–468. — ISBN 978–5–907283–37–4.
2. Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Салыхиева Л.М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены — 2017. — № 3. — С. 192–205. — ISSN 2219–5467 — DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13
3. Baizán P., Arpino B. and Delclòs C.E. The effect of gender policies on fertility: The moderating role of education and normative context. *European Journal of Population*, 2016;32(1):1–30. — DOI: 10.1007/s10680–015–9356-y
4. Matysiak A. and Szalma I. Effects of parental leave policies on second birth risks and women's employment entry. *Population*, 2014;69(4):599–636. — DOI: 10.3917/pope.1404.0599
5. Valarino I., Duvander A.Z., Haas L., & Neyer G. Exploring leave policy preferences: A comparison of Austria, Sweden, Switzerland, and the United States. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*, 2018;25(1):118–147. — DOI: 10.1093/sp/jxx020
6. Gangl M., & Ziefle A. The making of a good woman: extended parental leave entitlements and mothers' work commitment in Germany. *American Journal of Sociology*, 2015;121(2):511–563. — DOI: 10.1086/682419

7. Duvander A.-Z. and Johansson M. What are the effects of reforms promoting fathers' parental leave use? *Journal of European Social Policy*, 2012;22(3):319–330. — DOI: 10.1177/0958928712440201
8. Letablier M.-T. Fertility and family policies in France. *Journal of Population and Social Security (Population)*. 2003; Supplement to Volume 1:245–261.
9. Gandasegui Vicente Díaz, Begoña Elizalde-San Miguel, and Maria T. Sanz. back to the future: a sensitivity analysis to predict future fertility rates considering the influence of family policies — The Cases of Spain and Norway. *Social Indicators Research*, 2020;1–26. — DOI: 10.1007/s11205–020–02566–7
10. Рязанцев С.В., Архангельский В.Н., Воробьева О.Д. и др. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. — Москва: ООО «Объединенная редакция», 2020. — 156 с. — ISBN 978–5–93856–292–9. — DOI: 10.25629/НС.2020.13.01
11. Иванова А.Е., Семенова В.Г., Михайлов А.Ю. Тенденции и региональные особенности смертности в постсоветской России / Региональные особенности демографического развития России в XXI веке. — Москва: Экон-Информ, 2019. — С. 103–133. — ISBN 978–5–907233–18–8.
12. Иванова А.Е., Семенова В.Г. Тенденции и особенности смертности в условиях первого этапа депопуляции в России / Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации. — Москва: Экон-Информ, 2019. — С. 26–36. — ISBN 978–5–907057–98–2.
13. Иванова А.Е., Михайлов А.Ю. Политика по улучшению здоровья и снижению смертности: оценка эффектов / Социально-демографический потенциал России: состояние и перспективы. — Москва: Экон-Информ, 2019. — С. 199–227. — ISBN 978–5–907233–16–4.
14. Рязанцев С.В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // СОЦИС — 2019. — № 9. — С. 117–126. — ISSN 0132–1625. — DOI: 10.31857/S 013216250006666–5
15. Вишневецкий А. Демографический прорыв или движение по кругу? (Часть вторая) // ДЕМОСКОП Weekly. — 2012. — № 535–536. — ISSN 1726–2887. — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/demoscope535.pdf>.
16. Рязанцев С.В., Каримов М.М. Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здоровье (на примере таджикских трудовых мигрантов в России) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. — 2013. — № 2. — С. 40–51. — ISSN 2413–5151.
17. Захаров С.В., Сурков С.В. Миграция и рождаемость в России. Статья первая, статья вторая // Демоскоп Weekly. — 2009. — № 399–400, 401–402. — ISSN 1726–2887 — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema05.php>; <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/tema01.php>.

REFERENCES

1. Sigareva E.P. Gender characteristics of reproductive behavior of the younger generation in Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. Voronezh: Tsifrovaya poligrafiya, 2020:463–468 (In Russ.).
2. Vildanova S.M., Granichnaya A.A., Mingalieva A.R. Salyahieva L.M. A tendency towards child — free lifestyle in Russia and its influence on the crisis of the institution of family. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017;(3):192–205. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13
3. Baizán P., Arpino B. and Delclòs C.E. The effect of gender policies on fertility: The moderating role of education and normative context. *European Journal of Population*, 2016;32(1):1–30. DOI: 10.1007/s10680–015–9356–y
4. Matysiak A. and Szalma I. Effects of parental leave policies on second birth risks and women's employment entry. *Population*, 2014;69(4):599–636. DOI: 10.3917/pope.1404.0599
5. Valarino I., Duvander A.Z., Haas L., & Neyer G. Exploring leave policy preferences: a comparison of Austria, Sweden, Switzerland, and the United States. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. 2018;25(1):118–147. DOI: 10.1093/sp/jxx020
6. Gangl, M., & Ziefle, A. The making of a good woman: Extended parental leave entitlements and mothers' work commitment in Germany. *American Journal of Sociology*, 2015;121(2):511–563. DOI: 10.1086/682419
7. Duvander A.-Z. and Johansson M. What are the effects of reforms promoting fathers' parental leave use? *Journal of European Social Policy*, 2012;22(3):319–330. DOI: 10.1177/0958928712440201
8. Letablier M.-T. Fertility and family policies in France. *Journal of Population and Social Security (Population)*, 2003; Supplement to Volume 1:245–261.

9. Gandasegui, Vicente Díaz, Begoña Elizalde-San Miguel, and Maria T. Sanz. Back to the future: a sensitivity analysis to predict future fertility rates considering the influence of family policies — the cases of Spain and Norway. *Social Indicators Research*, 2020:1–26. — DOI: 10.1007/s11205–020–02566–7
10. Ryazantsev S. V., Arkhangel'skii V. N., Vorob'eva O. D. et al. Demograficheskoe razvitiye Rossii: tendentsii, prognozy, mery. Moscow: OOO «Ob»edinennaya redaktsiya», 2020. 156 p. (In Russ.). — DOI: 10.25629/HC.2020.13.01
11. Ivanova A. E., Semenova V. G., Mikhailov A. Yu. Trends and regional features of mortality in post-soviet Russia / regional features of demographic development of Russia in the XXI. — Moscow: Ekon-Inform, 2019:103–133 (In Russ.).
12. Ivanova A. E., Semenova V. G. Trends and features of mortality in the conditions of the first stage of depopulation in Russia / Demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization. — Moscow: Ekon-Inform, 2019:199–227. (In Russ.).
13. Ivanova A. E., Mikhailov A. Yu. Policy for improving health and reducing mortality: evaluation of effects / Socio-demographic potential of Russia: status and prospects. Moscow: Ekon-Inform, 2019:199–227. (In Russ.).
14. Ryazantsev S. V. Modern migration policy of Russia: challenges and approaches to improvement. *SOTsIS = SOCIS*. 2019;(9):117–126. (In Russ.). — ISSN 0132–1625. — DOI: 10.31857/S 013216250006666–5
15. Vishnevsky A. A demographic breakthrough or going in circles? Part 2. *Demoscope Weekly*. 2012:535–536. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/demoscope535.pdf>. (In Russ.).
16. Ryazantsev S. V., Karimov M. M. Impact of labor migration on fertility and reproductive health (on the example of Tajik labor migrants in Russia). *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki*. 2013;(2):40–51. (In Russ.).
17. Zakharov S. V., Surkov S. V. Migration and fertility in Russia. article one, article two. *Demoscope Weekly*. 2009:399–402. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0399/tema05.php>; <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0401/tema01.php>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алла Ефимовна Иванова — доктор экономических наук, профессор, зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения населения, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия
ivanova-home@yandex.ru

Юлия Эдуардовна Плетнева — младший научный сотрудник, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия
julpletneva@yandex.ru

Светлана Юрьевна Сивоплясова — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; доцент кафедры экономической теории, Московский авиационный институт (национального исследовательского университета), Москва, Россия
sivoplyasovasy@mai.ru

Евгения Петровна Сигарева — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия
sigarevae@mail.ru

Владимир Николаевич Архангельский — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения МГУ имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия
archangelsky@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alla E. Ivanova — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Head of the Department of Health and Self-preservation Behavior of the Population, Institute for Demographic Research — a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ivanova-home@yandex.ru

Juliya E. Pletneva — Junior Researcher, Institute for Demographic Research — a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

julpletneva@yandex.ru

Svetlana Yu. Sivoplasova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Senior Researcher, Institute for Demographic Research — a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Assoc. Prof. of the Department of Economic Theory, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

sivoplyasovasy@mail.ru

Evgeniya P. Sigareva — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute for Demographic Research — a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

sigarevae@mail.ru

Vladimir N. Arkhangelskiy — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute for Demographic Research — a separate division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Head of the Sector, Center for the Study of Population Problems of Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia

arkhangelskiy@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Е. Иванова — анализ резервов снижения смертности и возможных путей их реализации.

Ю.Э. Плетнева — анализ зарубежного опыта демографической политики в отношении рождаемости.

С.Ю. Сивоплясова — анализ влияния миграции на половозрастную структуру населения и рождаемость.

Е.П. Сigareва — участие в анализе и оценке резервов повышения рождаемости, обоснование предложений по возможностям их реализации.

В.Н. Архангельский — общее руководство исследованием, оценка возможных сочетаний суммарного коэффициента рождаемости и средней продолжительности жизни для обеспечения нулевого естественного прироста, анализ и оценка резервов повышения рождаемости.

Authors' Contribution Statement:

Alla E. Ivanova — analysis of reserves for reducing mortality and possible ways to implement them.

Juliya E. Pletneva — analysis of foreign experience of demographic policy in relation to fertility.

Svetlana Yu. Sivoplasova — analysis of the impact of migration on the gender and age structure of the population and the birth rate.

Evgeniya P. Sigareva — participation in the analysis and evaluation of reserves for increasing the birth rate, justification of proposals for the possibilities of their implementation.

Vladimir N. Arkhangelskiy — general management of the study, assessment of possible combinations of the total fertility rate and average life expectancy to ensure zero natural growth, analysis and evaluation of reserves for increasing fertility.

Статья поступила 16.01.2021; принята к публикации 20.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 16.01.2021; accepted for publication 20.03.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54
УДК 336.63(045)
JEL R29, H31, E24, I31

Финансы домохозяйств, бедность и уровень жизни населения

И.Н. Молчанов

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4252-2387>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – отдельные аспекты бедности. *Цель работы* – установление взаимосвязи уровня бедности, ее динамики и проводимой государственной политики. Установлено значение полноценного методического сопровождения статистических наблюдений и объективной и достоверной информации об экономическом и финансовом положении домохозяйств для получения объективной картины уровня бедности. Обоснована необходимость увязки результатов отечественных и зарубежных исследований посредством обеспечения общности методологических основ и баз данных в целях проведения сравнений и достижения сопоставимости результатов. Сформулированы рекомендации по преодолению негативных тенденций в динамике уровня бедности, недопущению ухудшения положения малоимущих домохозяйств под влиянием действия таких факторов, как экономическая активность, локализация места проживания (тип и величина городского или сельского поселения), размер семьи и наличие детей до 18 лет. Проанализированы предпринимаемые органами управления действия, направленные на реализацию мер Правительства РФ по преодолению последствий пандемии COVID-19 в связи с вероятностью роста безработицы в периоды возникновения непредвиденных событий и чрезвычайных ситуаций. *Сделаны выводы* о востребованности более полного перенятия накопленного зарубежного и отечественного опыта, целесообразности продолжения исследований по проблематике бедности. Для повышения достоверности результатов, получаемых при проведении экономических исследований по проблемам бедности, рекомендовано применение междисциплинарного подхода в целях более широкого задействования эконометрических, социологических и экспертных методов для обоснования предложений по улучшению экономического и финансового обеспечения малоимущих семей в периоды макроэкономической нестабильности.

Ключевые слова: уровень бедности; хроническая бедность; малоимущие семьи; прожиточный минимум; социальное государство

Для цитирования: Молчанов И.Н. Финансы домохозяйств, бедность и уровень жизни населения. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):44-54. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54

ORIGINAL PAPER

Household Finances, Poverty and Standard of Living

I.N. Molchanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4252-2387>

ABSTRACT

The subject of the study is some aspects of poverty. *The purpose of the work* is to establish the relationship between the level of poverty, its dynamics and the state policy. The importance of full-fledged methodological support of statistical observations and objective and reliable information about the economic and financial situation of households to obtain an objective picture of the level of poverty is established. The necessity of linking the results

© Молчанов И.Н., 2021

of domestic and foreign studies by providing common methodological bases and databases in order to make comparisons and achieve comparability of results is justified. Recommendations are formulated for overcoming negative trends in the dynamics of the level of poverty, preventing the deterioration of the situation of poor households under the influence of factors such as the degree of economic activity, localization of the place of residence (type and size of urban or rural settlements), family size and the presence of children under 18 years of age. The article analyzes the actions taken by the government bodies aimed at implementing the measures of the Government of the Russian Federation to overcome the consequences of the COVID-19 pandemic due to the likelihood of an increase in unemployment during periods of unforeseen events and emergencies. *Conclusions are drawn* about the need for a more complete acceptance of the accumulated foreign and domestic experience, the expediency of continuing research on the problem of poverty. To increase the reliability of the results obtained in economic research on poverty, it is recommended to use an interdisciplinary approach in order to make greater use of econometric, sociological and expert methods to justify proposals for improving the economic and financial security of poor families in times of macroeconomic instability.

Keywords: poverty level; chronic poverty; low-income families; minimum subsistence level; social state

For citation: Molchanov I.N. Household finances, poverty and standard of living. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):44-54. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-44-54

Проведение социально-экономической политики, направленной на снижение уровня бедности в два раза — до 6,6%, сохранение здоровья и благополучия людей положены в основу одной из ключевых установок государства, сформулированных в Указе Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», отражая необходимость преодоления государствами — членами ООН нищеты населения — «крайней бедности». Мировое сообщество осознает, что «хроническая бедность, т.е. длительное пребывание индивида за чертой бедности, наиболее опасна для общества» [1, с. 25]. В научных работах разносторонне обосновывается разрушительное воздействие хронической бедности на общество: в результате ее длительного негативного влияния на семью формируется долгосрочный эффект, который существенно сильнее краткосрочного эффекта, возникающего в период временной бедности [2]. На фоне пандемии COVID-19 во многих странах сокращается продолжительность рабочего времени, работники переводятся на удаленную работу и в неоплачиваемые отпуска, существенно увеличивается уровень безработицы. Все это ведет к снижению реальных располагаемых доходов граждан, повышает сложность решения проблемы бедности в России.

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕДНОСТИ

Домохозяйства, располагающие доходами ниже уровня прожиточного минимума, относятся

к категории малообеспеченных. Методология проведения исследований домохозяйств различна и описана достаточно подробно в официальных документах и научных публикациях [3, 4]. Основными источниками информации служат регулярные выборочные обследования (наблюдения) домашних хозяйств. Одни из них проводятся в России ежеквартально по стандартной статистической методологии и охватывают 48 тысяч домохозяйств. Их особенность — фокусирование внимания на измерении расходов домохозяйств. Определение располагаемых финансовых ресурсов семей производится посредством суммирования их измеряемых расходов и сбережений. Основное условие — добровольное участие респондентов в опросе. Эксперты отмечают сложность организации этой работы, в связи с чем «ключевым вопросом является переход на безбумажную технологию сбора информации с применением бесконтактного или дистанционного способа по программе наблюдения» [5, с. 80]. Другие наблюдения (обследования) доходов населения и участия в социальных программах организуются ежегодно в I квартале с объемом выборки, охватывающим 60 тысяч домохозяйств (один раз в пять лет объем выборки увеличивается до 160 тысяч домохозяйств). Приоритет данного обследования — измерение доходов.

В отличие от представленных стандартных подходов, анализ уровня бедности возможен на основе комплексного обследования, целью которого является рассмотрение условий и образа жизни населения России. Данное выборочное

обследование проводится Росстатом один раз в два года (объем выборки — 60 тыс. семей). Его программа построена на сочетании монетарного подхода (изучение доходов домохозяйств) и немонетарного подхода (включает вопросы об условиях проживания домохозяйств) к исследованию уровня бедности. Как следует из публикаций по данной тематике, представленная программа позволяет наряду с оценкой уровня монетарной бедности рассчитывать ключевые индикаторы немонетарной бедности:

1) индекс имущественного благосостояния, представляющий собой комплексный индикатор материального положения домохозяйства. Его недостаток состоит в отсутствии четко установленной границы бедности (например, к бедным могут быть отнесены 25% семей с наименьшим значением данного показателя);

2) уровень многомерной бедности, рассчитываемый как доля многомерно бедных в общей численности населения [оценка проводится исходя из деприваций (лишений), испытываемых домохозяйством по ряду компонентов качества жизни — образование, здоровье, условия жизни, которые оцениваются согласно системе индикаторов] [3, с. 490–492].

РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫПОЛНЕННОГО АНАЛИЗА

В основе оценки уровня бедности лежит показатель дохода ниже прожиточного минимума, понимаемый как рассчитанная по определенной, периодически пересматриваемой методологии совокупная стоимость потребительской корзины, которая содержит набор продовольственных и непродовольственных товаров и услуг (включая обязательные сборы и платежи), необходимых для поддержания жизненно важных человеческих потребностей, а его стоимостная величина определяется Росстатом. Понимаемый как порог бедности прожиточный минимум изменяется по регионам и федеральным округам России под влиянием ряда объективных причин, к которым относятся не только различия в показателях доходов и расходов населения, но и географическое местоположение, природно-климатические условия и сложившаяся поселенческая структура населения. Вследствие сочетания этих базовых факторов величина прожиточного минимума территориально различается весьма

существенно. А ведь именно их наличие позволяет развивать различные виды хозяйственной деятельности, формирующие объем производимого ВРП и уровень благосостояния населения. Прожиточный минимум в среднем по России и в разрезе федеральных округов (на примере его максимальных и минимальных уровней по субъектам Российской Федерации) содержится в *приложении* к данной статье.

Анализ представленных материалов свидетельствует о различиях в прожиточном минимуме как между регионами внутри федеральных округов, так и между федеральными округами, а также в сравнении со среднероссийскими показателями. Данные различия проявляются не только по усредненным для регионов показателям, но и в разрезе социально-демографических групп населения. В регионах, обладающих благоприятным сочетанием природных и экономических факторов и наличием соответствующих им видов экономической деятельности для развития промышленного производства либо добычи полезных ископаемых и других природных богатств, доходы населения, как правило, выше, и прожиточный минимум увеличивается. Напротив, в регионах аграрной специализации доходы населения ниже, что и влияет на уменьшение данного показателя.

Правительство РФ устанавливает прожиточный минимум в целом по стране, а органы власти субъектов Российской Федерации — в своих регионах. До начала 2021 г. данный индикатор определялся органами государственной статистики ежеквартально по методологии, обеспечивающей сопоставимость результатов. Динамика уровня бедности населения за период 2013–2019 гг., определенная по установленной методике расчета прожиточного минимума, отражена в *табл. 1*.

Как следует из представленных в *табл. 1* данных, за рассматриваемый период прожиточный минимум в среднем по России существенно вырос. Однако в динамике численности бедного населения видимых сдвигов в сторону ее снижения не прослеживается. По состоянию на 2021 г. величина прожиточного минимума рассчитана по новой методологии и устанавливается сразу на весь год, а не на квартал, как это было прежде. В целом по Российской Федерации на душу населения она равнялась 11 653 руб. По основным социально-демографическим группам она составляла кас-

Таблица 1 / Table 1

Динамика уровня бедности населения России / Population poverty dynamics of Russia*

Год / year	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел., в % от общей численности / Population with cash incomes below the subsistence level, mln. in % of the total number	Дефицит денежного дохода, млрд руб., в % от общего объема денежных доходов населения / Deficit of cash income, RUB bln in % of the total money income of the population	Величина прожиточного минимума рублей в месяц / The value of the subsistence minimum rubles per month
2013	15,5 / 10,8	417,1 / 0,9	7306
2014	16,3 / 11,3	482,7 / 1,0	8050
2015	19,6 / 13,4	701,7 / 1,3	9701
2016	19,4 / 13,2	701,8 / 1,3	9828
2017	18,9 / 12,9	702,5 / 1,3	10088
2018	18,4 / 12,6	699,0 / 1,2	10287
2019	18,1 / 12,3	721,7 / 1,2	10890

Источник данных в табл. 1–4 и приложении: сайт Федеральной службы государственной статистики / Data source in Tables 1–4 and Appendix: website of the Federal State Statistics Service. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>.

* Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума определяется на основе данных о распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов и является результатом их соизмерения с величиной прожиточного минимума. Дефицит денежного дохода определяется как сумма денежных средств, необходимая для доведения доходов населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума до величины прожиточного минимума.

тельно трудоспособного населения 12 702 руб., пенсионеров — 10 022 руб., детей — 11 303 руб.¹ Кроме того, величина прожиточного минимума зависит от медианного среднедушевого дохода по стране. Прожиточный минимум относится к числу ключевых социально-экономических индикаторов и имеет общественное значение. Его уровень лежит в основе определения степени нуждаемости и выработки таких мер предоставления государственной поддержки, как социальный контракт, детские ежемесячные пособия и другие выплаты малообеспеченным семьям.

БЕДНОСТЬ КАК МНОГОАСПЕКТНАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРОБЛЕМА

До настоящего времени в научном сообществе не сложилось единого понимания хронической бедности — данный термин постепенно эволю-

¹ Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2406 «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации на 2021 год».

ционирует по мере накопления данных в результате выполненных исследований. Согласно одной из первоначальных трактовок к категории «хронически бедные люди» относились слои населения, имеющие низкий уровень благосостояния в течение длительного времени [6]. Согласно другому пониманию данной категории людей это отнесение считалось правомерным, если вышеуказанное состояние сохранялось в течение всей жизни человека и передавалось следующему поколению [7]. Если к измерению хронической бедности применить *компонентный подход*², то в его рамках хронически бедным индивидом считается тот человек, у кого за определенный (установленный исследователями) период средний доход находится ниже черты (порога) бедности [8].

Проведение измерений на основе учета периодов бедности (*spells approach*) позволяет относить к хронически бедным тех людей, кто находится

² Характеризуется инвариантностью по отношению к числу периодов пребывания индивида в состоянии крайней бедности и периодов невысоких, но превышающих черту бедности доходов.

Таблица 2 / Table 2

Распределение численности малоимущего населения России по экономической активности, в % /
Distribution of the number of the poor in Russia by economic activity of Russia, %

Показатель / Indicator	2013	2016	2018
Все малоимущее население / All the poor	100	100	100
в том числе: / including			
Занятые в экономике (работающие) / Employed in the economy (working)	32,0	31,9	31,0
из них работающие пенсионеры / of them working pensioners	0,7	1,0	0,8
Незанятые в экономике (неработающие) / Not employed in the economy (not working)	33,4	30,7	29,2
в том числе: / including			
неработающие пенсионеры / unemployed pensioners	8,7	9,2	8,2
иные категории незанятого населения / other categories of the unemployed	24,7	21,5	21,0

в состоянии бедности определенное количество периодов. При таком подходе применяется поэтапная процедура измерения: на первом этапе устанавливаются индивиды, бедные в конкретном периоде (например, год); на втором этапе определяется доля периодов (лет), в которых индивид должен быть бедным, чтобы попасть в категорию хронически бедных [1, 2].

Проблема так называемых работающих бедных существует во многих странах мира. На основе методологии, созданной в 2003 г. для нужд статистической оценки, Евростат³ осуществляет учет работающих бедных. Индикатор *IWP* (*in-work poverty rate*) отражает уровень бедности среди работающего населения и рассчитывается только среди тех людей, кто за последние 12 месяцев был занят на рынке труда в течение, как минимум, семи месяцев. Работающими бедными считаются люди, кто проживал в домохозяйствах, отнесенных к бедным, с использованием относительного подхода к измерению бедности (со среднедушевым эквивалентным доходом менее 60% от медианного дохода) [3, с. 495]. По странам Евросоюза

³ Статистический орган Евросоюза.

происходит повышение индикатора: *IWP* вырос на 0,7% за период 2012–2017 гг. (с 8,9 до 9,6%). При этом характерно, что в экономиках пяти ведущих государств ЕС зафиксированы весьма существенные уровни бедности среди работающих: во Франции — 7,4%, в Великобритании — 9,0%, Германии — 9,0%, Италии — 12,3%, Испании — 13,1% (2017 г.) [9]. На основе косвенных данных можно сделать вывод о масштабах бедности среди работающих в США: в 2018 г. были обеспечены работой только 36,8% всех проживающих в этой стране малообеспеченных семей [10].

В 2018 и 2019 гг. коэффициент Джини, отражающий неравномерное распределение доходов, составил в России 0,413 и назван в трудах российских ученых специфической чертой бедности, распространенной преимущественно среди занятого населения [11, 12]. Однако привлечение альтернативных (многомерных) подходов к рассмотрению бедности приводит отдельных исследователей к выводу о том, что занятые составляют около 30–35% всего малоимущего населения. Согласно заключению А. Г. Аганбегяна преодоление бедности — это не благотворительная социальная мера, а средство для повышения

Таблица 3 / Table 3

**Распределение численности малоимущих домашних хозяйств России по месту проживания, в % /
Distribution of the number of poor households in Russia by place of residence, %**

Показатель / Indicator	2013	2016	2018
Все малоимущие домохозяйства / All low-income households	100	100	100
в том числе домохозяйства: / including households:			
Проживающие в городах – всего / Residents in cities – total	41,8	47,8	49,1
в том числе с численностью населения, человек: / including population, people:			
менее 50 тыс. / less than 50 thousand	17,2	17,2	16,0
50–99,9 тыс. / 50–99.9 thousand	6,4	6,4	7,7
100–249,9 тыс. / 100–249.9 thousand	5,9	6,6	6,0
250–499,9 тыс. / 250–499.9 thousand	4,1	6,2	6,5
500–999,9 тыс. / 500–999.9 thousand	3,6	5,6	7,2
1 млн и более / 1 million and more	4,6	5,8	5,7
Проживающие в сельских поселениях – всего / Residents of rural settlements – total	58,2	52,2	50,9
в том числе с численностью населения, человек: / including population, people:			
менее 200 / less than 200	1,0	2,3	1,3
201–1000 / 201–1000	22,6	21,3	17,4
1001–5000 / 1001–5000	21,4	17,7	18,6
более 5 тыс. / more than 5 thousand	13,2	11,0	13,6

производительности труда человека, увеличения его вклада в экономику и создания валового внутреннего продукта [11, с. 83]. Проведение активной политики занятости, создание новых рабочих мест, повышение квалификации, обучение новым профессиям, т. е. принятие целенаправленных мер и действий в данном направлении в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, могут оказать ощутимое влияние на изменение ситуации к лучшему.

Официальные данные Росстата позволяют анализировать распределение численности малоимущего населения по экономической активности (табл. 2). Так, четко выраженной динамики в уровнях показателей бедности за период

2013–2018 гг. во взаимосвязи с экономической активностью не наблюдается. В составе малоимущего населения доля занятых в экономике и работающих пенсионеров за анализируемый период практически не изменилась. Одновременно несколько уменьшилась доля неработающих граждан, что можно рассматривать как положительную тенденцию.

В ряде зарубежных публикаций учеными детально излагаются характеристики семей и их членов, разнонаправленно влияющие на вероятность появления хронической бедности. Так, вероятность бедности возрастает в случае наличия в семье детей в возрасте до 18 лет и не занятых (не работающих) в экономике совершеннолетних

Таблица 4 / Table 4

**Распределение численности малоимущих домашних хозяйств России по размеру и наличию детей, в %
/ Distribution of the number of poor households in Russia by size and presence of children, %**

Показатель / Indicator	2013	2016	2018
Все малоимущие домохозяйства / All low-income households	100	100	100
в том числе домохозяйства, состоящие: / including households consisting of:			
из 1 человека / from 1 person	8,5	5,1	5,0
из 2 человек / from 2 person	13,8	11,4	9,5
из 3 человек / from 3 person	20,5	19,9	18,6
из 4 человек / from 4 person	28,2	29,4	28,4
из 5 и более человек / 5 and more people	29,0	34,3	38,5
Из общего числа малоимущих домохозяйств / Of the total number of poor households			
Домашние хозяйства, не имеющие детей в возрасте до 18 лет / Households with no children under the age of 18	27,8	21,2	17,6
Домашние хозяйства, имеющие детей в возрасте до 18 лет / Households with children under the age of 18	72,2	78,8	82,4
в том числе: / including			
1 ребенка / 1 child	28,1	26,0	23,8
2 детей / 2 child	28,5	33,1	33,2
3 и более детей / 3 or more children	15,6	19,8	25,4

членов семьи. Некоторые авторы усматривают зависимость хронической бедности от рода занятий работающих членов семьи, характеристик главы домохозяйства. Один из весьма существенных факторов — образование: по мере роста уровня образования вероятность хронической бедности уменьшается [13, 14].

В ходе дальнейшего исследования было изучено распределение численности малоимущих домашних хозяйств в 2013–2018 гг. в соотношении с характеристиками места их проживания (город/село, численность жителей населенного пункта). По годам исследуемого периода прослеживаются достаточно четкие различия в уровне занятости малоимущих граждан в зависимости от типа поселения (городское либо сельское): растет количество малоимущих домохозяйств, проживающих в городской местности. При рассмотрении фактора величины населенного пункта (в разрезе городских и сельских поселений) динамика

отличается разнонаправленными тенденциями (табл. 3).

Еще одним важным аспектом проблемы бедности являются возможности семей в содержании детей. В зарубежных публикациях размер домохозяйства и рождение детей традиционно рассматриваются, с одной стороны, как факторы материального положения семьи, а с другой стороны, как вероятность длительной бедности [15, 13]. Выявлена определенная закономерность (табл. 4): в течение исследуемого периода (2013–2018 гг.) в динамике небольших семей (состоящих из одного или двух человек) заметна тенденция к снижению их удельного веса в общем количестве малоимущих домашних хозяйств, что можно расценивать как положительный фактор. В динамике средних семей (состоящих из трех или четырех человек) ситуация достаточно стабильная: резкого роста или падения показателей не наблюдается при наличии колебаний по годам.

Но в отношении больших семей (состоящих из пяти и более человек) наметился существенный рост их удельного веса в общем количестве малоимущих домохозяйств. Определенные закономерности можно проследить и в отношении семей с детьми: если в малых семьях (насчитывающих один или два ребенка) ситуация более или менее стабильная, то в семьях с тремя и более детьми ситуация непростая: их удельный вес в общем числе домохозяйств данной категории быстро растет. Это подтверждает целесообразность государственного регулирования различных форм занятости и применения мер поддержки больших семей с детьми.

В публикациях, посвященных многомерной бедности, исследователи указывают на вероятность ее повышения у следующих типов семей с детьми: «у многодетных, неполных семей, имеющих в своем составе безработных, получающих ежемесячные детские пособия, а также тех, в которых возраст родителей старше 50 лет или они имеют низкий уровень образования» [16, с. 22]. По результатам исследований отечественными учеными при анализе потенциальных факторов хронической бедности установлено наличие связи с уровнем образования в разрезе его ступеней [начальное, среднее, профессиональное (среднее и высшее)], состояния здоровья (наличие сердечно-сосудистых и других распространенных групп заболеваний, инвалидность по различным причинам). Выявлены негативно влияющие факторы на состояние семьи, в числе которых, например, наркотическая и алкогольная зависимости. В качестве немаловажных факторов определены ключевые характеристики главы домохозяйства (как члена семьи, приносящего наибольший доход) и места проживания семьи, ее территориальной дислокации (городское либо сельское поселение, субъект Российской Федерации, макрорегион) [16].

В период пандемии *COVID-19* Правительство РФ осуществляет комплекс мер по поддержке семей с детьми, в числе которых единовремен-

ные выплаты на каждого ребенка, в том числе ежемесячные выплаты.

Помимо этих мер, установлены увеличенные пособия по уходу за детьми до полутора лет для неработающих граждан. Все вышеизложенное свидетельствует о проведении сбалансированной политики в отношении семей с детьми и усилении внимания государства к мерам финансового регулирования национальной экономики России.

ВЫВОДЫ

В настоящее время возрастают роль многомерных измерений бедности и в связи с этим потребность в создании универсальной многокомпонентной системы мониторинга национальной экономики, одна из подсистем которой будет предназначена для комплексного наблюдения за различными аспектами жизнедеятельности домохозяйств. Требуют внимания особенности бедности с позиций обеспечения достоверности информационных источников, владения современными методами анализа и прогнозирования социально-экономических процессов.

Исходя из сложившихся соотношений и поставленных Президентом Российской Федерации задач центром внимания органов власти становятся задачи по активизации работы органов управления на субнациональном уровне (региональном и внутрирегиональном) в принятии мер по преодолению бедности: созданию разных типов рабочих мест и развитию тех видов производств, которые будут наиболее привлекательными для укрепления внутренних и внешних хозяйственных связей, продвижения конкурентоспособной продукции и услуг на межрегиональные и межгосударственные рынки. Развитие производства будет способствовать повышению совокупного предложения, а рост доходов хозяйствующих субъектов (населения и организаций) — улучшению благосостояния населения и росту совокупного спроса не только на региональном и общегосударственном, но и на международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Малева Т. Н., Гришина Е. Е., Бурдык А. Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. — 2020. — № 12. — С. 24–40. — ISBN 0042–8736. — DOI: 10.32609/0042–8736–2020–12–24–40
Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Y. Chronic poverty: What affects its level and severity? *Voprosy Ekonomiki*. 2020;(12):24–40. (In Russ). — DOI: 10.32609/0042–8736–2020–12–24–40

2. Foster J. (2009). A class of chronic poverty measures. In: T. Addison, D. Hulme, R. Kanbur (eds.). *Poverty dynamics: interdisciplinary perspectives*. — Oxford: Oxford University Press, pp. 59–76.
3. Рябушкин Н.Н., Капелюк С.Д. Работающие бедные в России: оценка масштабов проблемы // Экономика труда. — 2020. — Т. 7. — № 6. — С. 489–498. — ISBN 2410–1613. — DOI: 10.18334/et.7.6.110529
Ryabushkin N. N., Kapelyuk S. D. The working poor in Russia: assessment of the size of the problem]. *Ekonomika truda = Labor economics*. 2020;7(6):489–498. (In Russ). DOI: 10.18334/et.7.6.110529
4. Кауфман Н.Ю. Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект // Вопросы управления. — 2020. — № 5. — С. 36–45. — ISBN 2304–3369. — DOI: 10.22394/2304–3369–2020–5–36–45
Kaufman N. Yu. Problems of poverty in Russia: economic and social aspect, *Voprosy upravleniya = Management Issues*, 2020;(5):36–45. (In Russ.). DOI: 10.22394/2304–3369–2020–5–36–45
5. Олейник О.С., Олейник А.Б. Проблемы статистического измерения бедности населения // Региональная экономика. Юг России. — 2020. — Т. 8. — № 2. — С. 76–85. — DOI: 10.15688/re.volsu.2020.2.8
Oleynik O. S., Oleynik A. B. Challenges of statistical measuring of population poverty. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii = Regional Economy. South of Russia.*, 2020;8(2):76–85. (In Russ.). DOI: 10.15688/re.volsu.2020.2.8
6. Jalan J., Ravallion M. *Determinants of transient and chronic poverty: Evidence from rural China*. Washington, 1998. DC: World Bank.
7. Hulme D., Shepherd A. (2003). Conceptualizing chronic poverty. *World Development*, 2003;31(3):403–423. — DOI: 10.1016/S 0305–750X(02)00222–X
8. Foster J. E., Santos M. E. Measuring chronic poverty. In: G. Betti, A. Lemmi (eds.). *Poverty and social exclusion: New methods of analysis*. New York: Routledge, 2013:143–165.
9. Pena-Casas R., Ghailani D., Spasova S., Vanhercke B. (2019). In-work poverty in Europe. A study of national policies. *European Social Policy Network (ESPN)*. — Brussels: European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=21240&langId=en>.
10. Semega J., Kollar M., Creamer J., Mohanty A. *Income and Poverty in the United States: U. S. Census Bureau, Current Population Reports*, pp. 60–266. — Washington: U. S. Government Printing Office, 2019. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/visualizations/2018/demo/p60-266/p60-266.pdf>.
11. Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. — 2017. — № 9. — С. 66–84. — ISBN 0131–7652. — DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2017–9–66–84
Aganbegyan A. G. Overcoming poverty and reducing the income and consumption inequalities in Russia. *Eco*. 2017;(9):66–84. (In Russ). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2017–9–66–84
12. Ашмаров И.А. “Работающие бедные” в современной России // Историко-экономические исследования. — 2018. — № 4. — С. 556–570. — ISBN 2308–2488.
Ashmarov I. A. “Working Poor” in modern Russia]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Historical and economic research*. 2018(4):556–570. (In Russ.).
13. Coppola L., Di Laurea D. Persistent at-risk-of-poverty rate in Italy (2007–2010). Net-Silc2 Working Paper, No. 3. Viennam, 2014: Statistics Austria.
14. McKernan S. M., Ratcliffe C. Events that trigger poverty entries and exits. *Social Science Quarterly*. 2005;86(s1):1146–1169. DOI: 10.1111/j.0038–4941.2005.00340.x
15. Fourarge D., Layte R. Welfare regimes and poverty dynamics: The duration and recurrence of poverty spells in Europe. *Journal of Social Policy*. 2005;34(16).
16. Гришина Е.Е. Различные аспекты бедности семей с детьми // ЭКО. — 2018. — № 3. — С. 7–26. — DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–3–7–26
Grishina E. E. Various aspects of poverty among families with children]. *Historical and economic research. EKO*. 2018;(3):7–26. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131–7652–2018–3–7–26 (In Russ.).

Приложение / Application

Прожиточный минимум в России и субъектах Российской Федерации (2019 г.), руб./мес.* / Subsistence minimum in Russia and the regions of Russia (2019), rub/month

Показатель / Indicator	Все население / All population	В том числе по социально-демографическим группам населения / Including by socio-demographic groups of the population		
		трудоспособное население / able-bodied population	пенсионеры / pensioners	дети / children
Российская Федерация / Russian Federation	10890	11809	9002	10703
Центральный федеральный округ / Central Federal District				
Белгородская область / Belgorod region	9126	9837	7588	8947
г. Москва / Moscow	17202	19644	12174	14800
Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District				
Ленинградская область / Leningrad region	10801	11695	9200	10400
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Okrug	19993	21008	16345	20969
Южный федеральный округ / Southern Federal District				
Республика Адыгея / Republic of Adygea	9315	9934	7654	9442
г. Севастополь / Sevastopol	11088	11888	9134	11667
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District				
Ставропольский край / Stavropol region	9235	9881	7549	9498
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkar Republic	11576	12000	8998	12519
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District				
Республика Мордовия / The Republic of Mordovia	9104	9825	7527	9357
Самарская область / Samara Region	10492	11622	8383	10371

* Рассчитано в среднем на душу населения; рублей в месяц.

Окончание приложения / Appendix (continued)

Показатель / Indicator	Все население / All population	В том числе по социально-демографическим группам населения / Including by socio-demographic groups of the population		
		трудоспособное население / able-bodied population	пенсионеры / pensioners	дети / children
Уральский федеральный округ / Ural federal district				
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous District	16 318	17 063	12 863	16 133
Курганская область / Kurgan region	10 019	10 706	8 331	10 438
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District				
Омская область / Omsk region	9 900	10 497	7 990	10 080
Красноярский край / Krasnoyarsk region	12 477	13 216	9 783	12 966
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District				
Республика Бурятия / The Republic of Buryatia	11 377	11 828	9 012	11 868
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous District	22 213	22 809	17 130	23 025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Николаевич Молчанов — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента общественных финансов Финансового факультета, Финансовый университет, Москва, Россия; профессор кафедры политической экономии Экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; Москва, Россия
INMolchanov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor N. Molchanov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Department of Public Finance, Faculty of Finance, Financial University, Moscow, Russia; Prof. of the Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia
INMolchanov@fa.ru

*Статья поступила 10.01.2021; принята к публикации 15.03.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received 10.01.2021; accepted for publication 15.03.2021.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-55-63
УДК 336.02;334.02;338.1;338.5(045)
JEL G38, H30, O23

Социальные и финансовые условия достижения устойчивого инновационного развития

В.А. Чернов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-7703-1660>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – финансовые аспекты достижения устойчивого инновационного роста экономики России исходя из гипотезы, что деловая и инвестиционная активность внутри страны зависит от политики распределения и перераспределения доходов между группами населения и бизнеса.

Методология исследования основывается на диалектическом подходе, дедуктивно-индуктивном методе, динамическом и статическом анализе, основных положениях экономической теории, законах товарного и денежного обращения.

Цели работы – выявление недостатков и установление возможных способов изыскания государством дополнительных средств для финансирования и повышения деловой активности производителей. В ходе исследования раскрыто системное взаимовлияние различий в доходах населения, сбалансированности спроса и предложения, вывоза капитала за рубеж, денежной эмиссией, деловой активностью бизнеса.

Рассмотрено, при каких условиях богатство в виде природных ресурсов в России может быть конкурентным преимуществом национальной экономики и в каких случаях оно препятствует устойчивому, инновационному конкурентоспособному развитию несырьевых производств. На основе анализа динамики неравенства распределения доходов населения как фактора, ограничивающего возможности инновационного, устойчивого развития экономики, *сделаны вывод* о том, что с ростом разницы в доходах между слоями населения увеличивается вывоз денег за рубеж, сокращается деловая активность производителей, уменьшается потенциал инвестирования. Для укрепления финансовой безопасности России требуются продолжение избавления российской экономики от долларовой зависимости в расчетах и диверсификация золотовалютных резервов.

Ключевые слова: эмиссия; сбалансированность; надежность валюты; финансовый суверенитет; вывоз капитала; деловая активность; конкурентоспособность; доходы населения

Для цитирования: Чернов В.А. Социальные и финансовые условия достижения устойчивого инновационного развития. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):55-63. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-55-63

ORIGINAL PAPER

Social and Financial Conditions for Achieving Sustainable Innovation Development

V.A. Chernov

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia.
<http://orcid.org/0000-0002-7703-1660>

ABSTRACT

The subject of the study is the financial aspects of achieving sustainable innovative growth of the Russian economy based on the hypothesis that business and investment activity in the country depends on the policy of distribution and redistribution of income between groups of the population and business.

The research methodology is based on the dialectical approach, deductive-inductive method, dynamic and static analysis, the main provisions of economic theory, the laws of commodity and money circulation.

© Чернов В.А., 2021

The purpose of the work is to identify shortcomings and identify possible ways for the state to find additional funds to finance and increase the business activity of manufacturers. The study reveals the systemic mutual influence of differences in the income of the population, the balance of supply and demand, the export of capital abroad, the monetary issue, and the business activity of the business.

It is considered under what conditions the wealth in the form of natural resources in Russia can be a competitive advantage of the national economy, and under what conditions it hinders the sustainable, innovative and competitive development of non-resource industries. Based on the analysis of the dynamics of inequality in the distribution of income of the population as a factor limiting the possibilities of innovative, sustainable development of the economy, *it is concluded* that with the growth of the income difference between the segments of the population, the export of money abroad increases, the business activity of producers decreases, and the investment potential decreases. To strengthen Russia's financial security, it is necessary to continue ridding the Russian economy of its dollar dependence in settlements and diversify its gold and foreign exchange reserves.

Keywords: issue; balance; currency reliability; financial sovereignty; capital export; business activity; competitiveness; income of the population

For citation: Chernov V.A. Social and financial conditions for achieving sustainable innovation development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):55-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-55-63

ВВЕДЕНИЕ

Основная часть доходов бюджета России складывается из выручки от реализации топливно-сырьевых ресурсов, получаемой в условиях нехватки инвестиций, влияющей в конечном счете на состояние экономики и демографической ситуации в государстве, обеспечение социальной справедливости и повышение благосостояния населения. Поэтому деловая и инвестиционная активность производителей материальных благ зависит от политики распределения и перераспределения доходов между населением и предпринимательством. Сокращение различий в доходах населения, обеспечение сбалансированности доходов являются не только необходимыми условиями обеспечения политической стабильности в обществе, но и важнейшими факторами, необходимыми для притока финансирования в экономику России и повышения эффективности товарно-денежных отношений посредством сокращения зависимости наполнения бюджета от топливно-сырьевого экспорта и укрепления финансового суверенитета на фоне санкционного давления со стороны западных государств при условии ликвидации последствий пандемии коронавируса, выразившихся в резком снижении мировых цен на топливно-сырьевые ресурсы, обусловившем падение курса рубля [1].

По состоянию на 17 марта 2020 г. российская валюта потеряла 17,01% по отношению к доллару. Больше падение курса валюты было среди наиболее обесценившихся в мире валют только

у колумбийского песо (-19,87%), бразильского реала (-19,40%) и мексиканского песо (-17,52%) [2].

На ослабление курса рубля повлияли действия иностранных инвесторов. До начала пандемии коронавируса рубль пользовался повышенным спросом у инвесторов-нерезидентов, приобретавших российскую валюту для инвестиций в облигации федерального займа, что привело к укреплению курса российской валюты в конце 2019 г. на 12,5%. В 2020 г., напротив, в результате уменьшения деловой активности, вызванного пандемией коронавируса, инвесторы стали поспешно избавляться от рублевых активов [2]. Кроме этого, падению курса рубля способствовала скупка населением свободно конвертируемых валют для сбережения своих накоплений в условиях нарастания экономических проблем.

Таким образом, экономика России продолжает оставаться чрезмерно зависимой от топливно-сырьевого экспорта и влияния мировых валют. Для укрепления ее экономической устойчивости и финансового суверенитета необходимо масштабное развитие перерабатывающих отраслей, достигаемое благодаря государственно-частному партнерству и инновационному развитию [3, с. 59–69] в рамках выполнения положений Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В современных условиях достижению Россией инновационного экономического роста мешают две проблемы:

- низкая инвестиционная привлекательность экономики;
- падение спроса на товары и услуги в связи с сокращением реальных доходов населения.

Согласно результатам опроса предпринимателей, проведенного отделением компании *PwC* в России, трудности бизнеса обусловлены ростом цен на топливо и электроэнергию по сравнению с периодом 1990-х гг. и уменьшением покупательной способности населения [4, с. 10].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Достижение национальных целей и решение стратегических задач развития Российской Федерации зависят от наличия достаточных источников финансирования и налогового стимулирования инновационного развития [5, с. 50–58; 6, с. 121–131; 7, с. 29–38].

Не менее важным представляется решение проблемы использования природных ресурсов страны в повышении конкурентных преимуществ и инвестиционной привлекательности России, обеспечении конкурентоспособности российской экономики, надежности российского рубля посредством проведения соответствующей налоговой политики, рассмотренной в публикациях [8–13].

Так, В. Т. Рязанов выделяет два возможных подхода к решению данной проблемы:

1) обилие ресурсов трактуется как «ресурсное проклятие», следуя идеалистической (неоклассической) экономической теории;

2) топливно-сырьевые ресурсы являются природным богатством, увеличивающим возможности страны, а не «проклятием», если следовать адептам реалистичной политэкономии.

Позиция «ресурсного проклятия» рассматривается как прикрытие истинных причин неудовлетворительных достижений в проводимой экономической политике ввиду того, что результат, полученный от использования ресурсов, зависит от того, как они будут распределяться их владельцами и кому будут приносить пользу [14, с. 645].

Топливо-сырьевая зависимость становится препятствием для экономического развития в случае, если доходы от продажи ресурсов:

- 1) перечисляются за рубеж;

2) принадлежат малой части населения и способствуют ее обогащению.

В результате природные ресурсы становятся не конкурентным преимуществом, а топливно-сырьевой зависимостью [14, с. 645].

В соответствии с результатами опроса предпринимателей, проведенного отделением компании *PwC* в России, падение деловой активности вызвано увеличением цен на топливо и электроэнергию по сравнению с периодом 1990-х гг. [4, с. 10]. В результате экономика России утратила инвестиционную привлекательность.

В соответствии с данными Всемирного банка в рейтинге прямых иностранных инвестиций Россия уступила 17-е место, которое она занимала в 2018 г., став 31-й в 2019 г. При этом размер прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) в экономику был меньше в двадцать девять раз, чем в США; в двадцать три раза меньше, чем в Китае; в двенадцать раз меньше, чем в Германии и в семь раз меньше, чем во Франции.

Инвестиционная привлекательность во многом зависит от конкурентоспособности экономики. По данным исследований, проведенных в рамках Всемирного экономического форума, по индексу глобальной конкурентоспособности стран мира Россия в 2018 г. заняла 43-е место из 140 стран, набрав 65,6 баллов из 100.

Падение спроса на товары обусловлено реальными доходами населения, которые по данным Росстата снижаются начиная с 2015 г. Их изменение в процентном соотношении к данным 1995 г. отражено в *табл. 1*.

Сокращение доходов населения и спроса на продукцию производства вызвало снижение индексов объемов розничных продаж в сравнении с 2015 г. в отношении к продажам 2010 г. (*табл. 2*).

По результатам опроса предпринимателей, проведенного компанией *PwC*, одним из отрицательных факторов, мешающих ведению бизнеса в России, стало снижение покупательской способности населения на 42% [4, с. 10].

В годы абсолютного превосходства в конкурентоспособности производителей США и Европы возобладал подход, заключающийся в стимулировании спроса с целью активизации продаж и производства товаров (оказания услуг).

По мере того как производители Китая занимали все большую долю рынков, стимулирование спроса в США и Европе способствовало увеличению

Таблица 1 / Table 1

**Динамика сокращения реальных доходов населения, % /
Dynamics of reduction in real incomes of the population, %**

Показатель / Indicator	Год / Year			
	2015	2016	2017	2018
Реальные располагаемые денежные доходы / Real disposable money income	226,7	217,1	216	216,2

Источник / Source: составлено автором на основании Российского статистического ежегодника, 2019: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019 – С. 155 / compiled by the author on the basis of the Russian Statistical Yearbook 2019: Stat.book / Rosstat – Moscow, 2019. P. 155.

Таблица 2 / Table 2

**Индексы физического объема оборота розничной торговли по отношению к продажам 2010 года, % /
Indices of physical volume of retail trade turnover relative to 2010 sales, %**

Страна / Country	Год / Year			
	2015	2016	2017	2018
Россия / Russia	109,2	103,92	105,3	108,2
Канада / Canada	114	118	125	126
Франция / France	113	117	121	124
США / USA	114	116	118	120
Соединенное Королевство (Великобритания) / United Kingdom	110	115	117	120
Германия / Germany	106	109	112	114
Япония / Japan	99	99	100,5	101
Италия / Italy	95	95	94	94

Источник / Source: составлено автором на основании Российского статистического ежегодника. 2019: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019. – С. 681 / compiled by the author on the basis of the Russian Statistical Yearbook 2019: Stat. book / Rosstat. – Moscow, 2019. P. 681.

продаж китайских производителей, что было не в интересах США и государств Европы.

В вышеприведенный период в китайской экономической политике не преследовалась цель стимулирования спроса, а поощрялось обеспечение конкурентоспособности товаров, в то время как доходы населения продолжали оставаться низкими, что удешевляло стоимость рабочей силы и сокращало себестоимость производства товаров (оказания услуг). В начале подъема китайской экономики дешевая рабочая сила была одним из главных конкурентных преимуществ китайской экономики и причиной ее высокой инвестиционной привлекательности, что привело к опережающему экономическому росту Китая [1, с. 12–28].

В 2018 г. в мире резко сократились ПИИ на 19% с 1,47 до 1,2 трлн долл. США. Причем основные

потери по оценкам *UNCTAD* – Конференции ООН по торговле и развитию пришлось на развитые страны. Инвестиции в их экономики уменьшились на 40% (примерно на 451 млрд долл. США) после принятия Конгрессом США мер по реформированию налоговой системы, побудив американские корпорации возвращать активы из-за рубежа, что обусловило повышение инвестиционной привлекательности США. В Европе совокупный объем ПИИ сократился до 100 млрд долл. США. В соответствии с данными Всемирного банка выборочный рейтинг стран по уровню ПИИ представлен в *табл. 4*, где России отведено 31-е место из 201 участника. Отрицательные величины ПИИ означают, что экспорт инвестиций опережает импорт в этих странах или убывание инвестиций из экономики превышает их поступление в экономику.

Таблица 3 / Table 3

Рейтинг стран по уровню ПИИ / Rating of countries by the level of foreign direct investment

Рейтинг (выборочный) / Rating (selective)	Страна / Country	Размер ПИИ по годам (млн долл. США) / Amount of FDI by year (\$ million)	
		2017	2018
1	Соединенные Штаты Америки / United States of America	354 828 00	258 390 000 000
2	Китай / China	168 223 58	203 492 014 029
3	Германия / Germany	77 983 39	105 277 588 652
9	Франция / France	47 335 62	59 849 224 138
10	Великобритания / United Kingdom	64 685 40	58 650 667 046
31	Россия / Russia	28 557 44	8 784 850 000

Источник / Source: составлено автором на основании Рейтинга стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций / compiled by the author on the basis of the Rating of countries of the world by the level of direct foreign investment. URL: <https://gtmarket.ru/research/foreign-direct-investment-index/info>.

Именно теперь политика стимулирования спроса становится для Китая наиболее актуальной, чтобы обеспечить спрос на свои товары независимо от внешних рынков. И в этой стране доходы населения растут в наибольшей степени по сравнению с другими государствами.

В России политика стимулирования спроса приводит преимущественно к увеличению продаж импортных товаров из-за недостаточной конкурентоспособности отечественных производителей. Поэтому задача максимального увеличения выпуска инновационной, высокотехнологичной, конкурентоспособной продукции для России становится приоритетнее увеличения спроса.

Однако низкие доходы населения не позволяют формировать спрос на товары на внутреннем рынке. Поэтому российской экономике необходимо достижение сбалансированности спроса и предложения для оптимизации продаж, необходимых для развития инновационных производств перерабатывающего сектора.

ВЛИЯНИЕ НЕРАВЕНСТВА В ДОХОДАХ НА СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В достижении сбалансированности спроса и предложения немаловажное значение имеет сокращение различий в доходах посредством

проведения государством сбалансированной финансовой и налоговой политики [13].

Увеличение доходов наиболее обеспеченной части населения не приводит к росту спроса на потребительские товары, так как нужда в них удовлетворена. Это означает, что полученные доходы не идут на стимулирование развития промышленности, а накапливаются в виде потенциальных инвестиций и не направляются на развитие перерабатывающей промышленности, а инвестируются в торговый бизнес, а значит, в продажу преимущественно импортных товаров на российской территории, в добычу топливно-сырьевых ресурсов и металлических руд, вырубку и продажу древесины и т.д. Остальные средства чаще всего выводятся за рубеж, в европейские и американские банки или офшоры, идут на покупку недвижимости и т.д.

Неравенство в распределении доходов в Российской Федерации по данным 2016 г. больше, чем в Европе и Китае. В табл. 4 представлены удельные веса национального дохода, приходящиеся на 10% граждан, имеющих наиболее высокие заработки.

Сокращение разницы в доходах будет способствовать включению в хозяйственный оборот денежных средств, вывозимых за рубеж, и повышать деловую активность производителей. Без такого перераспределения доходов активизация покупок может достигаться выдачей кредитов, но в результате по истечении сроков их погашения спрос

Таблица 4 / Table 4

Доли национального дохода на 10% лиц с самыми высокими заработками /
Share of national income by 10% of the highest earners

Регион / Region	Верхняя дециль по уровню доходов, % / The top decile in terms of income, %
Европа / Europe	37
Китай / China	41
Россия / Russia	46
США и Канада / The United States and Canada	47
Африка южнее Сахары / Sub-Saharan Africa	54
Бразилия и Индия / Brazil and India	55
Ближний Восток / Middle East	61

Источник / Source: Неравенство в распределении доходов в России. FNCAN // Ваш гид в мире финансов. URL: http://fincan.ru/articles/114_neravenstvo-v-raspredelenii-dohodov-v-rossii / Inequality in income distribution in Russia. FNCAN. *Vash gid v mire finansov* = Your guide to the world of Finance. (In Russ.). URL: http://fincan.ru/articles/114_neravenstvo-v-raspredelenii-dohodov-v-rossii.

уменьшится многократно, поскольку граждане будут вынуждены тратить доходы не на покупку товаров, а на погашение долга.

Другой способ активизации денежного оборота — увеличение денежной эмиссии. Однако успеха такой подход не принесет ввиду того, что напечатанные деньги поступят к гражданам в основном через операции купли-продажи, а от них преимущественно к лицам, имеющим наибольшие доходы, и тоже будут преимущественно выводиться за рубеж. Но из-за необеспеченности выпущенных банкнот активами инфляция усилится в наибольшей мере, потребность в дополнительной эмиссии возрастет еще больше. В результате в финансовой системе России образуется замкнутый круг, когда денег не хватает для обеспечения доходов населения, а дополнительная эмиссия усиливает худшие тенденции, которые требуют еще большей дополнительной эмиссии.

Для сокращения разницы в доходах в России объявлено о повышении ставки НДФЛ до 15% с доходов граждан, превышающих 5 млн руб. в год, и инициировано обложение 15%-ным налогом доходов в виде дивидендов, выводимых на зарубежные счета.

Увеличат ли эти меры приток инвестиций в экономику? Для этого необходимы повышение

эффективности вложений и рост конкурентных преимуществ отечественных производителей. Самый существенный ресурс России для повышения конкурентных преимуществ — топливно-сырьевые ресурсы, которые при нерациональной налоговой политике делают страну зависимой от топливно-сырьевого экспорта. Чтобы отечественные природные ресурсы стали конкурентными на внешних рынках, необходимо эффективное регулирование экспортных пошлин на вывоз ресурсов за рубеж [8, с. 154–162].

ВАЛЮТНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Для обеспечения устойчивого экономического роста требуются не только сокращение разницы в доходах населения, снижение зависимости российской экономики от топливно-сырьевого экспорта, но и уменьшение финансовой зависимости от международных валют ввиду того, что доллар США, являющийся международной валютой, не обеспечен американскими активами. Государственный долг Северной Америки в сентябре 2020 г. составил около 27 трлн долл. США. При этом ВВП США по итогам 2019 г. равнялся 21 трлн 344,6 млрд долл., и по данным Министерства торговли во II квартале 2020 г. ВВП США сократился на 32,9%. Иными словами, долг США превышает ВВП более чем в 1,3 раза. Поэтому

устойчивость доллара вопреки фундаментальным законам экономики обеспечивается не товарами, производимыми в США, а инерционным доверием покупателей из других стран к доллару, повышая благосостояние Америки за счет других государств. Долг США продолжает расти на 2 млн долл. каждую минуту¹. Поэтому объективные предпосылки для обеспеченности доллара внутренними активами США отсутствуют.

В периоды кризисов ФРС США увеличивает эмиссию долларов, на которые покупают облигации. Например, по программе количественного смягчения *Quantitative easing* (далее — QE 3) в США планировалось ежемесячно выкупать казначейские облигации на сумму 45 млрд долл. США, ипотечные облигации — в объеме 40 млрд долл. США. Таким образом, как эмитируемые доллары, так и продаваемые за них ценные бумаги оказываются лишенными реальной стоимости, хотя и продаются по всему миру в обмен на реальные товары.

Именно это обстоятельство позволяет США не сокращать разницу в доходах населения ввиду того, что недостаток инвестирования компенсируется дополнительной эмиссией долларов, которые, в отличие от российского рубля, принимаются в оплату товаров по всему миру.

Продавая товары за доллары, государства укрепляют финансовую мощь США, финансируя потребление американцев, армию, ее участие в международных конфликтах и войнах на территориях других стран. Таким образом, усиливается финансовое и политическое влияние США и ограничивается суверенитет стран, использующих американскую валюту в расчетах и золотовалютных резервах. Необеспеченный доллар и наращивание долга США образуют «мыльный пузырь», который не может раздуться до бесконечности. При достижении критического предела начнется глубокий кризис, который опасен не только для США, но и для всего мира. И чем выше доля участия государства в финансировании США долговыми ценными бумагами, тем более разрушительное воздействие на него будет иметь финансовый кризис в США. При этом наименьший ущерб будет понесен государствами, у которых степень взаимодействия с США стремится к нулю.

¹ Госдолг США в реальном времени // FNCAN. Ваш гид в мире финансов. URL: http://fincan.ru/articles/13_gosdolg-ssha-v-realnom-vremeni.

На пути к финансовой независимости от США Россия ежегодно сокращает вклады в ценные бумаги США. ЦБ РФ не только избавляется от американских ценных бумаг, но и диверсифицирует золотовалютные резервы, увеличивая долю золота, китайского юаня, евро в своих резервах. Москва и Пекин придерживаются политики дедолларизации торговли и взяли курс на отказ от американской валюты. В результате в 2020 г. впервые в истории в долларовом исчислении оплачивается меньше половины всех расчетов между Россией и КНР, а доля национальных валют в операциях стала максимальной.

По итогам I квартала 2020 г. на доллар пришлось 46% операций, на евро — 30%, а на национальные валюты — рубль и юань — 24%².

За 2018 г. Россия увеличила золотой запас на 42%, стоимость которого выше 111 млрд долл. США. Золото занимает 20% в объеме золотовалютных резервов России³.

Немаловажно, что при пополнении золотовалютных резервов примерно 75% золота покупаются за рубли внутри страны. Это способствует не только повышению безопасности экономики, но и поддержке отечественного производства, укреплению надежности российского рубля и повышению доверия к нему со стороны инвесторов.

Появление на рынке цифровой валюты также влечет значимые правовые и финансовые последствия и требует специального регулирования.

ВЫВОДЫ

В проведенном исследовании рассмотрена динамика неравенства распределения доходов населения как фактор, ограничивающий возможности инновационного, устойчивого развития экономики, и сделан вывод о том, что для достижения финансовой безопасности России требуются дальнейшее освобождение от долларовой зависимости в расчетах и диверсификация золотовалютных резервов. Необходимо также более полноценное использование природных ресурсов в интересах отечественной экономики.

² Власова И. Альянс Китая и России ударил по позициям доллара // Газета РУ, 17 августа 2020 г. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/08/17/13200535.shtml>.

³ Кто вздул мировой спрос на золото. Эксперт online. Москва, 06.11.2019. URL: <https://expert.ru/2019/11/6/ocherednaya-zagadka-ryinka-zolota>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чернов В. А. Роль геополитических факторов в изменении национальной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — Т. 11. — № 3. — С. 12–28. — ISSN 2073–2872.
2. Петухова Л. Спекулянты обвалили рубль: почему российская валюта потеряла более 17% к доллару с начала года // Forbes. Финансы и инвестиции. URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/395293-spekulyanty-obvalili-rubl-pochemu-rossiyskaya-valyuta-poteryala-bolee-17>.
3. Семенова Н. Н. Государственно-частное партнерство в инновационном развитии российской экономики // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 59–69. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–59–69
4. Ткачѳв И. Бизнес зарегулировали до ностальгии // РБК. Ежедневная деловая газета. rbc.ru. 20.11.2019;(192). — С. 10–11.
5. Лопатин В. А., Криворучко С. В. Инструменты внебюджетного финансирования национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 50–58. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–50–58
6. Гончаренко Л. И., Вишневская Н. Г. Налоговое стимулирование инновационного развития промышленного производства на основе анализа передового зарубежного опыта // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 121–131. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–4–121–131
7. Тарасов А. А. Финансовые инструменты поддержки российских экспортеров // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12. — № 4. — С. 29–38. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–4–29–38
8. Чернов В. А. Выбор инструментов стратегии налогообложения для устойчивого инновационного развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — Т. 12. — № 3. — С. 154–162. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–3–154–162
9. Чернов В. А. Государственная политика и источники финансирования структурной модернизации инновационного развития российской экономики // Управление социально-экономическими системами. — 2020. — № 2 — С. 36–45.
10. Auerbach Alan J. Tax equivalences and their implications. *Tax policy and the economy*. 2019;(33):81–107. DOI: 10.1086/703229
11. Alesina Alberto and Ardagna Silvia. Large changes in fiscal policy: taxes versus spending. *Tax Policy and the Economy*. 2010;24:35–68. DOI: 10.1086/649828
12. Hanlon Michelle, Hoopes Jeffrey L., and Slemrod Joel, tax reform made me do it! *Tax Policy and the Economy*. 2019;33:33–80. DOI: 10.1086/703226
13. Baker Scott R., Kueng Lorenz, McGranahan Leslie, and Brian T. Melzer. Do household finances constrain unconventional fiscal policy? *Tax Policy and the Economy*. 2019;33:1–32. DOI: 10.1086/703225
14. Рязанов В. Т. Политэкономия Владимира Путина: взгляд из Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2018. — Т. 34. — № 4. — С. 639–649. — DOI: 10.21638/spbu05.2018.408

REFERENCES

1. Chernov V. A. the Role of geopolitical factors in changing the national economy. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*. 2015;11(3):12–28. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22798157>
2. Petukhova L. (2020). Speculators have collapsed the ruble: why the Russian currency has lost more than 17% to the dollar since the beginning of the year. *Forbes. Finance and investment* 18.03.2020 (In Russ.). URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/395293-spekulyanty-obvalili-rubl-pochemu-rossiyskaya-valyuta-poteryala-bolee-17>.
3. Semyonova N. N. Public-private partnership in the innovative development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(3):59–69. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–59–69
4. Tkachev I. Business was regulated to the point of nostalgia. *RBK. Ezhednevnaia delovaja gazeta*. rbc.ru. 20.11.2019;(192):10–11. (In Russ.).

5. Lopatin V. A., Krivoruchko S. V. Tools for extra-budgetary financing of national projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(3):50–58. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–50–58
6. Goncharenko L. I., Vishnevskaya N. G. Tax incentives for innovative development of industrial production on the basis of foreign best practices analyses. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(4):121–131. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–4–121–131
7. Tarasov A. A. Financial instruments to support russian exporters. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(4):29–38. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–4–29–38
8. Chernov V. A. Selection of tax strategy tools for sustainable innovative development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2019;12(3):154–162. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2019–12–3–154–162
9. Chernov V. A. State policy and sources of financing of structural modernization of innovative development of the Russian economy. *Management of socio-economic systems*. 2020;(2-Pp):36–45.
10. Auerbach Alan J. Tax equivalences and their implications. *Tax Policy and the Economy*. 2019;33:81–107. DOI: 10.1086/703229
11. Alesina Alberto and Ardagna Silvia. Large changes in fiscal policy: taxes versus spending. *Tax Policy and the Economy*. 2010;24:35–68. DOI: 10.1086/649828
12. Hanlon Michelle, Hoopes Jeffrey L, and Joel Slemrod, Tax reform made me do it! *Tax Policy and the Economy*. 2019;33:33–80. DOI: 10.1086/703226
13. Baker Scott R., Kueng Lorenz, McGranahan Leslie, and Brian T. Melzer. Do household finances constrain unconventional fiscal policy? *Tax Policy and the Economy*. 2019;33:1–32. DOI: 10.1086/703225
14. Ryazanov V. T. Political economy of Vladimir Putin: a view from China. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jekonomika = Bulletin of Saint Petersburg University. Economy*. 2018;34(4):639–649. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu05.2018.408

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Анатольевич Чернов — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов и кредита Института экономики и предпринимательства, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
chernovva@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Chernov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. Department of Finance and Credit of the Institute for Economics and Entrepreneurship, Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia
chernovva@rambler.ru

Статья поступила 29.12.2020; принята к публикации 10.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 29.12.2020; accepted for publication 10.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-64-71
УДК 314.06(045)
JEL J14

Социальное государство и старшее поколение России: заявленные и реализованные принципы

В.Г. Доброхлеб

Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4864-823>

АННОТАЦИЯ

Одной из основных задач социального государства является обеспечение высокого качества жизни своих граждан. *Предмет исследования* – основные положения социального государства, касающиеся старшего поколения в России. *Цель работы* – установление возможных направлений повышения эффективности функций социального государства в улучшении качества жизни пожилых людей. В ходе исследования представлена дефиниция социального государства и его режимов. Подтверждено, что результатом установления либерального режима социального государства в России стало снижение индекса развития человеческого потенциала, т.е. способности вести долгую и здоровую жизнь, получать знания, достигать достойного уровня жизни, что особенно проявилось в 1990-е гг. Доказывается, что до настоящего времени не достигнута цель пенсионной реформы, проведенной без учета продолжительности жизни населения и состояния здоровья мужчин и женщин, по изменению соотношения между ресурсами Пенсионного фонда Российской Федерации и его обязательствами перед пенсионерами. В отношении старшего поколения в России неизменно принимались решения в рамках избранного либерального режима государственного устройства, примерами которых служат положения пенсионной реформы 2018 г. Ее проведение не привело ни к увеличению занятых, ни к росту доходов пожилых людей. В статье подтверждено, что демографическое старение остается существенным социальным вызовом. В условиях интенсивного процесса демографического старения населения и необходимости технологической модернизации экономики главным вызовом для России становится отсутствие четкой идеологии, пропагандирующей идею возможности человека свободно делать жизненный выбор. Приведены направления повышения эффективности функций социального государства в улучшении качества жизни старшего поколения. *Сделан вывод* о том, что Россия имеет все необходимое для формирования нового качества социального государства. **Ключевые слова:** социальное государство; пожилое поколение; демографическое старение; Конституция Российской Федерации

Для цитирования: Доброхлеб В.Г. Социальное государство и старшее поколение России: заявленные и реализованные принципы. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):64-71. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-64-71

Social State and the Older Generation of Russia: Stated and Implemented Principles

V.G. Dobrokhleb

Institute for Socio-Economic Problems of Population, FSRSC of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Institute for Demographic Research FSRSC of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4864-823>

ABSTRACT

One of the main tasks of the welfare state is to ensure a high quality of life for its citizens. *The subject of the study* is the main provisions of the social state concerning the older generation in Russia. *The purpose of the work* is to identify possible ways to improve the effectiveness of the functions of the social state in improving the quality of life of older people. In the course of the study, the definition of the social state and its regimes is presented. It is confirmed that the result of the establishment of the liberal regime of the social state in Russia was a decrease

© Доброхлеб В.Г., 2021

in the index of human development, i.e. the ability to lead a long and healthy life, gain knowledge, and achieve a decent standard of living, which was especially evident in the 1990s. It is proved that the goal of the pension reform, which was carried out without taking into account the life expectancy of the population and the state of health of men and women, to change the ratio between the resources of the Pension Fund of the Russian Federation and their obligations to pensioners, was not achieved. In relation to the older generation in Russia, decisions have always been made within the framework of the elected liberal regime, examples of which are the provisions of the pension reform of 2018. Its implementation did not lead to an increase in employment, nor to an increase in the income of older people. The article confirms that demographic aging remains a significant social challenge. In the context of the intensive process of demographic aging of the population and the need for technological modernization of the economy, the main challenge for Russia is the lack of a clear ideology associated with the ability of a person to freely make life choices. The directions of increasing the effectiveness of the functions of the social state in improving the quality of life of the older generation are given. *It is concluded* that Russia has everything necessary for the formation of a new quality of the social state as a constitutional perspective that is being implemented.

Keywords: social state; older generation; demographic aging; Constitution of the Russian Federation.

For citation: Dobrokhleb V.G. Social State and the older generation of Russia: Stated and implemented principles. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):64-71. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-64-71

ВВЕДЕНИЕ

Согласно ст. 7 Основного закона Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека.

В теории дефиниция социальное государство может рассматриваться через призму:

- 1) заложенной в ней идеи;
- 2) соблюдения основополагающих принципов государственного строительства;
- 3) результатов выполнения фундаментальных задач, относящихся к компетенции государства.

Возможные режимы социального государства приведены в работе Г. Эспинг-Андерсена (*Gøsta Esping-Andersen*) *The three worlds of welfare capitalism* [1], где они подразделены три основных строя:

- либеральный (или англо-саксонский), при котором социальная поддержка предоставляется только наиболее бедным гражданам;
- консервативно-корпоративный (или христианско-демократический), основанный на принципе субсидиарности, согласно которому механизм управления обществом должен строиться «снизу вверх»: проблемы, которые могут эффективно решаться на местах, должны находиться в компетенции муниципальных органов как наиболее близких к населению структур при условии сохранения статусных различий социальных групп;

- социал-демократический, который сформировался в скандинавских странах, где четко обеспечивается как всеобщность социальных прав, так и неприкосновенность личностной автономии, т.е. способности человека создавать ресурсы, на которые он может опираться в жизненных или критических ситуациях, при значительной роли государства, выполняющего социальные функции и гарантирующего в том числе бесплатное образование и оказание услуг страховой медицины.

По мнению отдельных исследователей, российские реформы 1990-х гг. проводились в период, когда в развитых странах происходил процесс сворачивания функций социального государства, что и повлияло на трактовку содержания понятия социального государства в Конституции, которое во многом приобрело в России черты либеральной модели [2]. И это не способствовало в 1990-е гг. увеличению продолжительности жизни россиян вследствие ухудшения их благосостояния и здоровья. С начала 2000-х гг. приоритет в социально-экономическом развитии страны стал отдаваться решению социальных проблем, что нашло отражение в принятии национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жилье» и финансировании выполнения комплексных задач модернизации материально-технической базы социальной сферы и так называемой оптимизации социальной системы социальных учреждений. В начале 2020 г. в послании Федеральному Собранию президент

Российской Федерации В. В. Путин предложил внести в Конституцию изменения, которые могли бы в большей степени отвечать сегодняшним реалиям. Было подчеркнуто, что страна находится на таком уровне развития, когда можно установить новую социальную планку. Несмотря на то, что было немало негативных высказываний экспертов о целях конституционных поправок в ходе референдума, проведенного с 25 июня по 1 июля прошлого года, поправки в Основной закон были поддержаны большинством населения. Согласно данным ВЦИОМ¹ наиболее важными социальными изменениями в Конституции россияне считают обеспечение государством доступности и качества медицинского обслуживания (95%), поддержку детей (93%), ежегодную индексацию пенсий (92%), столько же респондентов — 92% отметили значимость ответственности государства по защите прав трудящихся и установлению МРОТ не ниже прожиточного минимума.

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЛИЖАЙШЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ; БЕДНОСТЬ И ДЕМОГРАФИЯ

За прошедшее после принятия поправок в Конституцию время социальное неравенство в России не уменьшилось, что подтверждают исследования [3–8].

Согласно социологическим опросам в условиях пандемии COVID-19 у 35% населения сократились доходы. 15% респондентов потратили большую часть своих сбережений, отложенных «на черный день»². Экстренные меры, предпринятые новым составом Правительства РФ по оказанию помощи гражданам и наиболее пострадавшим отраслям экономики, в определенной мере смягчили ситуацию, но не остановили процесс обеднения россиян.

Заслуживают внимания результаты международных исследований, в частности доклад *Credit Suisse Wealth Report*, где исследуется богатство, которым владеет взрослое население более чем

¹ Конституционные поправки: рейтинг предпочтений россиян. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/konstitucionnye-popravki-rejting-predpochtenij-rossiyan>.

² Социологи вышли с удаленки, чтобы узнать мнение россиян о последствиях коронавируса. URL: https://tg.ru/2020/11/05/sociologi-uznali-mnenie-rossiian-o-posledstviiah-koronavirusa.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr.

200 стран мира. Согласно дефиниции, сформулированной авторами данного доклада, богатством считается стоимость финансовых активов и жилья домохозяйств, которая должна быть меньше их задолженности. В мировом масштабе богатство домохозяйств уменьшилось в период пандемии коронавируса больше чем на 7 трлн долл. США. В 2020 г. состояния российских богатейших граждан, а их около 1% от числа всех жителей Российской Федерации, за семь месяцев возросли почти на 8,5 млрд долл. США, и их доля составила 57% всех доходов в стране³.

Около 20 млн человек в России, или 13,5% населения, находятся за чертой бедности. По мнению первого вице-премьера Правительства РФ А. Белоусова, ключевыми проблемами ближайшего десятилетия для России являются «бедность и демография»⁴.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ

Демографическая динамика, подразумевающая изменение демографических показателей за какое-то время, является существенным фактором, определяющим возможности социально-экономического развития страны. Общая численность населения, его половозрастная структура, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, естественный прирост или убыль населения, его миграция остаются важнейшими демографическими показателями. При рассмотрении демографических трендов уделим особое внимание возрастной структуре населения нашей страны. До последней пенсионной реформы 2018 г. к трудоспособным относились мужчины от 16 до 60 лет и женщины от 16 до 55 лет.

В ходе пенсионной реформы 2018 г. предполагалось увеличить возраст выхода на пенсию для женщин на восемь лет, а для мужчин — на пять лет. Однако под давлением общественно-

³ Богатые и бедные России, по мнению Швейцарского банка. Как изменилось благосостояние в 2020? URL: <https://zen.yandex.ru/media/id/5e958a8409479b4b6c0c9946/bogatye-i-bednye-rossii-po-mneniiu-shveicarskogo-banka-kak-izmenilos-blagosostoianie-v-2020-5f9272441cb04c636b832af0>.

⁴ Белоусов назвал ключевые проблемы ближайшего десятилетия для России. URL: https://iz.ru/1084990/2020-11-10/belousov-nazval-kliuchevye-problemy-blizhaishego-desiatiletiia-dlia-rossii?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com.

Таблица / Table

**Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении по странам мира (лет) /
Life expectancy at birth by country of the world (years)**

Страна / A country	ОПЖ при рождении для обоих полов / Total life expectancy at birth for both sexes	ОПЖ мужчин / Total life expectancy of men	ОПЖ женщин / Total life expectancy of women
Россия / Russia	72,9 (2018 г.)	67,8	77,8
Бразилия / Brazil	75,1 (2016 г.)	71,4	78,9
Китай / China	76,4 (2016 г.)	75,0	77,9
Германия / Germany	81,1 (2017 г.)	78,7	83,4
США / USA	78,5 (2016 г.)	76,0	81,0
Япония / Japan	84,2 (2016 г.)	81,1	87,1

Источник / Source: Российский статистический ежегодник 2019 / Russian statistical yearbook 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_13/Main.htm.

сти гендерный разрыв в пенсионном возрасте сохранился. Теперь, женщины будут выходить на пенсию в 60 лет, а мужчины — в 65 лет. Иными словами, продолжительность трудоспособного возраста для мужчин составляет 49 лет (от 16 до 65 лет), а для женщин — 44 года (от 16 до 60 лет). С 1 января 2019 г. введена новая возрастная категория — предпенсионеры. В 2028 г. в эту возрастную категорию будут входить женщины с 55 лет, мужчины — с 60 лет⁵.

В законодательном порядке была изменена граница возрастных групп в Российской Федерации: до 1 января 2019 г. включительно мужчины в возрасте 60 и более лет, женщины в возрасте 55 и более лет относились к возрастной группе — старше трудоспособного возраста. С 1 января 2020 г. к этой группе добавлены мужчины в возрасте 61 и более лет, женщины в возрасте 56 и более лет. В 2020 г. численность населения старше трудоспособного возраста составляла 36 629 тыс. чел. По сравнению с 2019 г. эта возрастная группа сократилась на 1360 тыс. чел.⁶

Изначально необходимость проведения пенсионной реформы 2018 г. аргументировалась тем,

что продолжительность жизни пожилых граждан возросла, а их здоровье улучшилось настолько, что они могли трудиться дольше и выходить на пенсию позже.

Возникает вопрос: действительно ли законодательное изменение численности трудоспособного населения улучшило не в теории, а на практике качество трудовых ресурсов страны? Согласно данным обследования Росстата, проведенного в августе 2020 г., численность рабочей силы составила 75,3 млн чел., или 51% от общей численности населения страны: 70,5 млн чел. были заняты в экономике и 4,8 млн чел. были безработными⁷. Занятость населения составила 97,3% к соответствующему периоду прошлого года, а безработица — 147,6% соответственно. В определенной степени на занятость населения повлияла пандемия COVID-19. Наиболее высокий уровень безработицы наблюдался среди предпенсионеров. Таким образом, цель пенсионной реформы по изменению соотношению между ресурсами Пенсионного фонда Российской Федерации и их обязательствами перед пенсионерами не была достигнута. Ее проведение не привело к увеличению занятых и ожидаемой продолжительности жизни (далее — ОПЖ).

⁵ Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>.

⁶ Распределение населения по возрастным группам. (на 1 января; тысяч человек). URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=.

⁷ Итоги выборочного обследования рабочей силы. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265>.

Исследования показывают, что отдельные группы населения начинают болеть в более раннем возрасте, чем другие. На глобальном уровне средний возраст старения составляет 65 лет. Для жителей Японии и Швейцарии средний возраст старения наступает в 76,1 лет. В первую пятерку медленно стареющих стран входит население Франции (76 лет), Сингапура (76 лет) и Кувейта (75,3). У россиян набор болезней, характерный для старости, наблюдается с возраста 59 лет. По этому показателю Российская Федерация заняла 160 позицию в составленном учеными рейтинге [9].

В общей численности работающие пенсионеры составляют 9667 тыс. чел., в том числе по старости — 8574 тыс. чел.⁸. При этом численность работающих пенсионеров по старости в 2016 г. была значительно выше и составляла 13 872 тыс. чел.

Отметим, что следствием реформирования пенсионного законодательства также можно считать утраченный пожилыми людьми доход из-за недополученной пенсии в связи с изменением пенсионного возраста. В условиях пандемии коронавируса при падении доходов граждан, в том числе пожилых, не был решен вопрос об индексации пенсий работающим пенсионерам. Руководство Минфина России, выступившее против индексации пенсий работающим пенсионерам, обосновало это тем, что заработная плата в последние годы росла и индексировать пенсию работающим пенсионерам «несправедливо». Вызывает вопросы предложение законодателя о новом подходе к начислению пенсий по рангам.

Согласно последним опросам общественного мнения респонденты определили, что старость в нашей стране наступает в 62 года. При нынешнем образе жизни женщины предполагают, что будут жить до 81 года, мужчины — до 74 лет. При этом опрошенные считают, что в идеальных условиях могли бы дожить до 85 лет. Основными проблемами пожилых россиян по данным опроса являются бедность и низкие пенсии (71%), ухудшение здоровья и болезни (44%), ощущение ненужности и невостребованности (19%), одиночество (17%). При этом больше половины

⁸ Численность пенсионеров в России по годам (таблица). URL: <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1018-chislennost-pensionerov-v-rossii#hcq=GcT7res> <https://infotables.ru/statistika/31-rossijskaya-federatsiya/1018-chislennost-pensionerov-v-rossii#hcq=80nMPcs>.

респондентов (54%) отметили, что окружающие уважают пожилых, при этом 43% не разделяют это мнение⁹.

Исследование человеческих ресурсов возможно на макро-, мезо- и микроуровнях [10, с. 57]. Член-корреспондент РАН Н. М. Римашевская подчеркнула, что будущее России в XXI в. можно прогнозировать при условии правильной оценки численности населения, динамики его воспроизводства и, безусловно, с учетом качества человеческих ресурсов (пола, возраста, здоровья, образования, профессиональной подготовки и т.д.). Социальные реформы могут оцениваться по их эффективности.

ВОЗМОЖНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В УЛУЧШЕНИИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В современных условиях обострения международной конкуренции, роста напряженности на международной арене, ситуации пандемии *COVID-19* повышается актуальность оценки собственных возможностей и трудностей как на макро-, так и на микроуровнях.

В международных документах, в том числе в «Глобальной стратегии и плане действий ВОЗ по проблемам старения и здоровья на 2016–2020 гг.»¹⁰, приводятся направления и меры, которые необходимо принимать для обеспечения широким слоям населения счастливой и долгой жизни. Это особенно актуально в условиях демографического старения населения с учетом того, что фундаментальной особенностью переживаемого в настоящее время периода является структурная перестройка мировой экономики.

При этом исследователи отмечают, что глобализация и четвертая промышленная революция становятся причинами изменения функций и структуры государства всеобщего благосостояния [11, 12]. С одной стороны, увеличивается экономическая уязвимость населения и возни-

⁹ Россияне назвали возраст, когда наступает старость. URL: https://www.m24.ru/news/obshchestvo/04122020/144235?utm_source=smi2&utm_campaign=video&utm_medium=exchange.

¹⁰ Global strategy and action plan on ageing and health (2016–2020). URL: <https://whodc.mednet.ru/ru/osnovnye-publikaczii/zdorove-licz-starshego-vozrasta/2741.html>.

кают новые формы неравенства. При этом, по мнению ряда ученых, ценность гражданина все чаще определяется в обществе его значимостью как работника и налогоплательщика. С другой стороны, в результате комплекса возникающих проблем сокращаются социальные выплаты. В настоящее время установлен консенсус в отношении необходимости изменения политического дизайна института социального государства, находящегося в экзистенциальном кризисе. Проблему изменения конфигурации социальной политики следует рассматривать в ракурсе понимания гражданами ценности жизни для перехода к новому, по-видимому, общественному договору [13].

Российские исследователи отмечают, что «народ может поверить только конкретным делам, наглядно демонстрирующим намерение власти восстановить социальную справедливость». Например, С. Глазьев говорит о необходимости поворота к новому мирохозяйственному укладу, подчеркивая, что без идеологического обоснования это будет непросто¹¹.

Заслуживает внимания идея Хосе Ортеги-и-Гассета (José Ortega y Gasset, 1883–1955 гг.) о том, что «человек — не вещь, а некое усилие быть или тем, или другим. И каждая эпоха, и каждый народ, и даже каждый индивид по-разному формируют такое общечеловеческое стремление» [14]. В условиях интенсивного процесса демографического старения населения и необходимости технологической модернизации экономики главным

¹¹ Сергей Глазьев. Урок Белоруссии. URL: <https://izborsk-club.ru/19799/>.

вызовом для России становится отсутствие четкой идеологии свободного жизненного выбора¹².

Безусловно, следует согласиться с утверждением, что идеи правят миром. При этом в современных условиях идеи должны быть конструктивными и эффективными¹³. Представляется, что с принятием поправок к Конституции началось движение в сторону повышения эффективности социального государства в России.

ВЫВОДЫ

В стремлении к созданию социального правового государства важно реализовывать на практике международные стандарты прав и свобод человека: равенство перед законом, равноправие мужчин и женщин, доступность выбора профессии и образования и возможность получать медицинские услуги, достойное пенсионное обеспечение и др. Россия имеет все необходимые возможности для формирования нового качества социального государства как осуществляющейся конституционной перспективы, которое может и должно стать основой «компромиссной, сбалансированной и потому успешной эволюции российского общества» на среднесрочную перспективу [15].

¹² Резюме. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/?page=3>.

¹³ Римашевская Н. М. Базисные принципы социальной доктрины России. URL: http://socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/documnt310.shtml.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20–010–00036 «Методология оценки рисков и возможностей адаптации к процессу демографического старения в субъектах Российской Федерации».

ACKNOWLEDGEMENT

The article was prepared with the support of the RFBR, project No. 20–010–00036 “Methodology for Assessing Risks and Opportunities for Adaptation to the Process of Demographic Aging in the Subjects of the Russian Federation”.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gøsta Esping-Andersen. The three worlds of welfare capitalism, Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990. Pp. vii + 248. ISBN 0–691–02857–5.
2. Данилова Е. Н. (2018) Трансформации социальной политики и дискурса социальной справедливости в России // Мир России. — Т. 27. — № 2. — С. 36–61. — ISSN 1811–038X. — DOI: 10.17323/1811–038X-2018–27–2–36–61

3. Ашмаров И. А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19. — № 4. — С. 556–570. ISSN 2308–2488.
4. Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Где пролегает «черта бедности» в России? // Вопросы экономики. — 2018. — Т. 1. — С. 104–127. — ISSN 0042–8736.
5. Селиверстов А. С. и др. Проблема бедности в современной России и возможные пути ее решения // Молодой ученый. — 2017. — № 7. — С. 276–278. — ISSN 2072–0297.
6. Леконцев И. П. Бедность в России: официальная статистика и результаты социологических опросов ВЦИОМ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2016. — № 2. — С. 111–119. — ISSN 2219–5467. — DOI: 10.14515/monitoring.2016.2.07
7. Черныш М. Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. — 2015. — № 4. — С. 7–28. — ISSN 1811–038X.
8. Ильин В. А. «Капитализм для своих» — источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — № 6. — С. 12–25. — ISSN 1998–0698. — DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.1
9. Chang A. Y., Skirbekk V. F., Tyrovolas S., Kassebaum N. J. and Dieleman J. L. (2019). Measuring population ageing: an analysis of the global burden of disease study 2017. *The Lancet Public Health*, 4, e159–e167. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667\(19\)30019-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS2468-2667(19)30019-2/fulltext). DOI: 10.1016/S2468-2667(19)30019-2.
10. Римашевская Н. М. Человек и реформы: секреты выживания. — Москва; РИЦ ИСЭПН РАН, 2003. — С. 57. — ISBN 5–89–997012–X.
11. Atkinson A. (2002). Globalisation and the European welfare state at the opening and the closing of the twentieth century. In H. Kierzkowski (ed.), *Europe and Globalisation*. New York: Palgrave-MacMillan.
12. Becker S. (2019). Digital structural change and the welfare state in the 21st century. Frankfurt am Main: Deutsche Bank Research. Berger, S. Globalisation and politics. *Annual Review of Political Science*. 2019;3:43–62. DOI: 10.1146/annurev.polisci.3.1.43
13. Deconstruction of the welfare state: the impact of globalization and technological factors Nataliya Khoma Review paper Institute of Philosophy. — DOI: 10.3935/rsp.v27i3.1696.
14. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5483>.
15. Лапин Н. И. Формирование социального государства — способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. — 2018. — № 8. — С. 3–11. — ISSN 0132–1625. — DOI: 10.31857/S013216250000758–6

REFERENCES

1. Gøsta Esping-Andersen. *The three worlds of welfare capitalism*, Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1990. Pp. vii + 248. ISBN 0–691–02857–5.
2. Danilova E. N. Transformations of Social Policy and Social Justice Discourse in Russia. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2018;27(2):36–61. (In Russ.).
3. Ashmarov I. A. «Working poor» in modern Russia. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Economic history & History of economics*. 2018;19(4):556–570. (In Russ.).
4. Slobodenyuk E. D., Anikin V. A. Where is the «poverty line» in Russia? *Voprosy ekonomiki*. 2018;1:104–127. (In Russ.).
5. Seliverstov A. S. et al. The problem of poverty in modern Russia and possible ways to solve it. *Molodoi uchenyi*. 2017;(7):276–278. (In Russ.).
6. Lekontsev I. P. Poverty in Russia: official statistics and results of sociological surveys RCPOR. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)*. 2016;(2):111–119. (In Russ.).
7. Chernysh M. F. Social institutions, mobility and social justice: the experience of one study. *Mir Rossii = Universe of Russia*. 2015;(4):7–28. (In Russ.).
8. Il'in V. A. «Capitalism for its own people» — a source of social inequality in modern Russia. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2017;(6):12–25. (In Russ.).

9. Chang, A.Y., Skirbekk, V.F., Tyrovolas, S., Kassebaum, N.J. and Dieleman, J.L. (2019) Measuring population ageing: an analysis of the global burden of disease study 2017. *The Lancet Public Health*, 4, e159–e167 [https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS 2468–2667\(19\)30019–2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanpub/article/PIIS 2468–2667(19)30019–2/fulltext). — DOI: 10.1016/S 2468–2667(19)30019–2
10. Rimashevskaya N. M. Man and reform: secrets of survival Moscow: RITs ISEPN RAN, 2003. P. 392. (In Russ.).
11. Atkinson A. (2002). Globalisation and the European welfare state at the opening and the closing of the twentieth century. In H. Kierzkowski (ed.). *Europe and Globalisation*. New York: Palgrave-MacMillan.
12. Becker S. (2019). Digital structural change and the welfare state in the 21st century. Frankfurt am Main: Deutsche Bank Research. Berger S. Globalisation and politics. *Annual Review of Political Science*. 2019;3:43–62. — DOI: 10.1146/annurev.polisci.3.1.43
13. Deconstruction of the welfare state: the impact of globalization and technological factors Nataliya Khoma *Review paper Institute of Philosophy*. DOI: 10.3935/rsp.v27i3.1696
14. Ortega-i-Gasset Kh. Reflections on technology. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5483>. (In Russ.).
15. Lapin N.I. The formation of a social state is a way of successful evolution of society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2018;(8):3–11. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валентина Григорьевна Доброхлеб — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник институтов социально-экономических проблем народонаселения и демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра, Российская академия наук, Москва, Россия
vdobrokhleb@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Valentina G. Dobrokhleb — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher, Institute for Socio-Economic Problems of Population and Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
vdobrokhleb@mail.ru

Статья поступила 20.01.2020; принята к публикации 23.03.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 20.01.2021; accepted for publication 23.01.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-72-83
УДК 33.1(045)
JEL O32

Концепция человеческого интеллектуального капитала в условиях цифровизации экономики

О.В. Лосева^а, Н.М. Абдикеев^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-5241-0728>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-5999-0542>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – человеческий интеллектуальный капитал, полноценно раскрывающийся в инновационной среде и представляющий собой совокупность интеллектуального потенциала и результатов интеллектуально-инновационной деятельности. *Цели работы* – разработка концепции человеческого интеллектуального капитала и ее реализация в условиях цифровой трансформации организации. В статье рассмотрены компоненты человеческого капитала и взаимосвязь человеческого и интеллектуального капиталов в современном обществе. Дается характеристика человеческого и интеллектуального капиталов. Приведена модель взаимосвязанного функционирования человеческого и интеллектуального капиталов в инновационной среде. Определяется интеллектуальный потенциал человека как совокупность способностей индивида на основе полученной и обработанной информации, позволяющей создавать новые знания и извлекать из них выгоду и пользу, в том числе для целей саморазвития. Вводится понятие «человеческий интеллектуальный капитал», которое анализируется в статье на индивидуальном и организационном уровнях. На индивидуальном уровне человеческий интеллектуальный капитал включает интеллектуальный потенциал, формирующийся на основе многокомпонентной модели интеллекта, ментального инструментария и неявных неотчуждаемых знаний. Организация представляет собой интеллектуальный социально-экономический субъект, которому присущи, так же как и работнику, те же компоненты интеллекта, но в специфическом выражении. Рассмотрены развитие человеческого интеллектуального капитала и управление им в условиях цифровой трансформации организации и применения технологий интеллектуально-инновационной деятельности организации в условиях цифровизации. В статье *сделаны выводы* о том, что важными проблемами становятся формирование и развитие человеческого интеллектуального капитала цифровой организации.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; человеческий капитал; интеллектуально-инновационная деятельность; когнитивная модель

Для цитирования: Лосева О.В., Абдикеев Н.М. Концепция человеческого интеллектуального капитала в условиях цифровизации экономики. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):72-83. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-72-83

The Concept of Human Intellectual Capital in the Context of Digitalization of the Economy

O.V. Loseva^а, N.M. Abdikeev^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0002-5241-0728>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-5999-0542>

ABSTRACT

The subject of the study is human intellectual capital, which is fully revealed in the innovation environment and represents the totality of intellectual potential and the results of intellectual and innovative activities. *The purpose of the work* is to develop the concept of human intellectual capital and its implementation in the context of the digital transformation of the organization. The article examines the components of human capital and the relationship between human and intellectual capital in modern society. The characteristic of human and intellectual capital is given. A model of the interrelated functioning of human and intellectual capital in an innovative environment is presented. The intellectual

potential of a person is defined as a set of individual abilities based on the received and processed information, which allows creating new knowledge and extracting benefits from it, including for the purposes of self-development. The concept of "human intellectual capital" is introduced, which is analyzed in the article at the individual and organizational levels. At the individual level, human intellectual capital includes intellectual potential, which is formed on the basis of a multi-component model of intelligence, mental tools and implicit inalienable knowledge. An organization is an intellectual socio-economic entity that has the same components of intelligence as an employee, but in a specific expression. The article considers the development of human intellectual capital and its management in the context of digital transformation of the organization and the application of technologies of intellectual and innovative activity of the organization in the context of digitalization. *The article concludes* that the formation and development of the human intellectual capital of a digital organization are becoming important problems.

Keywords: intellectual capital; human capital; intellectual and innovative activity; cognitive model.

For citation: Loseva O.V., Abdikeev N.M. The concept of human intellectual capital in the context of digitalization of the economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):72-83. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-72-83

ВВЕДЕНИЕ

Основой любого государства является общество, члены которого выступают основными субъектами политических, экономических и социальных отношений. Поэтому государство, тем более социальное, заинтересовано в повышении благосостояния своих граждан, раскрытии их творческого и интеллектуального потенциалов, вовлечении в созидательные социально-экономические процессы. В современной стремительно меняющейся экономической, производственной, технологической и социальной среде серьезными вызовами для социума выступают интеграция и продуктивная реализация человеческого интеллектуального потенциала в новых условиях.

Одним из основных направлений развития организационных отношений, соответствующим выявленным потребностям цифрового общества и технологического развития экономики, является обновление концепции интеллектуального капитала с позиции человеко-ориентированного подхода в целях гармонизации интересов работников и организации в сфере интеллектуальной собственности.

Развитие общественных отношений способствовало тому, что категория «капитал» перестала ограничиваться только финансово-экономическим содержанием вследствие появления новых форм капитала, таких как социальный, инновационный, информационный, культурный, цифровой капиталы.

В научной среде сформировалось понимание того, что капитал может принимать как овеществленную, так и нематериальную форму, а значит,

он может быть присущим отдельному работнику, группе трудящихся и взаимоотношениям между ними в разных формах — формализованной информации, знаниях, интеллектуальных продуктах и услугах, компетенциях инновационной деятельности, приобретших особую значимость в постиндустриальной экономике.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Основоположники теории человеческого капитала Т. Шульц [1], Г. Беккер [2], Дж. Минцер [3] раскрыли в своих трудах сущность новой категории капитала следующим образом: под человеческим капиталом понимается такая форма капитала, которая представляет собой приобретенные человеком ценные качества, являющиеся источниками его будущих заработков или удовлетворений, которые можно развивать, осуществляя дополнительные вложения. Человеческий капитал имеет необходимые признаки производительного характера, так как он способен накапливаться и воспроизводиться и поэтому нуждается в инвестициях, эффективность которых можно оценивать. На макроуровне Т. Шульц обосновал высокую значимость человеческого капитала в условиях постиндустриальной экономики. На микроуровне человеческий капитал организации впервые стал рассматриваться Г. Беккером, который подразумевал под ним совокупность навыков, знаний и умений работника, требующих расходов на образование, обучение и жизнеобеспечение. Таким образом,

человеческий капитал в трактовке Т. Шульца и Г. Беккера служит главным фактором общественного развития, оставаясь при этом преимущественно затратным.

В работах Л. Туроу [4], Ф. Махлупа [5], С. Фишера [6] человеческий капитал представлен как мера способности работника приносить доход организации. При этом в структуру человеческого капитала могут входить способности, уровень образования, квалификация, воспитанность, гражданственность, правовая культура работников.

По мере развития экономической мысли содержание и структура человеческого капитала пополнялись новыми компонентами, включая интеллект, знания, здоровье, способность к труду, уровень мотивации, профессиональную мобильность, качество жизни, нравственные ценности и т.д.

В результате обобщения попыток отечественных и зарубежных ученых построения всеобъемлющей структуры человеческого капитала, отвечающей современным реалиям, в *таблице* предлагается подход к формированию компонентов человеческого капитала, предполагающий объединение составляющих человеческого капитала в процессы его воспроизводства, формирования и развития.

Интеллектуальный капитал опирается в своей основе на психофизиологические возможности мышления человека, а также на уровень его образования, навыки труда и мотивы, т.е. профессионально-личностный капитал. Сформированной личности человека важны все его взаимосвязанные качества, которые одинаково значимы для успешной жизнедеятельности.

С позиций экономической ценности для работодателя приоритетность того или иного качества и его влияния на карьерный рост работника меняется в зависимости от этапа общественного развития параллельно с изменениями самого характера труда.

При переходе к постиндустриальному обществу в трудовых отношениях возрастает роль социальных и культурно-нравственных факторов. В результате на первый план выходит профессионально-личностный капитал работника. В постиндустриальном обществе интеллектуальная составляющая человеческого капитала приобретает высокую значимость. Наукоемкие и информационные технологии, ориентированные на

производство интеллектуальных товаров и услуг, развиваются ускоренными темпами. Информация и знания становятся в организации определяющими ресурсами, так же как выдвигаются на первый план работники, занятые преимущественно творческим трудом.

Теория интеллектуального капитала разрабатывалась в трудах К. Свейби [7], Л. Эдвинссона [8], П. Друкера [9]. Ее главный постулат состоит в том, что интеллектуальный капитал в постиндустриальной экономике (экономике знаний и инноваций) опирается на высокую добавленную стоимость человеческого интеллекта и на него приходится основная доля в прибыли от производства и реализации интеллектуальных продуктов и услуг. Отсюда следует вывод о том, что для обеспечения конкурентоспособного развития страны в условиях непрерывных инновационных изменений необходимы значительные инвестиции в человеческий капитал, прежде всего в его образование и развитие.

В научной литературе отсутствует единая трактовка понятия интеллектуального капитала. Можно выделить два основных существующих подхода к раскрытию его сущности:

- *юридический*, делающий упор на решение правовых вопросов закрепления объектов интеллектуальной собственности;
- *экономический*, связанный с характеристиками и оценками элементов и свойств интеллектуального капитала, которые определяют конкурентоспособность и эффективное развитие социально-экономического субъекта.

С точки зрения второго подхода понятие интеллектуального капитала шире, поскольку может рассматриваться на индивидуальном и микроуровнях и включать, с одной стороны, интеллектуальный потенциал социально-экономического субъекта (природный неотчуждаемый капитал), а с другой стороны — интеллектуальные активы, обладающие экономической ценностью и приносящие доход (искусственный отчуждаемый капитал). Фактически интеллектуальный капитал представляет собой экономически реализованный потенциал интеллектуально-инновационных возможностей субъекта.

Изначально интеллектуальный капитал рассматривался на уровне организации. Наиболее устойчивыми его элементами являются человеческий, организационный и рыночный капиталы.

Таблица / Table

**Объединенный подход к формированию компонентов человеческого капитала /
Unified approach to the formation of human capital components**

Воспроизводство, формирование и развитие человеческого капитала / <i>Reproduction, formation and development of human capital</i>	Компоненты человеческого капитала / <i>The components of the human capital</i>
1. Воспроизводство и формирование человека как биологического индивида / <i>Reproduction and formation of man as a biological individual</i>	<i>Физиологический капитал</i> (капитал здоровья) / <i>Physiological capital (health capital)</i>
2. Воспроизводство, формирование и развитие человека как социально адаптированной личности / <i>Reproduction, formation and development of a person as a socially adapted person</i>	<i>Профессионально-личностный капитал</i> , объединяющий трудовой и культурно-нравственный капитал / <i>Professional and personal capital, combining labor and cultural and moral capital</i>
3. Формирование, совершенствование, развитие и саморазвитие человека как интеллектуально-продуктивной личности / <i>Formation, improvement, development and self-development of a person as an intellectually productive person</i>	<i>Интеллектуальный капитал</i> (в том числе инновационный потенциал, включающий способности индивида генерировать знания, воспринимать новое и легко адаптироваться к изменениям) / <i>Intellectual capital (including innovation potential, which includes the ability of an individual to generate knowledge, perceive new things and easily adapt to changes)</i>

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

В данном случае человеческий капитал понимается как неотделимая от работников совокупность знаний и компетенций. Организационный капитал представляет собой формализованную информацию и результаты интеллектуальной деятельности, которые образуют интеллектуальный (различные инновации и объекты интеллектуальной собственности) и операционный капиталы (базы знаний по операционным процессам организации).

По нашему мнению, трактовка человеческого капитала в структуре интеллектуального капитала организации должна быть расширена. Новая компонента может получить название «человеческий интеллектуальный капитал». Иными словами, носителем интеллекта и производителем интеллектуальных продуктов является человек, а не компьютер. Человеческий интеллектуальный капитал объединяет в себе элементы как человеческого, так и интеллектуального капиталов (рис. 1).

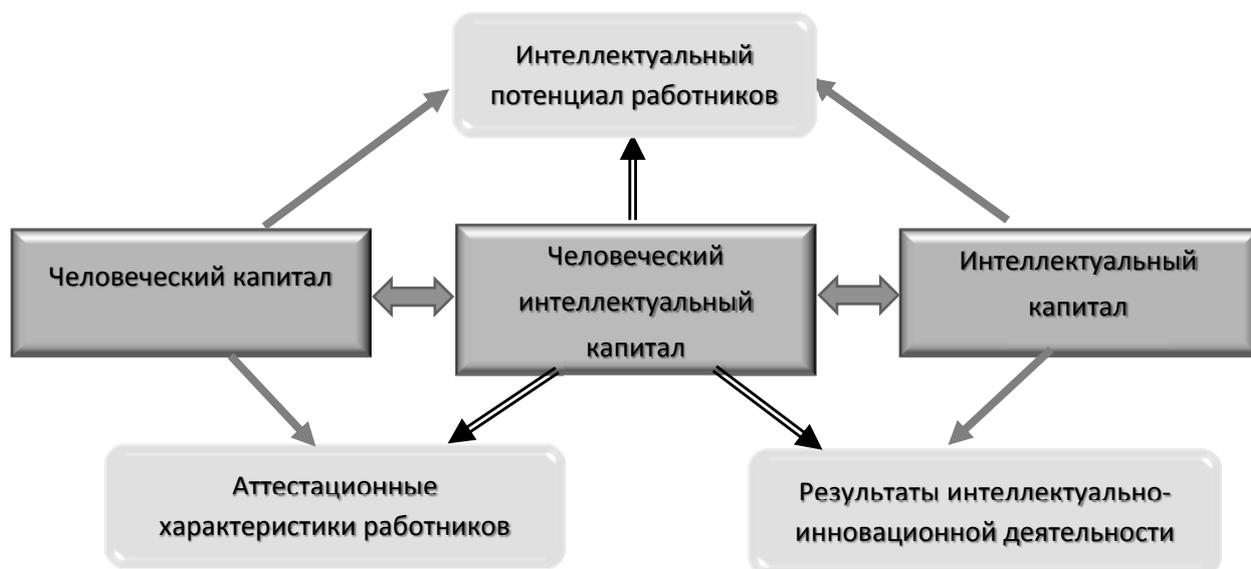
Из рис. 1 следует, что из состава человеческого интеллектуального капитала исключен капитал здоровья, а также личностный капитал работников, представляющий собой совокупность индивидуальных нравственных ценностей, мировоззрений и общекультурных навыков.

Вместе с тем человеческий интеллектуальный капитал включает интеллектуальный потенциал работника: его знания, умения, навыки, ментальные способности (неотчуждаемый капитал как интеллектуальная компонента человеческого капитала), приобретенные аттестационные характеристики (уровень образования, профессиональные компетенции как часть профессионально-личностной компоненты человеческого капитала), а также результаты интеллектуальной деятельности, формализованные знания, наработанные отношения с клиентами и партнерами (отчуждаемый капитал, входящий в организационный и рыночный интеллектуальный капитал).

Таким образом, человеческий интеллектуальный капитал интегрирует в себе интеллектуально-аттестационные характеристики человеческого капитала, а также формализованные и отчуждаемые результаты своей интеллектуальной деятельности, которые в итоге включаются в организационный и рыночный интеллектуальный капитал.

Рассмотренная трактовка человеческого интеллектуального капитала будет способствовать тому, чтобы повысить заинтересованность:

а) организации — в стимулировании инновационной активности и оценке вклада работника,

Рис. 1 / Fig 1. Компоненты человеческого интеллектуального капитала в структуре интеллектуального капитала / Components of human intellectual capital in the structure of intellectual capital

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

подразделений в совокупный интеллектуальный капитал;

б) работников — в максимально полной реализации своего интеллектуального потенциала и увеличении результативности инновационной деятельности, что в конечном счете приведет к росту отдачи от вложений в человеческий капитал.

Целесообразность введения понятия «человеческий интеллектуальный капитал» на современном этапе общественного развития обусловлена тем, что в информационных и цифровых технологиях XXI в. ведущей деятельностью становится работа по производству и коммерциализации инноваций, которая способна обеспечивать российской экономике возможность технологического прорыва и предполагает массовое применение человеческих ресурсов, обладающих способностями генерировать новые знания, активно внедрять и использовать прорывные технологии, а также разрабатывать собственные, а не заимствованные объекты интеллектуальной собственности, применяемые в создании наукоемкой и высокотехнологичной продукции.

Трактовка инновационной деятельности базируется на теории инноваций, под которой понимается не только управление инновационными проектами, но и интеллектуальная деятельность, обеспечивающая воспроизводство идей и их

воплощение в конкретные интеллектуальные продукты и услуги с последующей коммерциализацией (Й. Шумпетер [10] и его последователи К. Фримен [11], Р. Нельсон [12], Б. Лундвалл [13], Э. Харгадон [14] и др.).

Такую деятельность будем называть интеллектуально-инновационной, подчеркивая, что она должна быть направлена на получение конкретного результата, воплощенного в виде формализованной информации, инновации, объекта интеллектуальной собственности, в том числе результата интеллектуальной деятельности — некоего интеллектуального продукта или услуги.

Система мотивации и стимулирования интеллектуально-инновационной деятельности работников эффективна только в инновационной среде, создающей условия для формирования собственного, а не привлеченного интеллектуального капитала (включая объекты интеллектуально собственности), способного обеспечивать эффективное развитие организации и технологическое развитие экономики в целом. Это дает мультипликативный эффект, отражающийся на уровне развития человеческого интеллектуального капитала, так как работники получают в качестве средств труда инновационные продукты и технологии (рис. 2).

С одной стороны, человеческий интеллектуальный капитал является ключевым ресурсом

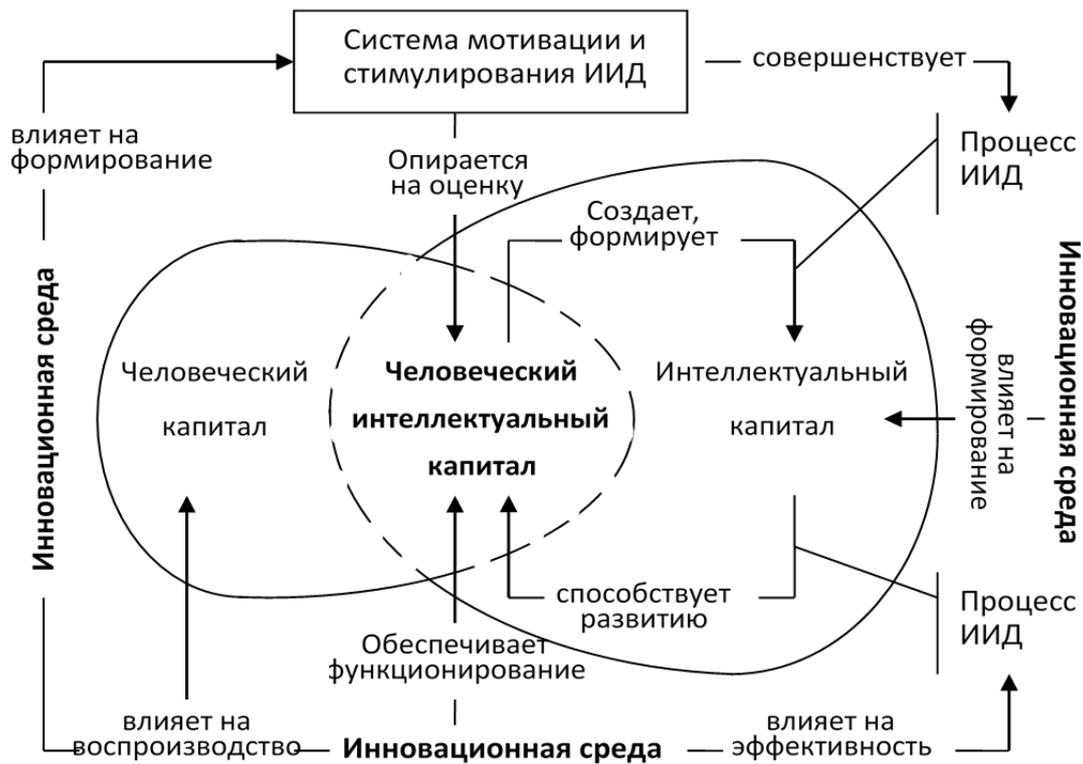

Рис. 2 / Fig. 2. Модель взаимосвязанного функционирования человеческого и интеллектуального капитала в инновационной среде / Model of the interrelated functioning of human and intellectual capital in the innovation environment

Примечание: ИИД – интеллектуально-инновационная деятельность.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

интеллектуально-инновационного капитала, поэтому необходима оценка эффективности его использования. С другой стороны, человеческий интеллектуальный капитал формируется и развивается в процессе интеллектуально-инновационной деятельности и требуется оценивать происходящие в нем изменения (устанавливать степень эффективности управляющих воздействий). Но первоначально необходимо определить структуру человеческого интеллектуального капитала.

СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ И ОРГАНИЗАЦИОННОМ УРОВНЯХ

Человеческий интеллектуальный капитал может рассматриваться с позиций функционально-экономического и структурно-содержательного подходов.

В рамках первого подхода человеческий интеллектуальный капитал представляет собой функционирование интеллектуальной компоненты (интеллекта) ее носителя (собственника), обеспечивающего обладателю определенное экономическое благо (выгоду, пользу).

Если в качестве классификационного признака рассмотреть носителя человеческого интеллектуального капитала (социально-экономический субъект), можно выделить его виды, приведенные на рис. 3.

В рамках второго подхода человеческий интеллектуальный капитал представляет собой интегральное единство двух структурных составляющих, включающее:

- 1) генетически заданный интеллектуальный потенциал (природную составляющую);
- 2) приобретенные технологии и полученные результаты интеллектуально-инновационной деятельности (искусственную составляющую).

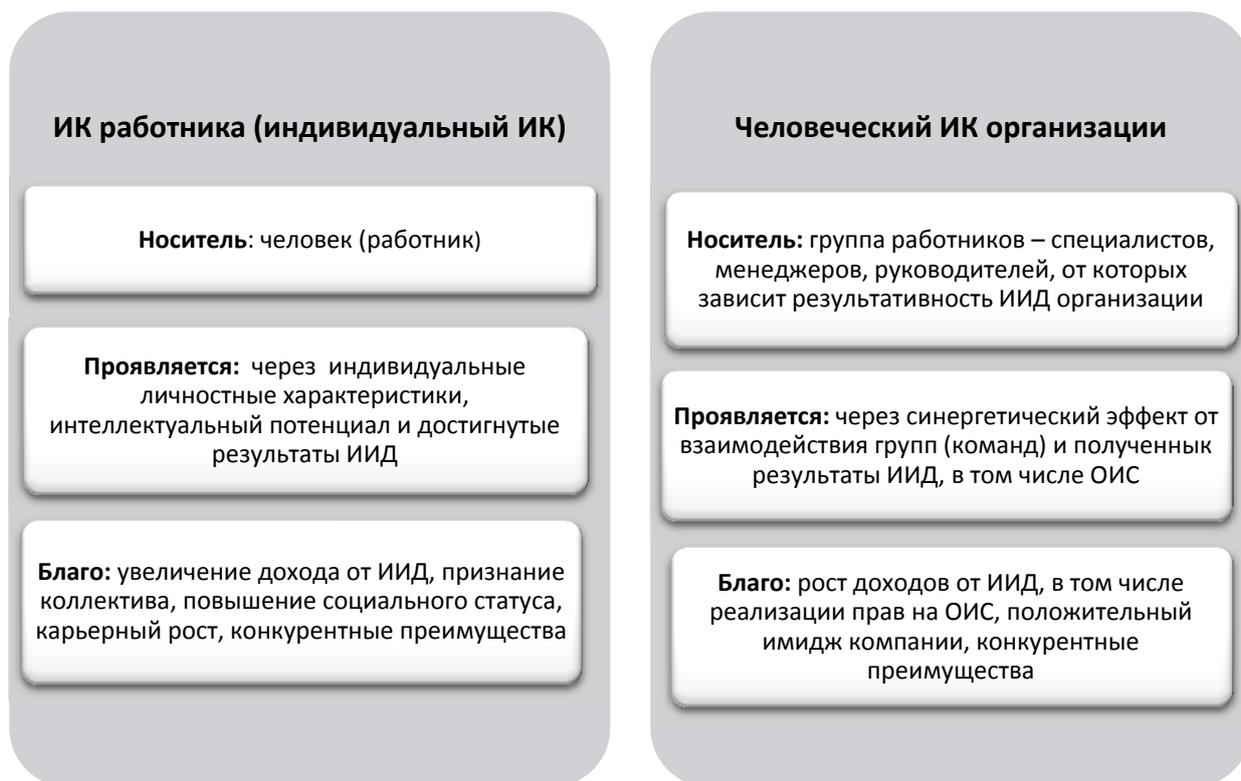

Рис. 3 / Fig. 3. Классификация человеческого интеллектуального капитала по субъектам-носителям / Classification of human intellectual capital by carrier entities

Примечание: ИК – интеллектуальный капитал; ИИД – интеллектуально-инновационная деятельность; ОИС – объекты интеллектуальной собственности.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

щую), которые преобразуют интеллектуальный потенциал в капитал, имеющий стоимостное измерение.

Интеллектуальный потенциал человека — это совокупность способностей индивида на основе полученной и обработанной информации, позволяющая создавать новые знания и извлекать из них выгоду и пользу, в том числе для целей саморазвития. Качество интеллектуального потенциала работника (природной составляющей индивидуального интеллектуального капитала) определяется генетическими задатками, врожденными способностями, нейрофизиологическими особенностями мозга и психики. Вместе с тем интеллектуальный потенциал — это не раз и навсегда заданная константа, его можно развивать и совершенствовать, способствуя перерастанию интеллектуального потенциала в интеллектуальный капитал, позволяющий индивиду достигать успешной самореализации как социально-экономическому субъекту.

Безусловно, интеллект работника формируется под влиянием национального менталитета — определенных поведенческих образцов и эмоциональных реакций, ставших типичными для некоей народной общности в процессе ее культурно-исторического развития.

Интеллект представляет собой природную основу интеллектуального потенциала, который преобразуется в интеллектуальный капитал только через продукты интеллектуальной деятельности.

Так же как на индивидуальном уровне, человеческий интеллектуальный капитал организации имеет природную составляющую (интеллектуальный потенциал) и искусственную составляющую (результаты интеллектуально-инновационной деятельности).

Организация как социально-экономический субъект интеллектуально-инновационной деятельности также обладает определенным интеллектом, но при этом:

1) физиологическая составляющая индивидуального интеллекта преобразуется в организационную составляющую, которая проявляется во взаимной связи индивидуальных интеллектов (работников и руководства), реализуется в рамках организационной структуры системы управления и составляет природную основу интеллекта организации;

2) психологическая составляющая индивидуального интеллекта определяется социально-психологической составляющей интеллекта организации, которая связана с организационной культурой, психологическим климатом в коллективе и характером взаимодействия организации и внешней среды;

3) социально-экономическая составляющая индивидуального интеллекта приобретает в организации производственно-экономическое содержание, определяемое ее хозяйственной деятельностью, инновационной активностью, наукоемкостью производственных процессов.

Интеллект организации и существующие технологии групповой (командной) интеллектуальной деятельности образуют человеческий интеллектуальный потенциал организации. Реализация интеллектуального потенциала предполагает его трансформацию в результаты интеллектуально-инновационной деятельности работников, которые могут существовать в неотчуждаемой и отчуждаемой формах.

Структуру человеческого интеллектуального капитала организации можно представить в виде иерархической модели, приведенной на *рис. 4*.

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ

Социальные и технологические изменения определяют степень внимания на обеспечение эффективного управления интеллектуальными ресурсами в экономике. Знания — это один из важнейших активов организации. Они трансформируются в интеллектуальный капитал организации. Поэтому управление знаниями и экономическая оценка интеллектуальных активов становятся эффективными способами стимулирования роста интеллектуальных активов организации и повышения ее конкурентоспособности. Таким образом, управление взаимосвязями, знаниями и другими информационными потоками между тремя видами капитала и есть управление интеллектуальным капиталом организации.

Вопросы организации управления интеллектуальным капиталом рассматриваются в работах отечественных исследователей — А.Л. Гапоненко¹, В.А. Супруна², Н.М. Абдикеева [15, 16], О.В. Лосевой [17].

Целью управления интеллектуальным капиталом организации является достижение значимого результата от его использования при минимизации затрат на его развитие.

Задачами управления интеллектуальным капиталом являются:

- планирование, организация, контроль и регулирование процессов создания и развития интеллектуальных активов;
- создание атмосферы инновационной восприимчивости, обеспечение развития работников и их мотивация к накоплению и умножению интеллектуального капитала;
- формирование организационно-методической базы управления интеллектуальным капиталом и условий для его эффективного использования;
- организация, контроль и регулирование процесса движения информационных потоков, циркулирующих внутри предприятия;
- организация, контроль и регулирование процесса движения информационных потоков, циркулирующих между предприятием и внешней средой;
- планирование, организация и контроль процесса формирования портфеля прав на объекты интеллектуальной собственности как инструмента регулирования товарных рынков;
- планирование, организация, контроль и регулирование процессов использования интеллектуальных активов во внешней и внутренней средах предприятия.

С позиций человеко-ориентированного подхода развитие концепции человеческого интеллектуального капитала в цифровой экономике:

- определяется потребностями социально-экономических субъектов, объективно складывающимися в условиях инновационной экономики;
- опирается на теоретические положения и принципы концепций человеческого капитала,

¹ Гапоненко А.Л., Орлова Т.М. Управление знаниями. Как превратить знания в капитал. — Москва: Эксмо, 2008. — 400 с.

² Супрун В.А. Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке. — Москва: ЛЕНАНД, 2016. — 200 с.

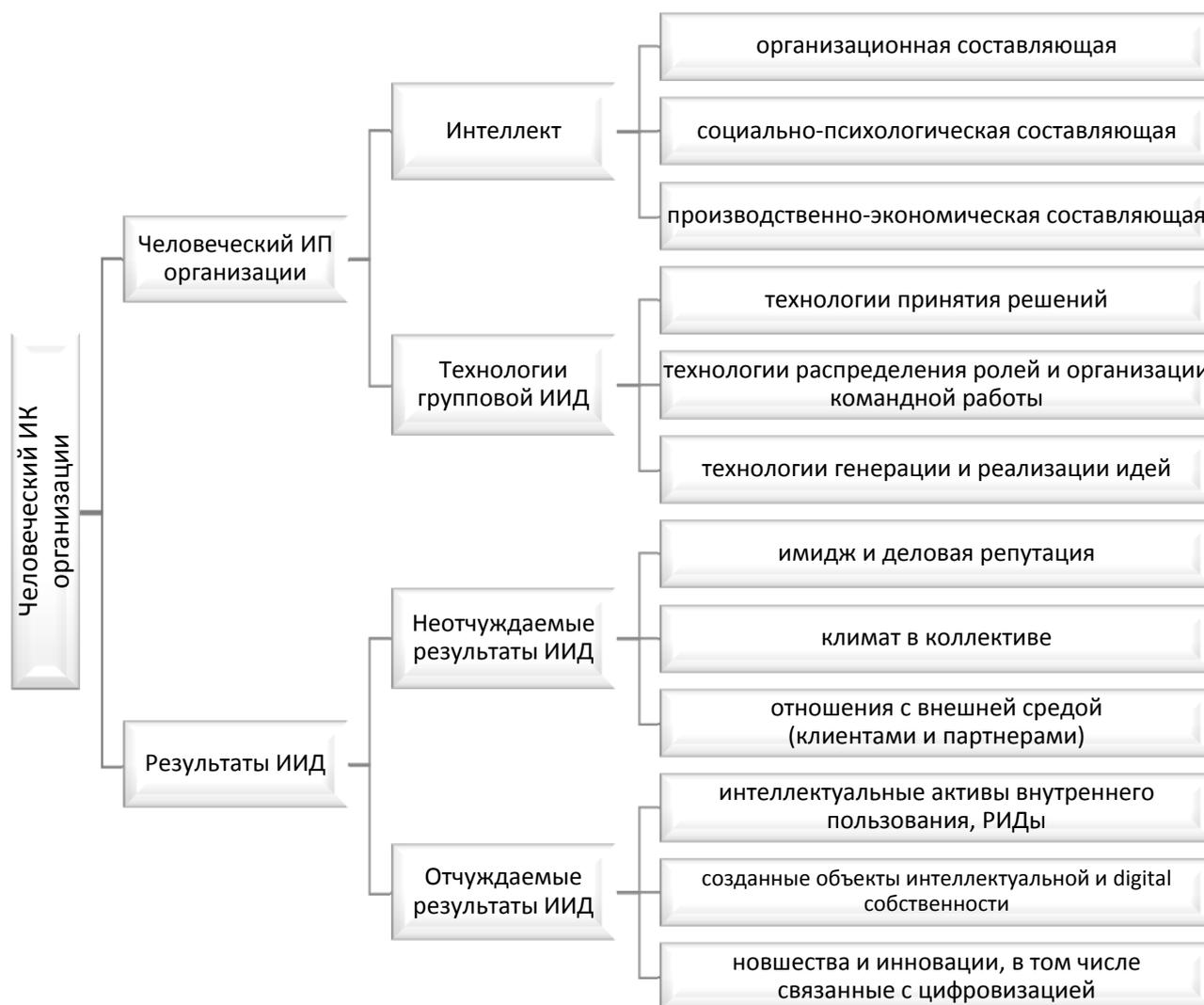

Рис. 4 / Fig. 4. Структура человеческого интеллектуального капитала организации / Structure of the organization's human intellectual capital

Примечание: ИИД – интеллектуально-инновационная деятельность; РИД – результаты интеллектуальной деятельности; ИП – интеллектуальный потенциал.

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

интеллектуального капитала, инновационного менеджмента;

- направлено на интеллектуальную составляющую человеческого капитала — человеческий интеллектуальный капитал;
- является личностно ориентированным, т.е. базируется на интеллектуальном потенциале и результатах интеллектуальной деятельности человека;
- нацелено на формирование работника нового типа, обладающего цифровыми компетенциями и компетенциями инновационной деятельности;

- служит научной и информационной основой управления качеством человеческого капитала и интеллектуальным капиталом организации в целом.

Таким образом, концепцию интеллектуального капитала необходимо развивать с позиции человеко-ориентированного подхода, в основе которого лежат расширенная трактовка человеческого капитала и многокомпонентная модель человеческого интеллекта.

В составе человеческого интеллектуального капитала необходимо выделять интеллектуальный потенциал и результаты интеллектуально-инновационной деятельности.

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СУБЪЕКТОВ

В условиях формирования цифровой экономики концепция управления человеческими ресурсами становится приоритетной в теории и практике менеджмента, а также управлении цифровым хозяйственным субъектом. Это обусловлено формированием и развитием цифровых компетенций работников, разработкой и реализацией соответствующих программ мотивации, обеспечением вовлеченности в процесс изменений в целом.

Цифровая трансформация хозяйственного субъекта — это процесс интеграции цифровых технологий во все бизнес-процессы, требующий внесения существенных изменений в технологии, культуру, операции и принципы создания новых продуктов и услуг³. Развитие человеческого интеллектуального капитала в условиях цифровой экономики основано на компетентностном подходе. Цифровые компетенции представляют собой совокупность знаний, умений и навыков использования цифровых и информационно-коммуникационных технологий для решения поставленных задач в целях повышения эффективности предприятия в целом.

Цифровые технологии изменяют основные процессы, лежащие в основе управления персоналом. К подобным процессам относятся кадровое администрирование; управление производительностью труда; обучение и развитие; материальное и нематериальное стимулирование; льготы и т.д. Перестройка управленческих подходов и бизнес-процессов требует пересмотра отношения к работе с имеющимися у предприятия данными, которые должны стать источником роста.

Цифровая трансформация бизнес-процессов в хозяйственном субъекте сопряжена с внедрением новых сервисов. На начальном этапе создаваемые сервисы позволяют ускорять и оптимизировать управленческие процессы на предприятии. Дальнейшее внедрение искусственного интеллекта и трансформация предприятия в цифровую организацию позволяют переносить «центр тяжести» управления на автоматизированные информационные системы.

Делегирование полномочий принятия решения от человека к информационной интеллектуальной

системе является побочным эффектом цифровой трансформации. Другой проблемой является эффект сжатия информации в объемы, которые человек способен осмыслить для принятия решения. Анализ больших данных нацелен на сжатие больших объемов информации до размера возможного восприятия лицом, принимающим решение. По сути, происходит переход от управления предприятием к управлению автоматизированной информационной системой, которая управляет ресурсами предприятия по целевому назначению.

Центром накопления интеллектуального капитала на предприятии становится база знаний, которая необходима для сопоставления интеллектуальных результатов производственной деятельности и позволяет просчитать различные сценарии цифровой трансформации отдельных бизнес-процессов.

Управление знаниями и экономическая оценка интеллектуальных активов становятся эффективными способами стимулирования роста интеллектуальных активов организации и повышения ее конкурентоспособности

Когнитивная модель базы знаний заключается в изменении параметров управления в режиме, возможном для восприятия человеком, а именно лицом, принимающим решения. Создание интеллектуальных интерфейсов дает возможность осознавать ситуацию через призму «сжатых» показателей результатов деятельности интеллектуальной информационной системы, имея достаточно времени для принятия решения.

В последнее время с развитием нейросетевых и интернет-технологий человек все больше становится свободным от конкретной бизнес-среды и своих когда-то приобретенных профессиональных навыков. У человека появилась возможность непрерывного самообучения и саморазвития в самых различных областях деятельности, работы в удаленном режиме на условиях фрилансерства, создания собственного интернет-бизнеса и т.д. В этих реалиях все большую значимость приобретают интеллектуальные и цифровые компетенции.

³ Гунина И. А., Логунова И. В., Пестов В. Ю. Повышение эффективности использования человеческого капитала в условиях цифровой трансформации // Регион: системы, экономика, управление. — 2019. — Т. 44. — № 1. — С. 18–25.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

ACKNOWLEDGEMENT

The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state task of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Schultz T. Human Capital, Family Planning, and Their Effects on Population Growth. *American Economic Review Papers and Proceedings*. 1994;84(2):255–260.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. — Москва: ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
3. Mincer J. Production of human capital and the lifecycle of earnings: variation on the theme / National Bureau of Economic Research. — Working Paper. — 1994.
4. Thurow L. Building Wealth. The new rules for individuals, companies and countries in knowledge-based economy. — New York: Harper Collins, 1996.
5. Machlup F. The economics of information and human capital / Princeton, 1984. Population innovation readiness. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_236_en.pdf
6. Fisher S., Blanchard O. Lectures on macroeconomics pdf. MIT Press, 1993. — 659 p.
7. Sveiby K. The new organisation wealth. — Managing and measuring Knowledge-Based Assets. — San-Fransisco, 1997.
8. Edvinsson L. Intellectual capital: realizing your company's true value by finding its hidden roots. — New York: HarperCollins Publishers, 1997.
9. Друкер П. Ф. Бизнес и инновации. — Москва: Вильямс, 2007. — 432 с. — ISBN 978-5-8459-1195-7.
10. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. — Москва: Эксмо, 2008. — 864 с. — ISBN 978-5-699-19290-8.
11. Freeman C. Technical change and economic theory. — London: Pinter Publishers, 1988.
12. Nelson R. The role of knowledge in R&D efficiency // *Quarterly journal of Economics*. 1982:453–470.
13. Lundvall, B. National systems of innovation: towards a theory of innovation and interactive learning. — London, Pinter Publishers, 1992.
14. Харгадон Э. Управление инновациями. Опыт ведущих компаний. — Москва: Вильямс, 2007. — 304 с. — ISBN 978-5-8459-0941-1.
15. Абдикеев Н. М., Киселев А. Д. Управление знаниями корпорации и реинжиниринг бизнеса. — Москва: ИНФРА-М, 2011. — 382 с. — ISBN 978-5-16-004300-5.
16. Abdikeev N., Valuation of intellectual capital and intangible assets created based on innovative products and intellectual property / Proceedings of the international conference on creativity and innovation. Osaka, Japan, September 10–12, 2018. — P. 557–569.
17. Лосева О. В., Дресвянников В. А. Человеческий интеллектуальный капитал: теория, методология и практика оценки. — Москва: РУСАЙНС, 2016. — 307 с. — ISBN 978-5-4365-3969-0.

REFERENCES

1. Schultz T. Human capital, family planning, and their effects on population growth. *American Economic Review Papers and Proceedings*. 1994;84(2):255–260.
2. Becker G. Human behavior: an economic approach / Selected Works on Economic Theory. Moscow: Higher School of Economics; 2003. 672 p. (In Russ.).
3. Mincer J. Production of human capital and the lifecycle of earnings: variation on the theme / National bureau of economic research. Working Paper. 1994.
4. Thurow L. Building Wealth. The new rules for individuals, companies and countries in knowledge-based economy. New York: Harper Collins; 1996.

5. Machlup F. The Economics of information and human capital. Princeton, 1984. Population Innovation Readiness. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_236_en.pdf.
6. Fisher S., Blanchard, O. Lectures on macroeconomics pdf. MIT Press; 1993. 659 с.
7. Sveiby, K. The new organisation wealth — Managing and measuring Knowledge-Based Assets. San-Fransisco; 1997.
8. Edvinsson L. Intellectual capital: realizing your company's true value by finding its hidden roots. New York: HarperCollins Publishers; 1997.
9. Drucker P.F. Business and innovation. Moscow: Williams Publishing House, 2007. 432 p. (In Russ.).
10. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Eksmo; 2008. 864 p. (In Russ.).
11. Freeman C. Technical change and economic theory. London: Pinter Publishers; 1988.
12. Nelson R. The role of knowledge in R&D efficiency. *Quarterly journal of Economics*. 1982:453–470.
13. Lundvall, B. National systems of innovation: towards a theory of innovation and interactive learning. London, Pinter Publishers; 1992.
14. Hargadon, E. Innovation management. Experience of leading companies = How breakthroughs happen. The surprising truth about how companies innovate. Moscow: Williams; 2007. 304 p. (In Russ.).
15. Abdikeev N. M., Kiselev A. D. Knowledge management of the corporation and business reengineering. Moscow: INFRA-M; 2011. 382 p. (In Russ.).
16. Abdikeev N., Valuation of intellectual capital and intangible assets created based on innovative products and intellectual property. Proceedings of the international conference on creativity and innovation. Osaka, Japan, September 10–12, 2018:557–569.
17. Loseva O. V., Dresvyannikov V. A. Human intellectual capital: theory, methodology and practice of evaluation. Moscow: RUSAINS, 2016. 307 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Владиславовна Лосева — доктор экономических наук, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
ovloseva@fa.ru

Нияз Мустякимович Абдикиев — доктор технических наук, профессор, директор Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
nabdikeev@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Losevs — Dr. Sci. (Econ.), Prof. Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
ovloseva@fa.ru

Niyaz M. Abdikeev — Dr. Sci. (Tech.), Prof., Director, Institute of Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
nabdikeev@fa.ru

Статья поступила 02.02.2020; принята к публикации 05.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 02.02.2020; accepted for publication 05.04.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-84-91
УДК 334.72:332.14(045)
JEL H25, L26, L31

Роль социального предпринимательства в развитии территории

Г.В. Колодня

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2227-7671>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – влияние предпринимательства на решение социальных проблем современного общества. *Цель работы* – выявление скрытого потенциала социального предпринимательства в развитии территории. В статье раскрывается экономическая сущность социального предпринимательства, определяются критерии его отнесения к социальному бизнесу. Рассматриваются особенности социального предпринимательства как бизнеса, являющегося коммерчески успешным и одновременно решающего, наряду с государством, назревшие социальные проблемы. Обосновываются причины привлечения государством социальных предпринимателей к реализации отдельных задач социальной политики.

В качестве метода исследования использовался институциональный подход. Рассмотрены процесс формирования института социального предпринимательства в современной России, влияние традиций и отмечено, что в дореволюционной России деятельность социальных предпринимателей была связана с обучением, приобретением профессиональных навыков и трудоустройством социально уязвимых групп населения. В статье дается оценка степени воздействия формальных институтов на процессы становления социального предпринимательства в современной России. Анализируются факторы, способствующие активизации отечественного социального предпринимательства в современных условиях, одним из которых является франчайзинг. Применение метода *case study* позволило проанализировать успешные социальные предпринимательские проекты в ряде российских регионов, раскрыть особенности их применения в процессе восстановления утраченного потенциала территории и возрождения забытых национальных традиций. *Сделаны выводы* о том, что в последние 10–15 лет институт социального предпринимательства стал играть заметную роль в смягчении степени остроты социальных проблем, имеющихся в современном российском обществе, и он способен заложить основы устойчивого развития территории и формирования гармоничного пространства.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; предпринимательская «бдительность»; успешные предпринимательские практики; социальное государство; развитие территории; франчайзинг

Для цитирования: Колодня Г.В. Роль социального предпринимательства в развитии территории. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):84-91. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-84-91

ORIGINAL PAPER

The Role of Social Entrepreneurship in the Development of the Territory

G.V. Kolodnyaya

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2227-7671>

ABSTRACT

The subject of the research is the consideration of the influence of entrepreneurship on the solution of social problems of modern society. *The purpose of the work* is to identify the hidden potential of social entrepreneurship in the development of the territory. The article reveals the economic essence of social entrepreneurship, defines the criteria for its classification as a social business. The article considers the features of social entrepreneurship as a business that is commercially successful and at the same time solves, along with the state, urgent social problems. The reasons for the state's involvement of social entrepreneurs in the implementation of certain tasks of social policy are substantiated.

© Колодня Г.В., 2021

An institutional approach was used as a research method. Having studied the process of formation of the institute of social entrepreneurship in modern Russia, the influence of traditions is considered, it is noted that in pre-revolutionary Russia the activity of social entrepreneurs was associated with training, acquisition of professional skills and employment of socially vulnerable groups of the population. The article assesses the degree of influence of formal institutions on the processes of formation of social entrepreneurship in modern Russia. The factors contributing to the activation of domestic social entrepreneurship in modern conditions, one of which is franchising, are considered. The use of the case study method made it possible to analyze successful social entrepreneurial projects in a number of Russian regions, to reveal the features of their application in the process of restoring the lost potential of the territory and reviving forgotten national traditions. *It is concluded* that in the last 10–15 years, the Institute of social entrepreneurship has begun to play a significant role in mitigating the severity of social problems in modern Russian society. Social entrepreneurship can lay the foundations for the sustainable development of the territory and the formation of a harmonious space.

Keywords: social entrepreneurship; entrepreneurial “vigilance”; successful business practices; social state; territory development; franchising

For citation: Kolodnyaya G.V. The role of social entrepreneurship in the development of the territory. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):84-91. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-84-91

ВВЕДЕНИЕ

Сформированная на протяжении последних нескольких десятилетий в большинстве национальных экономик социально ориентированная модель экономики предусматривает тесное взаимодействие рыночных и государственных факторов. Несмотря на то, что рыночный механизм является основой рыночных отношений и в большинстве случаев способен выполнять свои функции самостоятельно в качестве саморегулирующейся системы, в его работе принимает участие государство, создающее условия для эффективного функционирования рынка, а также обеспечивающее баланс интересов всего общества и разрешение возникающих социальных противоречий.

Известно, что соотношение степени участия рыночного механизма и государства в экономике претерпевало несколько раз существенную трансформацию. Либеральную модель экономики с минимальным участием государства сменила модель социального рыночного хозяйства с более ярко выраженными позициями государства благодаря популяризации идей Дж. М. Кейнса [1–6]. Эволюция роли государства в национальных экономиках происходила в направлении становления социального рыночного хозяйства или модели так называемого социального государства [7, с. 474], в которой государство восполняет так называемые пробелы рынка, занимаясь созданием общественных благ (*public goods*), наряду с обеспечением благоприятных условий для свободного функционирования рыночного механизма.

Долгое время типичной для национальных экономик являлась модель, в которой приори-

тет отдавался государству при создании товаров, предназначенных для коллективного потребления. Тенденцией последних десятилетий стало существенное расширение масштабов деятельности по предоставлению общественных благ за счет эффективного участия предпринимателей.

СПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ К АНАЛИЗУ ИНФОРМАЦИИ

Теоретическое обоснование причин успешной предпринимательской деятельности представлено в работах представителей австрийской школы, в частности в научных трудах Ф. Хайека (*Friedrich Hayek*), считающего важным составляющим успеха предпринимателей их умение находить на рынке полезную информацию, позволяющую делать выбор в сторону эффективного бизнеса. Предприниматель обладает исключительной способностью не только чутко улавливать поступающие сигналы о возникающих неравновесных ситуациях на рынке, но и своевременно реагировать на них. Через призму цен предприниматель анализирует «рассеянную» среди множества экономических субъектов информацию и использует ее при принятии решения [8–10]. На основании информации, заложенной в ценах, он принимает решение о движении в нужном направлении, например устанавливает, какие блага выгоднее всего производить, какой товар будет пользоваться спросом на рынке в недалеком будущем, какие функциональные качества товара являются принципиально важными для потребителя, как

наилучшим образом проинформировать потребителя о новинках и т.д.

Умение предпринимателя «расшифровать» полученную на рынке информацию другой представитель австрийской школы И. Кирцнер (*I. Kirzner*) считает первоосновой успешной предпринимательской деятельности. Ученый анализирует способность предпринимателя «улавливать» необходимую информацию и раскрывать ее истинный смысл. Это качество предпринимателя И. Кирцнер называет «бдительностью» (*alertness*), полагая, что талант предпринимателя в первую очередь проявляется в предвидении будущего развития событий, следовательно, в умении воспринимать новые конкурентные возможности, предоставляемые рынком, которые остаются незамеченными другими игроками, с тем, чтобы использовать их для прибыльного ведения дел [11, 12]. Можно сделать вывод о том, что выбор, сделанный в пользу создания услуг социальной направленности, является результатом лучшей осведомленности предпринимателей об имеющей место ситуации на рынке. Посредством механизма цен предприниматель получает информацию от рынка о наличии неудовлетворенного спроса или возникшем неравновесии, а значит, о необходимости создания благ, связанных с удовлетворением общественных нужд.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО?

Возникновение интереса бизнеса к социальной сфере как общемирового тренда последних десятилетий вызвано рядом причин [13, с. 103–104]:

- расширением набора доступных для населения государственных социальных программ;
- ростом спроса на социальные услуги со стороны населения;
- недостатком финансовых ресурсов в условиях хронического дефицита бюджетов многих государств;
- неспособностью государства оказывать социальные услуги в полной мере.

В результате сложившейся ситуации государство, сохраняя за собой главенствующую роль в проведении социальной политики и определении приоритетов социально-экономического развития национальной экономики, стало при-

влекать бизнес к решению отдельных задач социальной сферы, получая тем самым положительные эффекты от такой деятельности благодаря увеличению объема оказываемых услуг в социальной сфере, появлению новых рыночных ниш и сегментов, возрастанию количества рыночных игроков, стимулированию конкуренции на рынке социальных услуг.

Несмотря на сложность проведения четкой границы между социальным и несоциальным бизнесом, в последнее время были определены критерии отнесения бизнеса к разряду социального предпринимательства, особенностью которого является организация жизнеспособного бизнеса, работающего на коммерческой основе и одновременно решающего важные социальные проблемы общества, т.е. берущего на себя наравне с государством ответственность за разрешение назревших общественных проблем.

Принято выделять три основных критерия, характеризующих деятельность социальных предприятий:

- цель деятельности, состоящую не в извлечении экономической выгоды, а в удовлетворении социальной потребности или разработке решения (уменьшение остроты) конкретной социальной проблемы;
- экономическая устойчивость и инновационная деятельность;
- создание качественно новых продуктов (услуг) или качественно новых моделей их предоставления [13, с. 106].

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Российский институт социального предпринимательства отличается от мирового аналога наличием богатых традиций, заложенных более двух столетий назад. Например, Е. Г. Мамонтова (1847–1908), супруга известного предпринимателя и мецената С. И. Мамонтова¹, наряду с созданием школ для крестьянских детей, занималась организацией столярных мастерских в подмосковном селе Абрамцево с целью приостановки миграционных процессов разоряющихся

¹ С. И. Мамонтов (1841–1918), владелец Троицкой и Ярославской железных дорог, был основателем «Частной оперы».

крестьян в город через механизм возрождения народного промысла в форме резьбы по дереву. В организованных ею мастерских крестьян обучали ремеслу, что позволяло зарабатывать им на жизнь и получать доход, достаточный для материального обеспечения семьи.

Предпринимательская деятельность С. Т. Морозова (1862–1905) имела аналогичную направленность. Русским предпринимателем, возглавлявшим Никольскую мануфактуру, был организован Музей кустарных изделий (1885 г.), работа которого была непосредственно связана с популяризацией промыслов в дореволюционной России, помогая наладить снабжение ремесленников-кустарей образцами и рисунками, а также поддерживая кооперацию в промыслах. Он инициировал обучение кустарей через систему филиалов мастерских, находящихся в различных регионах страны, привлекал к обучению кустарей известных русских художников, во многом способствовал укреплению художественных промыслов через применение экономических инструментов, активно используя систему кредитования. С. Т. Морозов выступил организатором первых земских учебных мастерских: корзиночной в Голицыно и игрушечной в Сергиевом-Посаде.

Начало возрождения отечественного социального предпринимательства можно отнести к 2000-м гг. — периоду создания социальных бизнесов во многих регионах России. Круг накопившихся в масштабах всей страны и не решенных государством проблем, касающихся нехватки детских садов, медицинских и реабилитационных центров, студий и кружков специализированного и дополнительного образования, центров социального обслуживания и т. д., обусловил появление новых социальных проектов, инициируемых частным бизнесом. Дополнительным импульсом к развитию социального предпринимательства в российских регионах стало создание специализированного фонда по поддержке социального предпринимательства — Фонда региональных социальных программ или Фонда «Наше будущее» В. Алекперова (2007 г.), положив начало институционализации социального предпринимательства в современной России. В этот период были установлены критерии отнесения проектов к социальным и началась поддержка социальных предпринимателей в различных формах: в виде предоставления беспроцентных займов

(до 40 млн руб. на срок до 10 лет), консультирования, обучения, оказания помощи в продвижении и реализации продукции и др.

Предприниматель обладает исключительной способностью не только чутко улавливать поступающие сигналы о возникающих неравновесных ситуациях на рынке, но и своевременно реагировать на них

Полагаем, что реализация Федерального закона от 26.07.2019 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятий “социальное предпринимательство” и “социальное предприятие”» (далее — Закон № 245-ФЗ) будет способствовать дальнейшему развитию института социального предпринимательства в нашей стране и осуществляться в направлении формирования экосреды, комфортной для работы социальных предприятий. До принятия этого закона социальные предприниматели могли воспользоваться мерами государственной поддержки как субъекты малого и среднего бизнеса, предусмотренными национальным проектом «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» через центры «Мой бизнес».

Определенная работа в области поддержки социально значимых проектов осуществляется Фондом поддержки социальных проектов Агентства стратегических инициатив (далее — АСИ), которым запущена бесплатная обучающая онлайн-программа для молодых предпринимателей, не имеющих опыта в реализации проектов в социальной сфере. При Фонде АСИ работает акселератор, помогающий социальному предпринимателю принимать верные решения. Деятельность акселератора АСИ направлена на повышение бизнес-компетенций предпринимателей, поиск новых каналов монетизации, оказание помощи в определении узких мест и потенциальных то-

чек роста компании, «упаковку» проектов для привлечения инвесторов.

Необходимо отметить важную роль франчайзинга в процессе становления отечественного института социального предпринимательства, поскольку применение данной бизнес-модели позволяет снижать риски для начинающих предпринимателей и уменьшать вероятность банкротства бизнеса. Это достигается благодаря тому, что успешная и отработанная до мелочей бизнес-модель социального проекта с алгоритмом

**Полноценное развитие
современного общества
осуществляется при условии
эффективного функционирования
института социального
предпринимательства**

прописанных шагов передается франчайзером не имеющему опыта предпринимательской деятельности франчайзи² для трансляции. В технологии учитывается множество нюансов, с которыми сталкивался франчайзор и от которых через использование франшизы «защищен» франчайзи. Положительным фактором, оказывающим влияние на повышение устойчивости бизнеса, организованного по франчайзингу, выступает цифровизация. Применение информационных технологий, средств связи и интернета делает возможным общение между франчайзером и франчайзи в формате 24/7, что упрощает взаимодействие партнеров, облегчает контроль над действиями франчайзи, следовательно, снижает риски принятия ошибочных решений.

Заметными трендами последних лет в нашей стране стали устойчивая динамика роста рынка франчайзинга с ежегодным приростом в 10–15% и повышение популярности франшиз, имеющих социальную направленность и связанных с дошкольным образованием, оказанием медицин-

² Франчайзи — актер в лице самостоятельной фирмы или предпринимателя, который приобретает у франчайзора право на ведение бизнеса под его брендом, использует его бизнес-модель (технология), проходит обучение у франчайзора, получает консультации по ведению бизнеса.

ских услуг, уходом и досугом для людей пожилого возраста, предоставлением услуг в сфере спорта, семейного досуга.

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Общепризнанной аксиомой является утверждение, согласно которому полноценное развитие современного общества осуществляется при условии эффективного функционирования института социального предпринимательства. Начав свою деятельность с решения конкретных проблем определенной группы потребителей, социальный бизнес трансформировался в институт преодоления проблем социально уязвимых категорий населения при обязательном использовании нестандартных подходов и принятии нетривиальных решений. Социальное предпринимательство направляет свою деятельность в русло решения проблем, традиционно являющегося прерогативой государства. Работая в рамках выполнения миссии: «Сделать мир лучше!», социальные предприниматели действуют в следующих сферах:

- возрождение культурных традиций;
- социализация людей с ограниченными возможностями;
- трудоустройство незащищенных групп населения;
- образование, просвещение;
- ответственное отношение к ресурсам;
- развитие института семьи;
- спорт и здоровье.

При оценке роли института социального предпринимательства в современной России необходимо иметь в виду значительные изменения, произошедшие с ним в течение последних 10–15 лет. Деятельность института социального предпринимательства стала приобретать более видимые очертания. Социальные предприниматели пытаются найти разрешение имеющихся в обществе социальных проблем или смягчить их остроту, используя инструменты бизнеса и действуя по всей территории России [14–15]. Наиболее весомыми, на наш взгляд, являются трансформации, происходящие на уровне территорий.

Background современного российского предпринимательства насчитывает множество примеров, иллюстрирующих влияние успешных

социальных проектов на восстановление утраченного потенциала территории, снятие остроты социальных проблем небольшого поселка, села или провинциального городка. Следовательно, он отличается стремлением гармонизировать окружающий мир [14–15]. Показателен пример предпринимателя А. Георгиева из Санкт-Петербурга, выкупившего подлежащую банкротству фабрику народного промысла «Крестецкая строчка»³ (1860) и осуществившего реконструкцию производства. Важно отметить, что реализация предпринимательского проекта позволила возродить народный промысел с более чем полуторавековой историей, обеспечить занятостью 150 работников поселка и близлежащих населенных пунктов. Предприниматель планирует расширение сферы деятельности фабрики⁴: организацию интерактивных экскурсий с проведением мастер-классов, продолжение сотрудничества с известными модельными домами в части использования крестецкой строчки как вида отделки.

Более подробно хотелось бы остановиться на примере Коломны, небольшого подмосковного города, в котором успешная реализация предпринимательского социального проекта сумела принципиальным образом изменить ситуацию в регионе и заложить основы для устойчивого развития территории. Проект по созданию музея «Коломенская пастила» в Коломне сыграл роль своеобразного триггера новых предпринимательских бизнесов малого формата, связанных с возрождением традиций древнего города. Предпринимательскому тандему Е. Дмитриевой и Н. Никитиной (2009 г.) удалось вернуть Коломне утраченное в XX в. имя центра пастильного производства, которым город славился в дореволюционное время. В процессе работ по организации музея был восстановлен утерянный рецепт популярного в прошлом лакомства — коломенской пастилы и реконструирована технология производства десерта XVII в.

Следует отметить, что проект по организации музея «Коломенская пастила» сыграл важную

роль интегратора, поскольку превратился в некий «центр притяжения», объединяющий вокруг себя общественность города в лице жителей Коломны, администрации города, представителей бизнеса, творческих людей, изъявивших желание принять участие в восстановлении музея. Администрацией города было выделено на льготных условиях здание для будущего музея, находящееся в исторической части города. Одно из малых предприятий Коломны бесплатно осуществило подведение инженерных коммуникаций в музей. Коломенскими кузнецами — художниками было воссоздано оборудование по проектам XIX в. Жители города принесли в музей старинную медную утварь.

Организация музея «Коломенская пастила» стала начальным звеном процесса формирования туристического кластера. Историческое возрождение территории в виде Коломенского посада активизировало создание множества новых креативных предпринимательских проектов: воссоздание фабрики по производству пастилы ручной работы⁵, изготовление упаковки для лакомства, открытие литературного кафе «Лажечниковъ», организация музейного театра, издание музейного журнала, проведение литературного арт-фестиваля «Антоновские яблоки», съемка видеороликов, небольших художественных и мультипликационных фильмов.

В данном случае сработал эффект акселератора, характерный для кластерной формы организации бизнеса. Его действие проявляется в создании множества новых креативных предпринимательских проектов, идея появления которых зародилась под влиянием успешного якорного проекта — музея «Коломенская пастила». Впоследствии в Коломне стали возникать интерактивные бизнес-проекты малого формата, пользующиеся большой популярностью среди туристов, путешественников и гостей города. Это Музей

³ Фабрика ручного производства «Крестецкая строчка» находится в поселке Крестцы Новгородской области. В советский период количество работающих на фабрике составляло 600 человек. Во время банкротства количество занятых сократилось до 6 человек. Фабрика является единственным в области предприятием, имеющим статус народного художественного промысла. URL: <http://www.krstrochka.ru>.

⁴ Расширение производства и сфер деятельности позволяет увеличить занятость на фабрике до 300 человек.

⁵ Музей «Коломенская пастила» — это первый в отечественной музейной практике опыт реконструкции промышленной технологии кондитерского производства и уникальный для России формат знакомства с национальными культурными традициями. Одновременно производство является своего рода лабораторией, в которой создаются новые вкусы. В настоящее время фабрикой пастилы разработано и производится 37 видов пастилы по восстановленным рецептам — точной реконструкции рецептов XVII, XIX и начала XX вв., собранных сотрудниками Музея в национальной библиотеке имени Ленина.

«Калачная», Музей кондитерская кухмейстера П. П. Шведова, Музей парфюмерии и мыловарения «Душистые радости», музей-мастерская «Дом посадских ремесел», Дом самовара, Музей любимой игрушки, Музей «Коломенский патефон», деятельность которых стала определять исторический профиль Коломенского посада, подчеркивать его самобытность.

Создание неординарного, грамотно интегрированного в специфику развития региона и учитывающего историческое прошлое социального проекта повысило привлекательность города для путешественников, что незамедлительным образом отразилось на увеличении туристического потока. Количество туристов, посещающих Коломну за год, превысило 1,5 млн чел., ежегодно поток туристов увеличивается на 15%. Высокие показатели по туризму — результат трансформации города в масштабный туристический центр с развитой инфраструктурой. В Коломне создано более 40 музеев, работают кафе, рестораны, го-

стиницы, гостевые дома. Благодаря музею «Коломенская пастила» город получил более 100 новых рабочих мест, а с учетом мультипликационного эффекта количество рабочих мест возросло четырехкратно⁶.

Деятельность по возрождению территории Коломенского посада продолжается. В плане предпринимательниц предусмотрено восстановление садов, которыми раньше славился город⁷. Осуществляется работа по созданию Центра социальных инноваций, в котором предполагается объединить лучшие российские и зарубежные практики, лаборатории, образовательные курсы, франшизы.

⁶ Действие мультипликационного эффекта проявляется в следующем: от одного рабочего места, созданного в сфере туризма, появляются четыре новых рабочих мест в смежных инфраструктурах города (гостиничной, общественного питания, транспортной, инженерной).

⁷ Расширяющиеся масштабы производства коломенской пастилы требуют большего количества яблок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булгаров М. А., Кондакова Л. Д., Мурашкина А. А. Роль государства в экономике: эволюция взглядов // Эпомен, — 2019. — № 24. — С. 59–68. — ISSN 2686–6722.
2. Добрынин Л. А., Марковская Е. И. и др. Взаимодействие государства и бизнеса. — Санкт-Петербург: Издательство СПбГЭУ, 2014. — 192 с. — ISBN 978–5–9978–0675–0.
3. Кейнс Дж. М. Избранные произведения. — Москва: Экономика, 1993. — 343 с. — ISBN 5–282–01544–7.
4. Колодня Г. В. Возможность применения кейнсианских идей при решении проблем современной российской экономики // Теоретическая экономика. — 2019. — Т. 49. — № 1. — С. 10–15. — ISSN 2221–3260.
5. Серегина С. Ф. Роль государства в экономике. Синергетический подход. — Москва: Дело и Сервис, 2002. — 288 с. — ISBN 5–8018–0156–1.
6. Танци В. Роль государства в экономике: эволюция концепций // МЭ и МО. — 1998. — № 10. — С. 54. — ISSN 0131–2227.
7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. — Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. — 592 с. — ISBN 978–5–91103–252–4.
8. Хайек Ф. А. Индивидуализм и экономический порядок. — Москва: Изограф, 2001. — ISBN 978–5–91603–030–3.
9. Хайек Ф. А. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 12. — С. 6–14. — ISSN 0131–2227.
10. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. — Москва: Новости, 1992.
11. Кирцнер И. М. Конкуренция и предпринимательство. — Москва: Юнити-Дана, 2001. — ISBN 5–238–00266–1.
12. Kirzner I. The Primacy of Entrepreneurial Discovery. In Austrian Economics. Hillsdale, Michigan, 1991.
13. Московская А. А., Соболева И. В. Социальное предпринимательство в системе социальной политики: мировой опыт и перспективы России // Проблемы прогнозирования. — 2016. — Т. 27. — № 6. — С. 103–111. — ISSN 0868–6351.
14. Дельфины капитализма. 10 историй о людях, которые сделали все не так и добились успеха. — Москва: «Манн, Иванов и Фербер», 2017. — 272 с. — ISBN 978–5–00100–870–5.

15. Дельфины капитализма 2.0. Еще 8 историй о людях, которые сделали все не так и добились успеха. — Москва: Эксмо, 2020. — 224 с. — ISBN 978-5-04-111557-9.

REFERENCES

1. Bulgarov M.A., Kondakova L.D., Murashkina A.A. The role of the state in the economy: the evolution of views. *Эконом.* 2019;(24):59–68. (In Russ.).
2. Dobrynin L.A., Markovskaja E.I. Interaction between the state and business. St. Petersburg: publishing house SbPGJeU; 2014. 192 p. (In Russ.).
3. Kejns Dzh. M. Selected works. Moscow: Jekonomika, 1993. 343 p. (In Russ.).
4. Kolodnjaja G.V. The possibility of applying Keynesian ideas in solving the problems of the modern Russian economy. *Teoreticheskaja jekonomika = Theoretical economics.* 2019;49(1):10–15. (In Russ.).
5. Seregina S.F. The role of the state in the economy. A synergistic approach. Moscow: Delo i Servis; 2002. 288 p. (In Russ.).
6. Tanci V. The role of the state in the economy: the evolution of concepts. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations.* 1998;(10):54. (In Russ.).
7. Piketti T. Capital in the XXI century. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 592 p. (In Russ.).
8. Hajek F.A. Individualism and economic order. Moscow: Izograf; 2001. (In Russ.).
9. Hajek F.A. Competition as an opening procedure. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations.* 1989;(12):6–14. (In Russ.).
10. Hajek F.A. Pernicious arrogance. The errors of socialism. Moscow: Novosti; 1992. (In Russ.).
11. Kirzner I.M. Competition and Entrepreneurship. Moscow: Juniti-Dana; 2001. (In Russ.).
12. Kirzner I. The Primacy of Entrepreneurial Discovery. In *Austrian Economics.* Hillsdale; Michigan, 1991.
13. Moskovskaja A.A., Soboleva I.V. Social entrepreneurship in the system of social policy: world experience and prospects of Russia. *Problemy prognozirovaniya = Problems of forecasting.* 2016;27(6):103–111. (In Russ.).
14. Dolphins of capitalism. 10 stories about people who did everything wrong and succeeded. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber; 2017. 272 p. (In Russ.).
15. Dolphins of Capitalism 2.0. 8 more stories about people who did everything wrong and achieved success. Moscow: Jeksmo; 2020. 224 p. (In Russ.).
16. Kolodnjaja G.V. Social entrepreneurship: russian model. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship.* 2019;(9):672–675. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галина Владимировна Колодня — доктор экономических наук, доцент, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
kolodnyaya@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Galina V. Kolodnyaya — Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Prof., Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
kolodnyaya@yandex.ru

*Статья поступила 17.12.2020; принята к публикации 20.02.2021.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 17.12.2020; accepted for publication 20.02.2021.
The author read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-92-99
УДК 314.742(045)
JEL K37, J08, J88

Применение социального предпринимательства и социального заказа как финансового инструмента для решения задач российской миграционной политики

М.Л. Галас

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – теоретические принципы и подходы к регулированию миграционных процессов в социальном государстве посредством применения социального заказа как финансового инструмента. *Цель работы* – разработка методики применения инструментов социального предпринимательства и социального заказа в реальном включении (инклюзии) иностранных граждан в российский социум. По конституционному строю Российская Федерация является социальным государством, призванным обеспечивать достойный уровень жизни населения, в том числе мигрантов, что требует повышения качества жизни людей. В ходе исследования выявлены социальные и экономические проблемы инклюзии иностранных граждан, решение которых важно для реализации миграционной политики Российской Федерации, обеспечения комплекса социальных гарантий, прав, преференций, свобод, установленных законодательством и международными нормативными актами. Выдвинуты предложения по весовой оценке индикаторов социально-экономической безопасности Российской Федерации. Разработана методика ранжирования индикаторов регулирования социальной и экономической инклюзии граждан зарубежных государств, проживающих на территории Российской Федерации. В результате исследования *сделаны выводы* о том, что инструменты социального предпринимательства и социального заказа в социальной инклюзии иностранных граждан в российский социум могут способствовать улучшению социально-экономического положения граждан зарубежных государств, проживающих на территории Российской Федерации, посредством оказания таких наиболее востребованных у иностранных граждан услуг, как образование и здравоохранение.

Ключевые слова: социальное предпринимательство; социальный заказ; социальные гарантии; иностранные граждане; права человека; миграционная политика

Для цитирования: Галас М.Л. Применение социального предпринимательства и социального заказа как финансового инструмента для решения задач российской миграционной политики. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):92-99. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-92-99

ORIGINAL PAPER

Application of Social Entrepreneurship and Social Order as a Financial Tool for Solving the Problems of the Russian Migration Policy

M.L. Galas

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-1523-8287>

ABSTRACT

The subject of the research is the theoretical principles and approaches to the regulation of migration processes in the social state through the use of the social order as a financial instrument. *The purpose of the work* is to develop a methodology for applying the tools of social entrepreneurship and social order in real inclusion, i.e. the inclusion of foreign citizens in Russian society. According to the constitutional system, the Russian Federation is a social state designed to provide a decent standard of living for the population, including migrants, which requires improving the quality of life of people. The study reveals the social

© Галас М.Л., 2021

and economic problems of the inclusion of foreign citizens, the solution of which is important for the implementation of the migration policy of the Russian Federation, in providing a set of social guarantees, rights, preferences, freedoms established by legislation and international regulations. Proposals have been prepared for the weighting of indicators and indicators of the socio-economic security of the Russian Federation. A methodology for ranking indicators of regulation of social and economic inclusion of citizens of foreign countries living in the territory of the Russian Federation has been developed. *The study concludes* that the tools of social entrepreneurship and social ordering in the social inclusion of foreign citizens in the Russian society can be effectively used to improve the socio-economic situation of citizens of foreign countries living in the territory of the Russian Federation by providing the most popular services for foreign citizens, such as education and health care.

Keywords: social entrepreneurship; social order; social guarantees; foreign citizens; human rights; migration policy

For citation: Galas M.L. Application of social entrepreneurship and social order as a financial tool for solving the problems of the Russian migration policy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):92-99. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-92-99

ВВЕДЕНИЕ

Одним из способов устойчивого развития современного социального государства является развитие инклюзивной модели экономики, под которой понимается система производственной и хозяйственной деятельности, способствующая повышению устойчивости экономического и социального развития, уровня защищенности и качества жизни людей при условии обеспечения равного доступа социально уязвимых групп населения к материальным и нематериальным благам на принципах социальной справедливости, защиты прав человека и гражданина и недопустимости социальной дискриминации.

Инклюзивные группы населения — это социально уязвимые лица вследствие воздействия на их производственную и хозяйственную деятельность неблагоприятных факторов, а также лица с нарушениями состояния здоровья и устойчивыми расстройствами функций организма, ставшими причинами ограничения жизнедеятельности и вызывающими потребность социальной защиты. Задачами миграционной политики Российской Федерации¹ законодательно определена необходимость актуализации механизмов, регулирующих и обеспечивающих добровольное переселение в страну на постоянное место жительства проживающих за рубежом соотечественников, других иностранных граждан, заинтересованных и обладающих соответствующими способностями к успешной инклюзии в российское принимающее общество, в экономическую и социальную системы государства. Инклюзия иностранных граждан должна содействовать развитию делового, профессионального, научного, культурного потенциала Российской Федерации, кото-

рое законодательно и организационно обеспечивает изучение русского языка, истории и культуры страны [2, с. 272–300].

В то же время государством поставлена задача создания благоприятных условий для правовой, экономической, социальной и культурной адаптации иммигрантов к жизнедеятельности на российской территории, если они испытывают трудности в адаптационном процессе. Таким образом, речь идет об инклюзивной группе мигрантов. Важной задачей российской миграционной политики также названо обеспечение благоприятных условий для свободы перемещения на территории Российской Федерации иностранных граждан, въехавших с целью обучения, научной и педагогической деятельности. Государственные и муниципальные органы власти могут согласно законодательству² оказывать поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям при условии осуществления ими таких видов деятельности, как социальная и культурная адаптация иностранных граждан к жизни в России.

Эффективным механизмом инклюзии иностранных граждан в России может стать селективный организованный набор лиц, изъявивших намерение въехать в Российскую Федерацию. Организованный набор должен быть согласован с экономическими задачами, отраслевой структурой, развитием рынка труда и занятости, услуг и образования, а также задачами обеспечения социальной стабильности российских регионов. Основами вышеназванного механизма являются предвъездная профессиональная, образовательная подготовка, а также проверка финансово-кредитного благополучия, законопослушности, политической лояльности, состояния здоровья потенциальных миг-

¹ Пункт 21 Указа Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

² Статья 31 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».

рантов, помощь которым в оформлении въездных документов могут оказывать не только государственные (муниципальные) структуры, но и социально ориентированные некоммерческие организации посредством применения механизма социального заказа и инструментов социального предпринимательства.

Мигранты — иностранные граждане, временно пребывающие либо временно или постоянно проживающие на территории принимающего государства, представляют собой обособленную инклюзивную группу людей, имеющую особый правовой статус ее членов; ограниченный уровень доступа к социальным, экономическим, медицинским и иным общественно значимым сервисам; пониженный по сравнению с коренным населением объем трудовых прав и гарантий и низкий уровень совокупного дохода, что в своей совокупности обуславливает социальную уязвимость данной группы людей, ее инклюзивность. Мигранты как объект инклюзивной экономики, подверженные воздействию неблагоприятных факторов на их производственную или хозяйственную деятельность, нуждаются в повышении уровня их защищенности и качества жизни при равном доступе наравне с коренным населением к материальным и нематериальным благам на принципах социальной справедливости, защиты прав человека и недопустимости социальной дискриминации.

Социальное предпринимательство³, функционирующее в правовой форме договора государственно-частного партнерства либо концессионного соглашения и учитывающее современные механизмы обеспечения интересов частного экономического партнерства, может быть эффективным инструментом решения вопросов социальной инклюзии иностранных граждан в жизнь российского социума, позволяющим поставщикам услуг в сфере миграции заблаговременно получать от властных структур на региональном или муниципальном уровнях финансовое обеспечение для реализации социального и экономического проекта. Инструмент социального заказа, предназначенный для удовлетворения общественной потребности, может быть применен в системе организованного набора трудовых иммигрантов и иностранных граждан, занятых в экономически перспективных отраслях экономики, науки и инноваций, в социально ориентированных сферах деятельности. Публично-правовые образования правомочны согласно рамочным или базовым принципам единой право-

³ Социальное предпринимательство — бизнес, имеющий целью не столько извлечение прибыли, сколько решение социальных проблем общества, например обучение и переквалификация персонала.

применительной практики самостоятельно избирать способы исполнения обязательств по социальному заказу, обеспечивая справедливую конкуренцию на общем рынке государственных (муниципальных) услуг в сфере миграции. Важным условием исполнения социального заказа является установление исчерпывающих (закрытых) перечней форм и способов его реализации на основе следующих показателей:

1) *социальная составляющая*: возможность для граждан самостоятельно выбирать организацию, оказывающую конкретную услугу; создавать равные условия по обеспечению выбора исполнителя на конкурентных началах; проводить конкурсные процедуры с участием учреждений и организаций различных форм собственности, имеющих социально ориентированную направленность; получать социальный эффект от реализации проекта (в натуральном выражении);

2) *экономическая составляющая*: стоимость проекта; окупаемость проекта; доходность инвестора; экономический эффект от реализации проекта.

При этом социально ориентированные организации должны удовлетворять требованиям, предъявляемым к оказанию услуг в соответствующей сфере экономики, а население, в том числе мигранты, — получать соответствующие сертификаты, дающие право на обращение в любое учреждение соответствующего профиля. Выбор инструмента социального заказа зависит от вида социального предпринимательства. Как правило, в системе государственного и муниципального частного партнерства за негосударственным сектором закрепляется только обязанность создания и эксплуатации объектов без права оказания государственных (муниципальных) услуг. В то же время создание конкурентной среды в системе регионального или муниципального заказа подразумевает обеспечение равного доступа к предоставлению услуг, а следовательно, к использованию имущественного комплекса. Регламентация данного подхода позволяет обеспечивать экономические интересы как государства, так и частных партнеров [4, 6].

МЕХАНИЗМ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТА

Функционирование финансового механизма оказания государственных (муниципальных) услуг по социальной и экономической инклюзии граждан иностранных государств в социум осуществляется в основном благодаря привлечению финансовых

средств частных инвесторов, в то время как бюджетные средства Российской Федерации могут предоставляться исключительно после достижения социально значимого эффекта проекта [3]. Публично-правовое образование устанавливает параметры возмещения затрат за счет соответствующих бюджетных средств, направляемых на реализацию проекта. От искомого социального эффекта проекта (в натуральном выражении, исчисляемом в единицах измерения) зависят требования, предъявляемые к паспорту проекта. Расчет экономической составляющей (стоимость проекта, окупаемость, доходность инвестора и другие составляющие) делает оператор социального проекта. Он же устанавливает систему привлечения средств, предоставляемых инвесторами, проводит отбор исполнителей услуг и работ на условиях конкурсных процедур, готовит паспорт проекта, а по завершении социального проекта рассчитывается с исполнителями. При реализации такого подхода средства бюджета представляются инвестору в случае достижения им положительных результатов в осуществлении проекта, когда начинают оказываться услуги целевым группам потребителей с их полным охватом согласно требуемым показателям и параметрам.

Важной составляющей данной системы является процедура контроля оператором проекта достижения установленных показателей объема и качества выполнения государственных (муниципальных) услуг.

Примером может служить оказание образовательных услуг в системе дополнительного образования инклюзивных групп населения, в том числе мигрантов, на основе применения персонифицированного подхода. Цель дополнительного образования — содействие в трудоустройстве, экономической деятельности и социальной адаптации вышеназванных групп населения посредством повышения квалификации или приобретения новых профессиональных знаний и умений, востребованных и перспективных на рынках труда. Особенностью данного подхода является то, что потребитель услуги сам выбирает учреждение дополнительного образования независимо от его формы собственности, где эта услуга предоставляется. Оператор (региональный модельный центр дополнительного образования) формирует реестр программ по дополнительному образованию на основании информации, получаемых от поставщиков, включенных в реестр поставщиков⁴.

⁴ Национальный реестр поставщиков товаров, работ, услуг. URL: <https://nrnp.ru/reestr>.

Следующим этапом является формирование реестра сертификатов дополнительного образования, который представляет собой информационный ресурс, составленный на основе сведений, предоставленных родителями (законными представителями) об их детях в возрастном диапазоне 5–18 лет, проживающих на территории публично-правового образования. Учетная запись вносится в реестр сертификатов на основании заявлений о предоставлении услуги дополнительного образования. Для каждого обучающегося формируется сертификат, а в информационной системе оформляется запись о применении сертификата, фиксирующая остаток средств, доступных для расходования в соответствующем году. Обучающийся, получивший сертификат, имеет право на его использование для прохождения обучения по выбранной образовательной программе, которая включена в реестр программ.

Финансовое обеспечение услуг по дополнительному образованию на основании сертификатов с определенным номиналом производится за счет соответствующих бюджетных финансовых средств путем субсидирования выполнения государственного (муниципального) задания с учетом прогнозируемого объема для государственных (муниципальных) учреждений и в порядке, определенном органами государственной власти для частных структур. Размер субсидии устанавливается в соответствии с нормативными затратами, предусмотренными для выполнения государственных (муниципальных) услуг по реализации дополнительных общеразвивающих программ, которые в свою очередь рассчитываются по формуле:

$$Ni = Ni_{\text{баз}} \times K_{\text{отр}}, \quad (1)$$

где Ni — нормативные затраты по оказанию i -й услуги; $Ni_{\text{баз}}$ — базовый норматив по оказанию i -й услуги, определяемый по формуле $Ni_{\text{баз}} = Ni_{\text{баз}1} + Ni_{\text{баз}2}$; $K_{\text{отр}}$ — отраслевой корректирующий коэффициент, отражающий характеристики образовательных организаций и специфику оказываемых услуг; $Ni_{\text{баз}1}$ — базовый норматив, связанный с непосредственным оказанием услуг; $Ni_{\text{баз}2}$ — базовый норматив на общехозяйственные нужды.

Таким образом, конкурентный отбор структур, предоставляющих государственные (муниципальные) услуги, осуществляется самим потребителем услуг, что является важным фактором повышения социальной составляющей бюджетных расходов и позволяет реа-

лизывывать наиболее эффективные способы исполнения социального заказа при условии своевременного и качественного оказания инклюзивным группам населения соответствующих услуг. Индикаторами инклюзивности служат коэффициент расслоения социума по уровню дохода; уровень бедности; коэффициент расслоения социума по распределению богатства; доход.

Договор о ЕАЭС дает возможность распространять данный механизм на все государства интегративного партнерства [1]. Единый рынок услуг позволяет предпринимательству осуществлять свою деятельность на территории государств — членов интегративного объединения без дополнительного учреждения своей деятельности, как, например, регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, юридического лица или филиала. В рамках ЕАЭС гарантировано право доступа трудящихся и членов их семей к медицинским услугам по системе ОМС в странах, где она существует, на тех же условиях, что и для граждан государства трудоустройства. Для трудящихся предусмотрено обязательное страхование на случай временной нетрудоспособности, от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, в связи с материнством. Нераспространение на граждан стран ЕАЭС ограничений, предусмотренных национальным законодательством по защите внутренних рынков труда, позволяет трудящимся и частным предпринимателям, потерявшим доход, в возможно короткие сроки начать заниматься деятельностью по получению дохода в иных сферах экономики. Перспективы развития ЕАЭС сформулированы в основополагающем документе — проекте стратегических направлений развития Евразийской экономической интеграции до 2025 г.

Российская Федерация не должна брать на себя все расходы по медицинскому и социальному обеспечению семей иностранных граждан, за которых обязаны нести ответственность суверенные государства их происхождения. Суверенные независимые государства должны взять на себя бремя забот о своих гражданах, временно пребывающих и проживающих в стране въезда.

Делать ставку только на бюджет Российской Федерации или инструмент социального контракта нецелесообразно. Необходим более широкий набор инструментов поддержки инклюзивных групп населения. Основными причинами недостаточного применения социального контракта в Российской Федерации являются небольшой размер суммы средств при существенных издержках; низкий

платежеспособный спрос населения, нестабильные условия хозяйствования (повышение НДС, волатильность рубля, пр.); небольшая доля людей, склонных к предпринимательству (около 5%). При этом доходы от предпринимательства в структуре доходов россиян составляют 3,5%.

МЕТОД АНАЛИЗА КОМПЛЕКСА ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ИНДИКАТОРОВ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ФЕДЕРАЦИИ И РЕГИОНОВ

В связи с особой значимостью в постковидный период медицинской помощи и услуг в сфере здравоохранения требуется проведение анализа показателей обеспечения уровня социальной и экономической безопасности на федеральном и региональном уровнях. К этим показателям предлагается относить общую продолжительность жизни населения; смертность населения, ВВП и ВРП, общие расходы в сфере здравоохранения, среднюю заработную плату в целом по стране и по субъектам Российской Федерации. Индикаторами для этого могут служить соотношение смертности и общей численности населения; соотношение общих расходов на здравоохранение и общего среднего объема доходов населения; соотношение общих расходов на здравоохранение и ВВП; соотношение средств обязательного медицинского страхования и общего объема стоимости Программы государственных гарантий.

Проблема обремененности бюджета России социальными обязательствами перед преференциальными категориями иностранных граждан может быть решена учреждением межгосударственного фонда ОМС, источником финансирования которого должны стать ежегодные целевые взносы государств-членов. Взносы могут рассчитываться на основании статистических сведений о численности пребывающих на территориях государств-членов граждан данных государств и членов их семей при условии наличия устойчиво функционирующих национальных систем миграционного учета, которые будут выступать элементами системы мониторинга трудовой миграции на пространстве ЕАЭС.

Предлагается учредить также специальный межгосударственный фонд по социальной и экономической инклюзии граждан ЕАЭС.

На основе ранжирования субъектов Российской Федерации по предложенным показателям

Таблица / Table

Отклонения фактических значений от эталонных по уровню социальной и экономической безопасности субъектов Российской Федерации / Deviations of actual values from the reference values for the level of social and economic security of the subjects of the Russian Federation

Уровни (величина) отклонения фактической величины показателей от целевой установки / Levels (value) of deviation of the actual value of indicators from the target setting							
<50%	-50%	-40%	-30%	-20%	-10%	0%	Достижение цели / Achieving the goal
Интервальные значения, установленные в результате экспертной оценки / Interval values established as a result of expert evaluation							
<270	27-411	411-552	552-693	693-834	834-975	976	>976
Интервальные отступления, вызванные нарастанием или снижением рисков под воздействием факторов и предлагаемые меры по координации действий / Interval deviations caused by an increase or decrease in risks under the influence of factors and proposed measures for coordination of actions							
Отступление, связанное с игнорированием принципов и системным нарастанием	Отступление, вызванное ростом комплексного воздействия негативных факторов и рисков	Отступление в связи с комплексным влиянием негативных факторов внутреннего и внешнего воздействия	Отклонение, обусловленное системным влиянием негативных факторов	Отклонение, вызванное проявлением факторов, причину которого следует установить	Допустимое отклонение, вызванное рисками	Не требуется коррекции стратегии повышения социальной и экономической безопасности субъектов Федерации	
Число субъектов в Российской Федерации / Number of subjects in the Russian Federation							
1	12	21	31	18	1	1	
Требуется отказаться от применяемой модели. Необходима коррекция механизма и инструментария			Необходимо продолжить деятельность по реализации программы, но корректировать параметры		Реализуемая программа успешна, механизм финансирования эффективен		

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

и индикаторам, необходимым для оценки степени целедостижения заданного уровня социально-экономической региональной безопасности, могут рассчитываться комплексные индикаторы оценки уровня целевых показателей согласно установленной формуле. К релевантным критериям регулирования уровня социально-экономической региональной безопасности предлагается отнести компетенции (задачи и функции) государственных органов власти и управления, правомочных регулировать вопросы миграции; уровень разработанности правовой основы деятельности администрирования миграционных процессов; систему

прав и обязанностей иммигрантов в зависимости от их правового статуса; степень вовлеченности в деятельность по адаптации иностранных граждан институтов гражданского общества; аспекты регулирования миграционных процессов, нуждающихся в актуализации и совершенствовании.

Нижеприведенная формула 2 позволяет рассчитывать комплексный индикатор оценки уровня показателей по субъектам Российской Федерации (Y) и учитывать сумму оценочных индикаторов, которые рассчитываются на основе градированных по рейтингу социально-экономических показателей (см. таблицу).

В универсальном виде формула применима для вычисления комплексного индикатора уровня целевых показателей по субъектам Российской Федерации (Y):

$$Y = \sum_{i=1}^n (Q - X_i), \quad (2)$$

где Y — комплексный индикатор оценки уровня целевых показателей; Q — общее количество регионов, участвующих в рейтинге; N — общее число индикаторов; X_i — место региона по I -му индикатору.

Для мониторинга региональных потребностей в иностранных работниках целесообразно применять используемые госпрограммы, содействующие добровольному переселению в Российскую Федерацию проживающих за рубежом соотечественников, со следующими качественными региональными показателями: уровень выезда трудоспособного и экономически активного населения; динамику естественного прироста населения; численность нетрудоустроенных иностранных граждан, въехавших с целью трудоустройства; уровень обеспечения квалифицированными и высококвалифицированными кадрами; обеспеченность национальными трудовыми ресурсами агропромышленного сектора; уровень развития мелкого и среднего предпринимательства, фермерства, производственной кооперации, самозанятости; численность молодежи, получающей образование в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования; уровень жилищного обустройства и доступность найма жилья, жилищной ипотеки; обеспеченность детей местами в детских дошкольных и средних образовательных учреждениях [2, с. 235–272].

ВЫВОДЫ

Решению задач социально-экономической инклюзии иностранных граждан способствуют институты интеграционного партнерства и государственно-частного партнерства. Финансовое обеспечение социальных программ для адаптации иностранных граждан целесообразно организовывать по смешанному типу: в пропорциональных долях за счет средств федерального, регионального, местного бюджетов, частных источников.

Российскую концепцию социальной инклюзии иностранных граждан целесообразно основывать на гарантии государством условий, при которых осуществляется интеграция перспективных категорий

иностранцев в социальную структуру принимающего общества.

Необходимо обеспечить взаимовыгодное соотношение затрат на социальную и экономическую инклюзию иностранных граждан, с одной стороны, и экономической эффективности их деятельности для принимающего государства, с другой стороны.

В этих целях целесообразно:

1) количественно и качественно оценивать денежные переводы иностранных граждан, занимающихся экономической деятельностью;

2) анализировать трансферты денежных средств как составляющие ВВП, а также и динамику капиталов как источника ВВП;

3) применять инструментарий госпрограмм в целях поощрения инвестиций иностранных граждан, осуществляющих экономическую деятельность на территории Российской Федерации.

Развитие социального предпринимательства на основе государственно-частного партнерства, легитимированного договором, заключаемым органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления с поставщиками услуг, может обуславливать необходимость дополнительной правовой регламентации предлагаемых новых общественных отношений, что потребует внесения изменений в отдельные акты федерального законодательства, а именно:

1) в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в частности по вопросам установления:

- особого механизма финансирования проектов (совместное привлечение средств частных инвесторов и бюджетных средств, являющихся предметами заключаемых договоров);

- порядка оплаты услуг участников закупок, предусматривающего двухэтапность, т.е. авансовое финансирование предстоящих расходов поставщика услуг за счет частного инвестирования и итоговое финансирование на завершающем этапе по факту получения искомого социально значимого результата за счет резервированных для этих целей бюджетных средств;

- порядка и особенностей осуществления контроля за достижением социально значимых результатов, служащих основанием для передачи заказчиком поставщику услуг соответствующих бюджетных средств;

2) в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части

установления возможности оказания иностранным гражданам образовательных услуг в системе дополнительного образования, оказываемых в рамках института социального предпринимательства, определения порядка, условий и объема предоставляемых услуг, механизмов формирования реестров образовательных программ, реестров лиц, поставляющих образовательные услуги, реестров сертификатов дополнительного образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Galas M.L., Shevchenko K.D. Comparative analysis of models by adaptation of immigrants. European proceedings of social and behavioural sciences EpSB. — Volume LXXIX — GCPMED 2019. 2020;1428–1436. — DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.205
2. Галас М.Л., Шевченко К.Д., Силласте Г.Г., Миграция в условиях кризисного развития мирового сообщества и ее риски для России. — Москва: Прометей, 2020. — 406 с.
3. Федорова И.Ю. Концептуальные подходы финансового обеспечения социальной сферы // Экономические системы. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 12–21. — ISSN 2309–2076.
4. Федорова И.Ю. и др. Государственные и муниципальные закупки как инструмент повышения эффективности расходов бюджетов. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». — 242 с. — ISBN 978–5–394–04079–5
5. Milton J. Determinants of social entrepreneurial intentions in a developing country context. *Journal of Business Venturing Insights*. DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00207
6. Fan S., et al. A model of the optimal allocation of the government expenditures // *Journal of Public Economic Theory*. 2020;22(4):845–876. — DOI: 10.1111/jpet.12416

REFERENCES

1. Galas M.L., Shevchenko K.D. Comparative analysis of models by adaptation of immigrants. European proceedings of social and behavioural sciences EpSB. — Volume LXXIX — GCPMED 2019. 2020;1428–1436. — e-ISSN: 2357–1330. DOI: 10.15405/epsbs.2020.03.205
2. Galas M.L., Shevchenko K.D., Sillaste G.G. Migration in the conditions of crisis development of the world community and its risks for Russia. Monograph. — Moscow: Prometei, 2020. 406 p. (In Russ.).
3. Fedorova I. Yu. et al. Conceptual approaches to financial support of the social sphere. *Ekonomicheskie sistemy = Economic systems*. 2020;13(1):12–21. (In Russ.).
4. Fedorova I. Yu. et al. State and municipal procurement as a tool for improving the efficiency of budget expenditures. Monograph. Moscow: Dachkov and K., 2020. 242 p. (In Russ.).
5. Milton J. Determinants of social entrepreneurial intentions in a developing country context. *Journal of Business Venturing Insights*. 2020;3(Nov.): DOI: 10.1016/j.jbvi.2020.e00207
6. Fan S. et al. A model of the optimal allocation of the government expenditures. *Journal of Public Economic Theory*. 2020;22(4):845–876. DOI: 10.1111/jpet.12416

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Леонидовна Галас — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
MLGalas@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marina L. Galas — Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
MLGalas@fa.ru

Статья поступила 15.01.2021; принята к публикации 17.03.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 15.01.2021; accepted for publication 17.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-100-108
УДК 330.322.7(045)
JEL E21, H12

Мультипликатор автономных расходов как инструмент повышения доходов населения в условиях затяжного процесса снижения цен на углеводороды

В.В. Ерёмин

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2144-3543>

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования заключается в том, что в ситуации, при которой доходы российского населения снижаются под воздействием мощных негативных факторов, усилившихся в результате пандемии коронавируса, требуется применение нового эффективного инструмента повышения доходов, в качестве которого может выступать мультипликатор автономных расходов, применение которого составляет предмет исследования настоящей статьи. Цель работы – установление возможностей пассивного и активного использования мультипликатора автономных расходов, представляющего собой коэффициент, показывающий, на сколько единиц увеличится валовой национальный продукт при росте объема автономных расходов на одну единицу на основе формирования мультипликативной цепочки, заключающейся в передаче части доходов за вычетом утечек от одной группы поставщиков к другой группе поставщиков, позволяющей увеличивать количество агентов, получающих доход, и приводящей в конечном счете к возникновению инвестиций, генерирующих собственные цепочки мультипликатора по особому сценарию. Источниками информации служили научные статьи, материалы конференций и периодических изданий, посвященные анализу динамики цен на углеводороды и анализу действия мультипликатора автономных расходов на доходы населения. В результате исследования выявлены факторы, препятствующие устойчивому росту цен на углеводороды в долгосрочной перспективе и, как следствие, делающие актуальным использование мультипликатора автономных расходов в качестве инструмента повышения доходов населения. Сделаны выводы о том, что анализ значений мультипликатора автономных расходов может быть использован для определения оптимальных точек приложения инвестиций на регионально-отраслевом пространстве России, а также для создания новых точек роста.

Ключевые слова: падение доходов населения; цена на нефть; мультипликатор автономных расходов; акселератор инвестиций; декарбонизация экономики; возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Ерёмин В.В. Мультипликатор автономных расходов как инструмент повышения доходов населения в условиях затяжного процесса снижения цен на углеводороды. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):100-108. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-100-108

The Multiplier of Autonomous Expenses as a Tool for Increasing the Income of the Population in the Context of a Protracted Process of Lowering Prices for Hydrocarbons

V.V. Eremin

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-2144-3543>

ABSTRACT

The relevance of the study lies in the fact that in a situation where the income of the Russian population is declining under the influence of powerful negative factors that have increased as a result of the coronavirus pandemic, it is necessary to use a new effective tool for increasing income, which can be a multiplier of autonomous expenses, the use

of which is the subject of this article. *The purpose of the work* is establishing the possibility of passive and active use of the multiplier of autonomous expenditures, which is a coefficient showing how many units the gross national product will increase with an increase in the volume of autonomous expenditures per unit on the basis of the formation of a multiplicative chain consisting in the transfer of part of the income minus leaks from one group of suppliers to another group of suppliers, allowing to increase the number of agents receiving income, and ultimately leading to the emergence of investments, generating their own multiplier chains according to a special scenario. *The sources of information* were scientific articles, materials of conferences and periodicals devoted to the analysis of the dynamics of hydrocarbon prices and the analysis of the effect of the multiplier of autonomous expenditures on the income of the population. As a result of the study, the factors that hinder the sustainable growth of prices for hydrocarbons in the long term and, as a result, make it relevant to use the multiplier of autonomous expenses as a tool to increase the income of the population are identified. *It is concluded that* the analysis of the values of the multiplier of autonomous expenses can be used to determine the optimal points of investment application in the regional and industrial space of Russia, as well as to create new points of growth.

Keywords: falling household incomes; oil price; autonomous spending multiplier; investment accelerator; decarbonization of the economy; renewable energy sources

For citation: Eremin V.V. The multiplier of autonomous expenses as a tool for increasing the income of the population in the context of a protracted process of lowering prices for hydrocarbons. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):100-108. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-100-108

ВВЕДЕНИЕ

Текущая ситуация с динамикой доходов российского населения достаточно сложна. Реальные доходы населения Российской Федерации начали сокращаться еще до пандемии *COVID-19*. Так, в 2014 г. реальные располагаемые доходы населения уменьшились на 1,2%, в 2015 г. — на 2,4%, в 2016 г. — на 4,5%, в 2017 г. — на 0,5%. В 2018 г. реальные располагаемые доходы населения увеличились на 0,1%. В 2019 г. рост усилился до 1% [1]. Но пандемия *COVID-19* остановила начавшуюся позитивную динамику. За январь-сентябрь 2020 г. реальные располагаемые доходы российского населения упали на 4,3% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [2].

Необходимо отметить связь доходов российского населения с динамикой цен на углеводороды (нефть и газ) как напрямую через распределение углеводородных доходов в российской экономике, так и опосредованно благодаря влиянию динамики цен углеводородного сырья на курс российской валюты, а следовательно, на инфляцию.

Президент Российской Федерации В.В. Путин указал на то, что на негативную динамику доходов российского населения оказало влияние падение нефтяных цен, приведшее к переориентации российской экономики на национальные проекты, цель которых состоит в изменении структуры экономики, значительно снижая ее зависимость от сырьевого экспорта. Доля ненефтегазовых доходов

бюджета увеличивается, однако для ее значительного роста требуется много времени¹.

С учетом того, что динамика цен нефти и газа важна для демографического развития страны и динамики доходов граждан, их дальнейший рост даст российскому бюджету дополнительные средства и позволит выделять дополнительные ресурсы на финансирование выполнения задач в области экономики и борьбы с бедностью.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ДИНАМИКУ ЦЕН НА МИРОВОМ РЫНКЕ УГЛЕВОДОРОДОВ

В конце ноября — начале декабря 2020 г. цены на нефть увеличились после заявлений компаний *Phizer*, *AstraZeneca* о создании вакцины от коронавируса. В ноябре 2020 г. цена барреля нефти марки *Brent* впервые превысила 48 долл. США с момента первой сделки ОПЕК+ (март 2020 г.). Текущий рост цен на нефть вызван ожиданиями скорого завершения пандемии *COVID-19* и начала посткризисного восстановления мировой экономики, сопровождающегося увеличением потребления углеводородов. Но этот рост несопоставим с увеличением нефтяных цен в 2008 г., на пике которого (1 июня 2008 г.) цена нефти марки *Brent* достигла 139,83 долл. США за баррель.

¹ Сайт ТАСС. URL: <https://putin.tass.ru/ru/o-stabilnosti-v-ekonomike/#translation>.

Помимо пандемии *COVID-19*, на динамику цен на нефть и газ действует достаточно большое количество факторов, ограничивающих их рост.

Так, сланцевая революция в США привела к снижению цен на нефть и газ в результате роста добычи углеводородов на территории США (см. *таблицу*), позволив США не только сократить импорт нефти и газа, но и нарастить их экспорт.

Сокращение спроса и рост предложения сырья на мировом рынке углеводородов обусловили снижение цен с учетом того, что газ может заменять нефтепродукты в качестве основного топлива в определенных промышленных процессах.

Падение цен на нефть и газ вынуждает сланцевых производителей консервировать скважины и прекращать бурение. Предложение нефти и газа на мировых рынках сокращается, давая импульс к новому росту цен на углеводороды, обуславливая расконсервирование скважин и возобновление бурения. Таким образом, сланцевая добыча углеводородов стала тормозом, ограничивающим рост цен на нефть и газ [4].

Существенным негативным фактором изменения цен на углеводороды является набравший динамику тренд на декарбонизацию мировой экономики — снижение выбросов CO_2 в атмосферу для борьбы с глобальным потеплением. Инструменты декарбонизации, одним из которых является переход энергетической системы развитых государств на генерацию энергии из возобновляемых источников, направлены на уменьшение потребления углеводородного топлива как одного из основных источников выбросов CO_2 в атмосферу Земли.

За последние четыре года производство солнечной энергии подешевело в два раза. В настоящее время стоимость производства солнечной энергии является самой низкой за всю историю человечества, а для большинства стран мира строительство новой солнечной электростанции более выгодно, чем возведение газовой или угольной электростанции [5].

Правительством Великобритании запланировано обеспечение электричеством каждого дома в стране за счет ветроэнергетики к 2030 г. Для этого планируется построить сеть ветряных электростанций совокупной мощностью 40 ГВт.

По состоянию на 29 июня 2020 г. доля «зеленой» энергетики в общем объеме генерации ФРГ составила 55,7%. За первую половину 2020 г. ветряные электростанции произвели 30,6% всей электро-

энергии, т.е. почти столько же, сколько угольные и атомные электростанции вместе взятые². Европа в целом до 2030 г. построит солнечные электростанции совокупной мощностью более 200 ГВт (19 ГВт в год)³.

Европейская комиссия предлагает уменьшить в ЕС в 2030 г. по сравнению с уровнем 2015 г. потребление угля на 70%, нефти — более чем на 30%, газа — более чем на 25% [6].

Важным инструментом декарбонизации мировой экономики является развитие электрического транспорта, первоначальный импульс к которому задала дорогая нефть в 2008 г., а поддержку — отчеты климатологов об антропогенном влиянии на динамику глобального потепления.

В рамках «Нового зеленого курса» правительство Южной Кореи планирует к 2025 г. довести количество автомобилей с электрическим и водородным двигателями в автопарке страны до 5,5%, вложив в электрификацию транспорта 17 млрд долл. США.

Продажа новых автомобилей с двигателями внутреннего сгорания запрещается в Калифорнии и канадской провинции Квебек с 2035 г., в штате Нью-Йорк — с 2035 г., грузовиков — с 2045 г. Благодаря новым более жестким стандартам выбросов CO_2 в атмосферу прогнозируемая доля электромобилей и их гибридов на рынках стран Европы в 2021 г. составит 15%⁴.

Действенным инструментом декарбонизации является налог на дополнительный доход от добычи углеродного сырья, т.е. налог на товары, процесс производства и реализации которых генерирует выбросы CO_2 . Применение такого налога повысит себестоимость производства товаров, произведенных с применением энергии, полученной из ископаемых источников, что побудит производителей этих товаров к переходу на возобновляемые источники энергии. Такой переход будет происходить по всей цепочке добычи нефти и газа от извлечения и производства материалов до изготовления из них готовой продукции и ее доставки конечным потребителям.

² Портал возобновляемых источников энергии. URL: <https://www.energiezukunft.eu/wirtschaft/erneuerbare-energien-lassen-fossile-kraftwerke-alt-aussehen/>

³ Сайт Европейской ассоциации солнечной энергетики. URL: <https://www.solarpowereurope.org/national-energy-and-climate-plans-a-solar-powered-energy-system-by-2030>.

⁴ Transport & Environment. Mission (almost) accomplished. Brussels: Transport & Environment; 2020. 105 p.

Таблица / Table

Динамика добычи сланцевого газа в США / Dynamics of shale gas production in the USA [3]

Год / Year	Добыча, млрд куб. м. / Production, billion cubic meters	Мировой спрос на газ, млрд куб. м. / World gas demand, billion cubic meters	Процент от мирового спроса, % / Percentage of global demand, %
2007	56	2929	1,9
2008	81	2999	2,7
2009	112	2938	3,8
2010	165	3157	5,2
2011	241	3233	7,5
2012	298	3317	9
2013	338	3370	10
2014	396	3393	11,7
2015	448	3467	12,9
2016	505	3550	14,2
2017	564	3654	15,4
2018	667	3848	17,3

Источник / Source: составлено автором на основании [3] / compiled by the author based on [3].

Программа декарбонизации экономики полностью согласуется с целями в области устойчивого развития, декларируемыми ООН, а именно с целью 7 «Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» и целью 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» [7]. Именно эти цели многие государства (например, Южная Корея) заложили в основу национальных программ развития.

Действие указанных выше факторов, сокращающих рынки сбыта углеводородного сырья, приводит к обострению конкуренции на этих рынках, использованию методов не только конкурентной, но и политической борьбы, примером чему служат санкции против строительства «Северного потока — 2».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что, разрабатывая и реализуя мероприятия, направленные на повышение дохода российских граждан, необходимо учитывать тот факт, что в ближайшее время цены на углеводородное сырье не покажут ту положительную динамику, которая была у них в 2010-х гг. Если же цены увеличатся,

то дополнительно полученные средства можно рассматривать как бонус, облегчающий социально-экономическое развитие Российской Федерации и способствующий борьбе с бедностью.

Но излишне надеясь на этот бонус, Россия может столкнуться с нехваткой финансирования и дополнительными сложностями в преодолении тенденции уменьшения реальных доходов граждан.

Относительно новые условия развития российской экономики, характеризующиеся совокупным действием комбинации чрезвычайно негативных факторов, требуют новых инструментов развития. Одним из таких инструментов может служить мультипликатор автономных расходов.

МУЛЬТИПЛИКАТОР АВТОНОМНЫХ РАСХОДОВ КАК ПАССИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Снижение доходов бюджета, рост социальных расходов государства вследствие пандемии COVID-19 осложняют применение хорошо известных инструментов социально-экономического развития, способствующих росту доходов

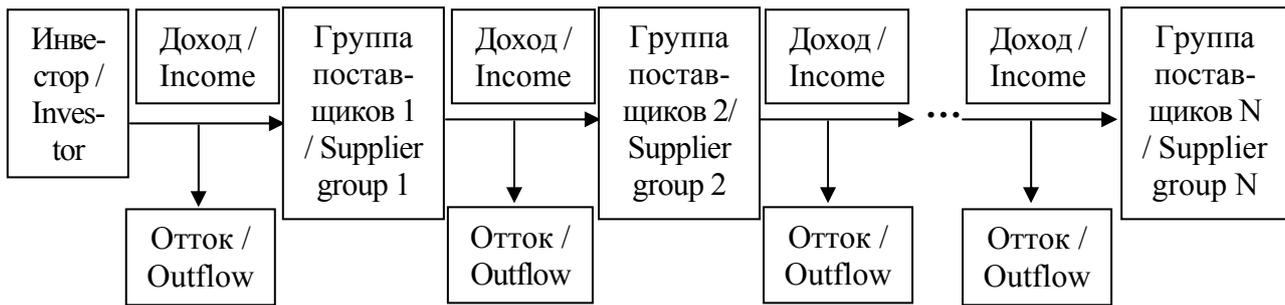

Рис. 1 / Fig. 1. Передача доходов внутри цепочки мультипликатора автономных расходов / Transfers of income within the autonomous cost multiplier chain

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

граждан. В таких условиях у государства возникают проблемы в финансировании программ борьбы с бедностью.

Частный бизнес также испытывает на себе сильное давление пандемии коронавируса, сокращающей его инвестиционные ресурсы и увеличивающей риски реализации инвестиционных проектов.

В такой ситуации и государству, и бизнесу необходим инструмент воздействия на доходы граждан. И им может стать мультипликатор автономных расходов, генерирующий мультипликативные цепочки увеличения доходов.

В сущности мультипликатор автономных расходов представляет собой коэффициент, показывающий, на сколько единиц увеличится валовой национальный продукт при росте объема автономных расходов на одну единицу, и служит одним из видов мультипликатора инвестиций. Его триггером являются автономные расходы, не зависящие от объема полученных доходов [8]. Инвестиции, направленные в кризисное время на поддержку социально-экономического развития вопреки снижению доходов, являются автономными инвестициями, что и обуславливает возможность применения именно этого вида мультипликатора в качестве инструмента повышения доходов населения. Рассмотрим пассивную составляющую этого инструмента.

Имеются несколько групп поставщиков ресурсов на производство товаров. Государственный или частный инвестор, реализующий инвестиционный проект, нуждается в достаточно большом и часто разнообразном наборе ресурсов. В процессе их закупки и использования инвестор тратит финансовые средства, передавая их поставщикам ресурсов (первая группа поставщиков) в качестве их дохода. Из полученных первой груп-

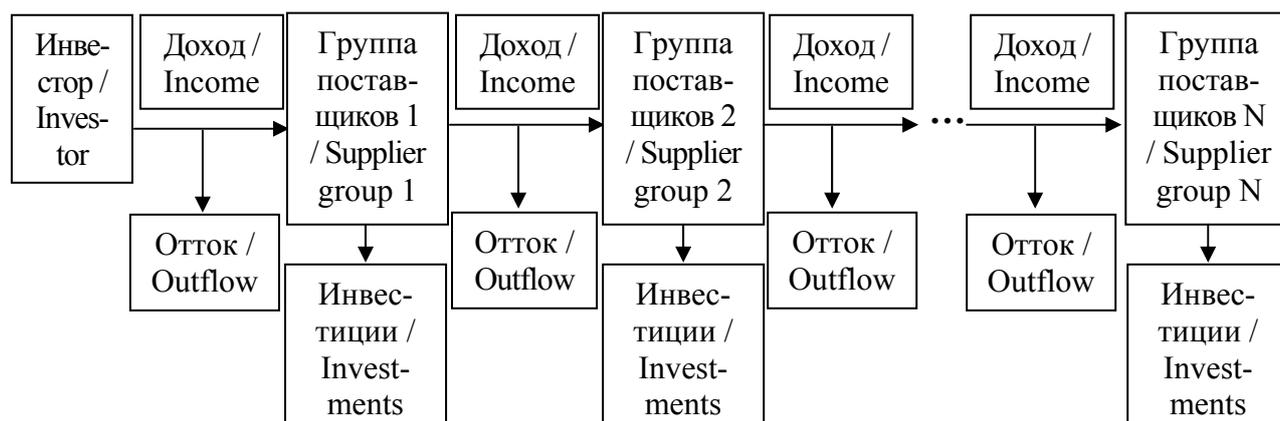
пой поставщиков доходов формируются оттоки финансовых средств в виде налоговых платежей, сбережений, а также сумм, потраченных на закупку импорта.

Расходы на импорт товаров приводят к обрыву мультипликативных цепочек в отечественной экономике, так как получение дохода иностранным поставщиком переносит мультипликативную цепочку в экономику иностранного государства, где она и развивается до тех пор, пока кто-либо из ее участников не приобретет российский товар и оставшаяся часть цепочки перемещается обратно в сферу российской экономики.

Средства за вычетом оттоков финансовых средств тратятся первой группой поставщиков ресурсов на свои нужды. Их набор достаточно широк и вариативен. Часть средств направляется на приобретение ресурсов, необходимых для производства продукции предприятиями и организациями из первой группы поставщиков. Часть средств тратится их работниками — физическими лицами на удовлетворение своих нужд от покупки продуктов питания и одежды до оплаты ипотеки и покупки автомобилей.

Расходы первой группы поставщиков формируют доходы второй группы поставщиков, удовлетворяющих нужды первой группы, из которых происходят аналогичные утечки средств на сбережения, уплату налогов, импорт.

Оставшуюся за вычетом утечек сумму дохода поставщики второй группы тратят на свои нужды, передавая ее своим поставщикам — поставщикам третьей группы и т.д. Таким образом, основой формирования мультипликативной цепочки является передача части (за вычетом утечек финансовых средств) дохода от одной группы поставщиков к их другой группе (рис. 1).

Рис. 2 / Fig. 2. Поддержка мультипликативной цепочки передачи дохода механизмом акселератора инвестиций / Supporting a multiplicative income transfer chain with an investment accelerator mechanism

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Передача части доходов другим участникам мультипликативной цепочки увеличивает количество лиц, получающих доход. В этом заключается пассивное позитивное влияние мультипликатора автономных расходов на динамику доходов населения.

Представление мультипликативной цепочки в виде, показанном на рис. 1, является упрощенным, так как оно предполагает наличие свободных производственных мощностей, полностью удовлетворяющих мультипликативный прирост спроса на любом участке мультипликативной цепочки. Но в любой реальной экономике это условие невыполнимо. Вследствие того, что на каждом этапе развития мультипликативной цепочки, представленной на рис. 1, дополнительный спрос распространяется на достаточно большое количество отраслей, можно сделать вывод, что в части этих отраслей будет ощущаться нехватка производственных мощностей, которая потребует дополнительных инвестиций. Эффект мультипликатора находит свое подкрепление в действии эффекта акселератора инвестиций.

Акселератор инвестиций — коэффициент, показывающий количество необходимых дополнительных единиц инвестиций для удовлетворения одной единицы прироста спроса.

Следовательно, спрос каждой следующей группы поставщиков приводит к возникновению инвестиций, генерирующих собственные цепочки мультипликатора (рис. 2).

Так как каждый инвестиционный импульс генерирует свою мультипликативную цепочку

передачи дохода, подобную представленной на рис. 1, а каждая мультипликативная цепочка может генерировать дополнительные инвестиционные импульсы, процесс прироста доходов населения, инициированный тратами первоначального инвестора, будет более сложным (рис. 3).

На практике схема формирования группы мультипликативных цепочек передачи дохода будет еще сложнее, так как каждая горизонтальная стрелка, показанная на рис. 3, генерирует свою разветвленную схему взаимодействия мультипликатора и акселератора, аналогичную по форме, представленной на рис. 3, но меньшую по масштабу.

Таким образом, мультипликатор автономных расходов, поддержанный действием акселератора инвестиций, генерирует мультипликативные цепочки, увеличивающие доход всех их участников, усиливая действия первоначального инвестора, в том числе направленные на борьбу с бедностью населения.

Мультипликатор автономных расходов как пассивный инструмент увеличения доходов населения действует без целенаправленных усилий государства и частных инвесторов, сопровождая все крупные, а также совокупности средних и мелких инвестиционных проектов. Но пассивное действие мультипликатора как инструмента повышения доходов населения достаточно непредсказуемо. Отсутствие необходимых производственных мощностей и неспособность их создания в сжатый период времени приведут к тому, что мультипликативный процесс не будет

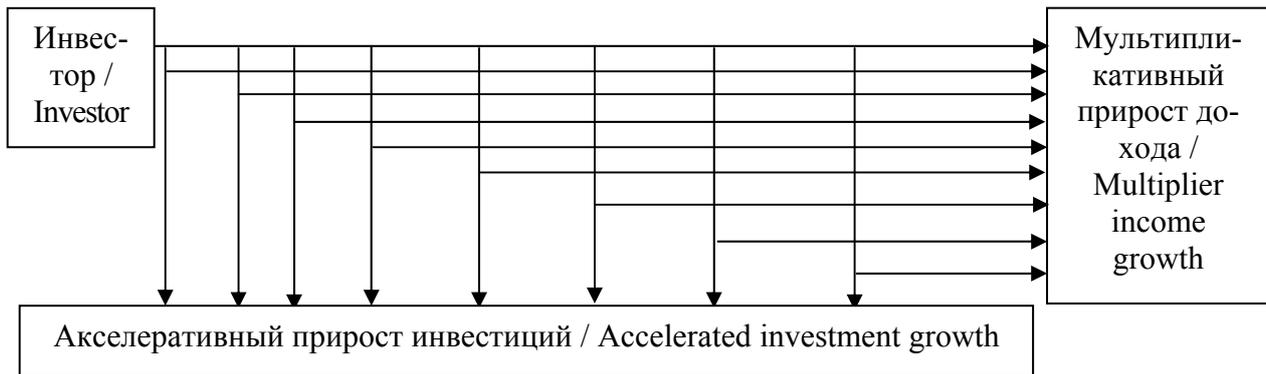

Рис. 3 / Fig. 3. Формирование группы мультипликативных цепочек передачи дохода / Formation of a group of multiplicative income transfer chains

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

поддержан действием акселератора инвестиций и ограничится видом, представленным на рис. 1. Вследствие того, что мультипликативный прирост спроса не будет удовлетворен соответствующим приростом предложения, он начнет генерировать инфляцию.

Большая доля импортных закупок в мультипликативных цепочках приведет к тому, что действия первоначального инвестора во многом обусловят прирост дохода жителей иностранных государств, не оказывая положительного влияния на динамику доходов российских граждан.

В период кризиса мультипликатор автономных расходов усиливает процесс снижения доходов граждан, распространяя его по мультипликативным цепочкам в виде сокращения спроса.

В такой ситуации влияние мультипликатора может быть незапланированным и негативным. Нестандартная кризисная ситуация, подобная той, с которой столкнулась российская экономика в 2020 г., требует активного использования мультипликативных эффектов для роста доходов населения.

МУЛЬТИПЛИКАТОР АВТОНОМНЫХ РАСХОДОВ КАК АКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

Активное использование мультипликатора автономных расходов для повышения доходов населения заключается в контроле над шириной распространения мультипликативных цепочек через управление значением мультипликатора. На практике это можно реализовать по двум направлениям:

1) управление величиной мультипликатора автономных расходов путем изменения величин оттоков из мультипликативного процесса;

2) управление величиной мультипликатора автономных расходов посредством изменения отраслевых и региональных точек приложения первоначальных инвестиций.

Первое направление осуществляется посредством изменения ставок налогов, величины предельной склонности к импорту, а также величины предельной склонности к сбережению.

Инвестиции, позволяющие создавать отечественную продукцию, качество которой не уступает лучшим мировым образцам, а цена сопоставима с ними или ниже, позволят сокращать предельную склонность населения к импорту, что увеличит величину мультипликатора автономных расходов через удлинение его цепочек. Все большая часть дохода будет передаваться по ним в России, вовлекая все большее количество людей в процесс прироста дохода.

Сокращение налогов окажет на величину мультипликатора сходное действие, но при его применении необходимо учитывать, что:

- при значительных объемах импорта большая часть инициированных сокращением налогов мультипликативных цепочек будет перемещена в экономику иностранных государств;
- пандемия COVID-19 привела к сокращению доходов бюджетов всех уровней и росту объемов социальных расходов, сделав уменьшение налогов достаточно затруднительным.

Сокращение величины предельной склонности к сбережению увеличит величину мультипликатора автономных расходов, но будет работать в эконо-

мике с незакредитованным населением, обладающим достаточно высокими доходами.

Следовательно, в условиях длительного снижения цен на углеводороды в целях повышения доходов населения наиболее эффективным инструментом управления величиной мультипликатора автономных расходов служат инвестиции в производство, не только создающие дополнительные рабочие места, но и способствующие уменьшению объемов импорта продукции.

Второе направление управления величиной мультипликатора автономных расходов заключается в поиске на экономической карте Российской Федерации таких точек, инвестиции в которые дадут наибольший мультипликативный эффект.

Поиск таких точек осуществляется в три этапа. На первом этапе рассчитываются значения мультипликаторов автономных расходов для регионов Российской Федерации. На втором этапе рассчитываются отраслевые значения мультипликаторов автономных расходов в рамках экономик отдельных российских регионов. Третий этап — выбор точек с наибольшим региональным и отраслевым мультипликативными эффектами для осуществления в них инвестиционных проектов.

Приложение инвестиций к этим точкам позволит получить максимальный мультипликатив-

ный эффект, в наибольшей степени распространяя мультипликативные цепочки, передающие доход, в другие отрасли и регионы. Подобное распространение формирует более широкую по своему ареалу область экономического роста, сопровождаемого увеличением доходов населения.

ВЫВОДЫ

Мультипликатор автономных расходов является пассивным усилителем эффекта инвестиций вне зависимости от желаний инвесторов. Это инструмент, который нельзя «выключить». Но бесконтрольное пассивное распространение мультипликативных эффектов может свести к минимуму результаты усилий государства и частных инвесторов по обеспечению роста доходов граждан за счет переноса этих результатов за границы национальной экономики.

С учетом того, что региональное значение мультипликатора зависит от отраслевых значений и отраслевой структуры региональной экономики, рост инвестиций в отрасли с высоким значением мультипликатора увеличит их долю в экономике региона, что приведет к росту значения регионального мультипликатора, делая регион более привлекательным для инвестиций, создающих рабочие места и позволяющих его жителям повысить свой доход.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

ACKNOWLEDGEMENT

The article is based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment to the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Басенкова Е.В. Реальные доходы россиян снижаются пятый год подряд // Научное образование. — 2020. — Т. 8. — № 3. — С. 374–376.
Basenkova E. V. Real incomes of Russians fall for the fifth consecutive year. *Nauchnoe Obrazovanie = Science Education*. 2020;8(3):374–376. (In Russ.).
2. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я., Чумакова Ю.Б. Эпидемиологический кризис в первой половине 2020 г.: социально-экономическое положение населения // Экономическое развитие России. — 2020. — Т. 27. — № 10. — С. 60–72. — ISSN 2306–5001.
Maleva T. M., Grishina E. E., Burdjak A. Ja., Chumakova Ju. B. Epidemiological crisis in the first half of 2020: socio-economic situation. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Russian Economic Developments*. 2020;27(10):60–72. (In Russ.).
3. Соколова Е.С., Егорова Л.И., Мехдиев Э.Т., Торопова Н.В. Сланцевая революция в мире: достижения и перспективы // Нефтегазовое дело — 2020. — Т. 18. — № 4. — С. 27–39. — DOI: 10.17122/ngdelo-2020-4-27-39.

- Sokolova E. S., Egorova L. I., Mekhdiiev E. T., Toropova N. V. Worldwide shale revolution: successes and prospects. *Neftegazovoe delo = Oil and gas business*. 2020;18(4):27–39. (In Russ.).
4. Иванов Н. А., Шуркалин А. К. Трансформация мировой энергетики: факторы перемен и возможные последствия // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. — 2019. — Т. 179. — № 11 — С. 28–31. — DOI: 10.33285/1999–6942–2019–11(179)-28–31
Ivanov N. A., Shurkalin A. K. Transformation of the global energy system: factors of changes and possible consequences. *Problemy jekonomiki i upravlenija neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of the oil and gas complex*. 2019;179(11):28–31. (In Russ.).
  5. World Energy Outlook 2020. Paris: International Energy Agency; 2020. 457 p.
  6. Communication from the commission to The European Parliament, The Council, The European Economic and Social Committee and The Committee of The Regions. Stepping up Europe's 2030 climate ambition. Investing in a climate-neutral future for the benefit of our people. Brussels: European Commission; 2020. 26 p.
  7. Говорова Н. В. Качество экономического роста в контексте целей устойчивого развития ООН // Стандарты и качество. — 2019. — № 7. — С. 70–73. — ISSN 0038–9692.
Govorova N. V. The quality of economic growth in the context of the UN sustainable development goals. *Standarty i kachestvo = Standards and quality*. 2019;7:70–73. (In Russ.).
  8. Ерёмин В. В. Модель учета эффекта мультипликатора-акселератора при реализации инвестиционных проектов // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — № 3. — С. 574–588. — DOI: 10.31063/2073–6517/2020.17–3.5
Eremin V. V. Modelling the multiplier-accelerator effects of large investment projects. *Zhurnal jekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2020;17(3):574–588. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Владимирович Ерёмин — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра мониторинга и оценки экономической безопасности Института экономической политики и проблем экономической безопасности Департамента экономической безопасности и управления рисками Факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
villy.eremin@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Eremin — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Center for Monitoring and Evaluation of Economic Security, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Department of Economic Security and Risk Management, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia
villy.eremin@gmail.com

Статья поступила 24.12.2020; принята к публикации 25.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 24.12.2020; accepted for publication 25.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-109-118
УДК 332.368:628.54
JEL Q53, Q54, Q57

Зарубежная и российская практика использования механизмов финансирования в системе твердых коммунальных отходов

Т.Н. Седаш

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0067-4323>

АННОТАЦИЯ

Предметы исследования – инструменты и механизмы финансирования в системе обращения с твердыми коммунальными отходами. *Цели работы* – рассмотрение современных мировых тенденций в обращении с твердыми коммунальными отходами, выявление основных финансовых инструментов и механизмов финансирования в данной сфере. В настоящее время ежегодно в мире образуются более 4 млрд тонн твердых коммунальных отходов, что негативно влияет как на экологическое состояние планеты в целом, так и на здоровье и качество жизни каждого человека. *В результате исследования* выявлено, что Россия значительно отстает от развитых стран в переработке и повторном использовании отходов, в основном захоранивая их на полигонах, а часто на несанкционированных свалках. Основными инструментами финансирования в системе твердых коммунальных отходов в России являются тарифные платежи населения и компаний, а также бюджетные ассигнования, предоставляемые в виде субсидий, источником которых выступают неналоговые сборы – утилизационный и экологический. Одними из наиболее востребованных во всем мире механизмов привлечения внебюджетных средств в данную сферу являются механизмы государственно-частного партнерства и частной финансовой инициативы. В работе проведен анализ мировой практики использования контрактов государственно-частного партнерства в сфере обращения с отходами. *Сделаны выводы* о необходимости создания в России эффективной системы раздельного сбора мусора, без чего невозможна его дальнейшая утилизация и переработка. Для этого необходимо проводить стимулирующую тарифную политику в отношении населения и компаний, направленную на поощрение сортировки мусора, более широкое использование механизма государственно-частного партнерства для привлечения частных инвесторов в сферу обращения с твердыми коммунальными отходами не только в крупных городах и областях, но и в малых городах и населенных пунктах.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы; механизмы финансирования; финансовые инструменты; система обращения с отходами; государственно-частное партнерство

Для цитирования: Седаш Т.Н. Зарубежная и российская практика использования механизмов финансирования в системе твердых коммунальных отходов. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):109-118. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-109-118

ORIGINAL PAPER

Foreign and Russian Practice of Using Financing Mechanisms in the Municipal Solid Waste System

T.N. Sedash

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0067-4323>

ABSTRACT

The subjects of the research are the tools and mechanisms of financing in the system of solid municipal waste management. *The purpose of the work* is to review the current global trends in the management of solid municipal waste, to identify the main financial instruments and financing mechanisms in this area. Currently, more than 4 billion tons of solid municipal waste are generated annually in the world, which negatively affects both the ecological state of the

© Седаш Т.Н., 2021

planet as a whole, and the health and quality of life of each person. *As a result of the study*, it was revealed that Russia lags far behind developed countries in the processing and reuse of waste, mainly burying them in landfills, and often in unauthorized landfills. The main instruments of financing in the system of solid municipal waste in Russia are tariff payments of the population and companies and budget allocations provided in the form of subsidies, the source of which is non-tax fees – recycling and environmental. One of the most popular mechanisms for attracting extra-budgetary funds in this area is the mechanisms of public-private partnership and private financial initiative. The paper analyzes the world practice of using various public-private partnership contracts in the field of waste management, as well as Russian experience in this industry. *Conclusions are drawn* about the need to create an effective system of separate waste collection in Russia, without which its further disposal and recycling is impossible. To do this, it is necessary to introduce a stimulating tariff policy for the population and companies, aimed at encouraging waste sorting, and more widely use the mechanism of public-private partnership to attract private investors in the field of solid municipal waste management, not only in large cities and regions, but also in small towns and settlements.

Keywords: solid municipal waste; financing mechanisms; financial instruments; waste management system; public-private partnership

For citation: Sedash T.N. Foreign and Russian practice of using financing mechanisms in the municipal solid waste system. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):109-118. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-109-118

ВВЕДЕНИЕ

Один из важнейших приоритетов социального государства — улучшение демографической ситуации на основе осуществления мероприятий по снижению уровня смертности населения и созданию предпосылок для стабилизации показателей рождаемости, что достигается оптимизацией жизненной среды людей посредством обеспечения экологической безопасности, которая во многом определяется эффективностью системы обращения с отходами. На одного жителя земли ежегодно приходится 48 тонн отходов [1]. Принятие мер по предотвращению образования отходов, их переработка и утилизация позволяют снижать их негативное воздействие на окружающую среду на протяжении всего жизненного цикла продуктов от их изготовления до утилизации остатков. Согласно данным Международной ассоциации твердых коммунальных отходов (*The International Solid Waste Association, ISWA*) ежегодно в мире образуются более 4 млрд тонн твердых коммунальных отходов (далее — ТКО). Причем только 19% из них идут в переработку, 11% сжигаются посредством применения современных технологий, а остальные свозятся на свалки и мусорные полигоны [2]. В России в 2018 г. с территорий городских поселений было вывезено 53,9 млн тонн ТКО (0,74% от общего количества образованных отходов), что превысило уровень 2017 г. на 0,4%¹.

¹ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2018 году». М.: Минприроды России; НПП «Кадастр», 2019. 844 с.

К ТКО относятся отходы, образующиеся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд, а также отходы от деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, подобные по составу отходам, образующимся в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами.

ЭТАПЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТКО

В настоящее время 86% стран мира приняли законы, регулирующие обращение с ТКО. В мировой практике технологические этапы обращения с ТКО иллюстрируются в порядке убывания приоритетности предпочтения выбора способов обработки отходов, названном лестницей Лансинка (*Lansink's ladder*)²:

- предотвращение образования;
- повторное использование;
- переработка;
- компостирование;
- сжигание (с генерацией энергии);
- захоронение.

Наиболее развитые страны, полностью придерживающиеся 27 принципов устойчивого развития, сформулированных в декларации, утвержденной

² Отходы в России: мусор или ценный ресурс? Сценарии развития сектора обращения с твердыми коммунальными отходами. Отчет Международная финансовая корпорацией (IFC, Группа Всемирного банка), 2010. С. 27.

на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г., применяют технологичные этапы, находящиеся на верхних ступенях лестницы Лансинка, а наименее развитые (включая Россию) — на нижних ступенях. В настоящее время развитые страны мира вводят требования и нормативы по переработке и повторному использованию ТКО и запретительные меры по их захоронению. Так, в ЕС еще в 2008 г. были разработаны и установлены основные принципы организации системы обращения с ТКО в директиве 2008/98/ЕС «Об отходах и отмене ряда директив», которая содержит требования к сбору, переработке и утилизации отходов для достижения показателя 65% утилизации от общего количества отходов и 10% допустимого захоронения отходов на территории ЕС. К настоящему времени в ЕС принято около 20 директив, касающихся различных аспектов обращения с отходами.

На сегодняшний день в Германии во вторичное сырье перерабатывается 67%, в Швеции — 49%, в США — 35%, в Японии — 21%, в России — 7% ТКО; сжигаются в Германии 32%, в Швеции — 50%, в США — 16%, в Японии — 69%, в России — 3% ТКО; захораниваются в Германии 1%, в Швеции — 1%, в США — 49%, в Японии — 10%, в Швейцарии — 0% [3], в России — 90% ТКО. Кроме того, помимо зарегистрированных полигонов для захоронения отходов, в Российской Федерации постоянно увеличивается количество несанкционированных свалок, в частности в период 2010–2015 гг. было выявлено более 170 тыс. таких свалок [4].

Современной мировой тенденцией является переход на замкнутый цикл производства (циркулярная экономика), отличающийся безотходностью, малоотходностью и вторичным использованием ТКО в производстве [5, 6]. Например, Германия уже перешла на такой тип производства. В Японии из сожженного мусора строят острова и здания, производят электроэнергию. При этом применяется экологичная технология плазменной газификации без образования смолы и токсичных отходов.

В Российской Федерации принят национальный проект «Экология», включающий 11 федеральных проектов, два из которых непосредственно касаются обращения с ТКО: «Чистая страна» и «Комплексная система обращения с ТКО». В соответствии с этими проектами планируются создание комплексной системы обращения с ТКО, ликвида-

ция всех свалок и рекультивирование территорий, на которых они размещены, создание условий для вторичной переработки всех запрещенных к захоронению отходов производства и потребления. В рамках проекта «Чистая страна», например, в Московской области планируется уменьшить объем захоронения ТКО с 9,5 млн тонн в 2017 г. до 6,5 млн тонн в 2025 г., а Татарстан — сделать пилотным регионом, в котором будут перерабатываться 100% мусора.

ИНСТРУМЕНТЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ТКО

В мировой практике финансирование обращения с ТКО осуществляется посредством применения следующих инструментов: платежи, осуществляемые физическими и юридическими лицами по установленным тарифам, государственные субсидии и гранты, экологические налоги и сборы, концессионные займы. При этом большинство развитых стран используют финансовые меры стимулирования технологических этапов обращения с ТКО, находящихся на верхних ступенях лестницы Лансинка, и вводят штрафы или дополнительные налоги в отношении этапов, находящихся на нижних ступенях этой лестницы. Например, к таким мерам относятся дополнительные налоги на полигонное захоронение отходов и их сжигание; использование различных вариантов схемы «платишь столько, сколько выбрасываешь». При этом прослеживается прямая зависимость ставки налога на полигонное размещение ТКО от роста переработки отходов. Например, в Нидерландах, если отходы вывозятся на полигон или сжигаются, за них платят домохозяйства (из расчета примерно 13 евро за тонну), при этом отходы, сданные на переработку, сборами не облагаются. В результате в таких странах, как Германия, Австрия и Бельгия, перерабатываются почти 100% отходов.

В Российской Федерации объем финансирования комплексной системы обращения с ТКО на срок до 2024 г. составляет 291 млрд руб., в том числе из федерального бюджета — около 104 млрд руб. Основным источником финансирования обращения с ТКО являются платежи по единому тарифу за оказание услуг региональным оператором по обращению с ТКО, включающему плату за обработку, обезвреживание и захоронение отходов. Данный тариф определяется региональ-

ным оператором и является единым для каждого субъекта Российской Федерации. Аналогично тарифам на коммунальные услуги платеж за ТКО формируется для конкретного пользователя по принципу «издержки плюс» с учетом площади жилья, где зарегистрированы потребители, а оказание услуги нормируется в расчете на квадратный метр. Данный принцип аналогичен платежу за электроэнергию без учета показаний счетчика и не может стимулировать потребителя к сортировке мусора для дальнейшей переработки. Основная причина огромного отставания России от большинства развитых стран в переработке отходов — отсутствие системы раздельного сбора мусора в зависимости от вида ТКО. Например, в Германии используют до восьми контейнеров для различного вида мусора, а в Швеции, где 45% всей электроэнергии страны вырабатывается благодаря переработке отходов в результате их раздельного сбора, даже образовался их дефицит и возникла потребность в импорте до 800 тыс. тонн ТКО из Норвегии [7].

Вторым по величине источником финансирования обращения с ТКО после платежей населения и компаний по установленным тарифам являются бюджетные ассигнования, предоставляемые в виде субсидий, которые формируются за счет неналоговых сборов — утилизационного и экологического. Утилизационный сбор выплачивается отечественными изготовителями, импортерами и владельцами автомобилей (за каждое колесное средство) в целях обеспечения экологической безопасности. Данный сбор составил в 2012 г. 18,7 млрд руб., в 2016 г. — 137,1 млрд руб., в 2017 г. — 205,9 млрд руб., в 2018 г. — 263,2 млрд руб., что равнялось 76% от общей статьи доходов «Платежи при пользовании природными ресурсами» [8]. В 2017 г. началось поступление средств от экологического сбора с производителей и импортеров установленной группы товаров (включая упаковку). Расходование полученных бюджетных средств осуществляется посредством предоставления субсидий субъектам Российской Федерации на софинансирование мероприятий региональных программ в области обращения с отходами. Объемы средств, поступивших в федеральный бюджет в виде экологического сбора, пока относительно невелики: в 2017 г. они были на уровне 1,33 млрд руб., или менее 0,4% от общих доходов по статье «Платежи при пользовании природными ресур-

сами», в 2018 г. — соответственно 2,59 млрд руб., или 0,75%.

Следует отметить, что в национальном проекте «Экология» (2018–2024 гг.) поставлена цель уменьшения объема захоронения отходов и увеличения до 60% доли ТКО, отправленных на обработку, и до 36% — доли утилизированных ТКО. Предусмотрено вложить 296,2 млрд руб. инвестиций, из которых почти 108 млрд руб. из федерального бюджета на рекультивацию свалок и строительство мусороперерабатывающих и сортирующих заводов. Частично эти средства будут распределены в виде субсидий российским экологическим операторам. Планируется также привлечь 182 млрд руб. внебюджетных средств.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБРАЩЕНИЯ С ТКО

Одним из наиболее популярных во всем мире механизмов привлечения внебюджетных средств является реализация инфраструктурных проектов с участием государственно-частного партнерства (далее — ГЧП). В мировой практике стоимость оказания более 30% услуг по обращению с отходами, начиная от первичного сбора и заканчивая переработкой, оплачивается средствами от деятельности ГЧП. В 54% стран действует специальное законодательство, регламентирующее использование механизма ГЧП в сфере обращения с отходами [8]. Привлечение частных партнеров для реализации инфраструктурных проектов, в частности проектов, связанных с обращением с ТКО, позволяет не только использовать внебюджетные источники финансирования, но и повышать эффективность реализации современных технологий. Например, в Стамбуле, при использовании механизма ГЧП в реализации проектов по сбору мусора экономия составила 38% по сравнению с проектами, осуществляемыми только государственным оператором [9]. В Лахоре, Пакистан, благодаря привлечению к уборке ТКО частной компании не только увеличился охват сбора мусора с 51 до 88%, но и усилился мониторинг за отходами с помощью транспортных средств [10]. Определенный интерес представляет опыт восточноевропейских стран, вступивших в Евросоюз в начале XXI в. и не имевших современных технологий обращения с ТКО. Благодаря привлечению

Таблица 1 / Table 1

**Формы организации оказания услуг в сфере обращения с ТКО, используемые в мировой практике /
Forms of organization of MSW services used in world practice**

Этапы и действия по обращению с ТКО / Stages and actions of MSW management	Виды контрактов					
	Муниципальный сервис, в % / Municipal service, %	Концессия, в % / Concession, %	Франшиза*, в % / Franchise, %	Аренда**, в % / Lease, %	Управление***, в % / Management, %	Прочие формы ГЧП, в % / other forms of public-private partnership, %
Первоначальный сбор / Primary collection	48	34	11	7	-	-
Вторичный сбор (сортировка) / Secondary collection	64	30	-	-	3	3
Пункты накопления, перегрузки или перевалочные пункты сбора / Transfer station or intermediate collection point	47	31	-	-	16	6
Утилизация и переработка / Disposal and treatment	47	18	-	-	8	27
Уборка городов от мусора / City cleaning	73	20	-	-	2	5

Примечание: *франшиза – государственный контракт с частной фирмой о предоставлении долгосрочных услуг в определенных областях; **аренда – контракт между частным оператором и муниципалитетом о предоставлении последним в пользование государственных активов за определенную плату; ***управление – контракт, в соответствии с которым правительство нанимает частного оператора для эксплуатации объекта по переработке и утилизации отходов.

Источник / Source: составлено автором по данным / compiled by the author based on data Silpa Kaza, Lisa Yao, Perinaz Bhada-Tata, Frank Van Woerden What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050. The World Bank, 2018.

в данную отрасль частных инвесторов, внедрению проектного финансирования, применению различных форм ГЧП в прибалтийских странах, Чехии, Венгрии, Словакии уже к 2005 г. практически полностью было прекращено захоронение ТКО на неконтролируемых свалках, а доля перерабатываемых отходов увеличилась с нуля до 20–25% [11]. Основные формы организации и финансирования проектов обращения с ТКО, используемые в мировой практике, представлены в табл. 1 и 2.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее популярной формой привлечения частных партнеров в инвестиционные проекты, связанные с обращением с ТКО, являются концессионные соглашения и прочие формы ГЧП.

Если же рассматривать данные контракты с точки зрения их продолжительности, то большая часть контрактов заключается на пять-десять лет (от 38% в сфере утилизации и переработки отходов, до 73% – в сфере накопления и перегрузки для дальнейшей транспортировки на полигоны и мусороперерабатывающие заводы), второе место занимают контракты, заключаемые на срок менее пяти лет (от 20% в сфере накопления и перегрузки отходов, до 42% – в уборке городов), контракты на срок более 20 лет заключаются преимущественно в сфере утилизации и переработки отходов и составляют 24% от общего числа контрактов. По проектам захоронения отходов на полигонах около 35% контрактов действуют на срок десять или более лет. При уборке городов от мусора ис-

Таблица 2 / Table 2

Субъекты финансирования проектов в сфере обращения с ТКО / Subjects of financing projects in the field of MSW management

Этапы и действия по обращению с ТКО / Stages and actions of MSW management	Национальное правительство, % / National government, %	Муниципалитет, в % / Local government, %	Частный сектор, % / Private sector, %	Другое, % / Other, %
Первоначальный сбор / Primary collection	25	48	12	15
Вторичный сбор (сортировка) / Secondary collection	21	50	16	13
Пункты накопления, перегрузки или перевалочные пункты сбора / Transfer station or intermediate collection point	10	57	24	10
Утилизация и переработка / Disposal and treatment	22	41	26	11
Уборка городов от мусора / City cleaning	20	59	10	11

Источник / Source: составлено автором по данным / compiled by the author based on data Silpa Kaza, Lisa Yao, Perinaz Bhada-Tata, Frank Van Woerden What a Waste 2.0: A Global Snapshot of Solid Waste Management to 2050. The World Bank, 2018.

пользуются различные организационные модели. Например, в Сан-Франциско (США) услуги по сбору мусора для всего города оказывает один частный оператор, что позволяет ему внедрять новые технологические модели, а также способствует стандартизации услуг. В Сингапуре разные операторы обслуживают различные районы, что развивает конкуренцию на рынке. Однако именно муниципальные службы играют главную роль в уборке городов (73% от всех видов контрактов в сфере обращения с ТКО).

В мировой практике основное финансирование проектов в сфере обращения с ТКО осуществляется муниципалитетами (табл. 2). Основные инвестиции частного сектора осуществляются на этапах утилизации и переработки (26%) и создания пунктов накопления и перегрузки мусора для его дальнейшей транспортировки к местам захоронения или переработки.

Наряду с вышерассмотренными формами ГЧП в мировой практике для реализации и финансирования инфраструктурных проектов в сфере обращения с ТКО используется механизм частной финансовой инициативы (*Private Finance Initiative*, далее — *PFI*), под которым понимается долгосрочный контракт (25–40 лет) передачи государством

частным компаниям — операторам прав на строительство и эксплуатацию объектов общественного пользования (школ, дорог, коммунальной инфраструктуры, больниц, линий метро и т.п.).

Механизм *PFI* наиболее распространен в Великобритании, Канаде, Австралии, Ирландии, Норвегии, Чехии, Франции, Нидерландах, Португалии, Индии, США, Японии, Малайзии. В российском законодательстве таких контрактов не предусмотрено. Впервые механизм *PFI* стал применяться в Великобритании в 1990-х гг. и к 2020 г. на разной стадии реализации находились более 700 проектов *PFI* с общей капитальной стоимостью 57 млрд фунтов стерлингов. При этом 571 проект *PFI* осуществлялся без делегирования основных полномочий правительственным органам. Из них первое место по количеству проектов (463 проектов, или 81%) занимали проекты строительства объектов социальной инфраструктуры (школы, больницы и т.п.), а проекты обращения с отходами составляли всего 5% (31 проект) от общего числа проектов [12]. Модель *PFI* предполагает, что единый платеж будет покрывать все расходы по проекту, снижая риски частных инвесторов. По истечении срока действия проекта *PFI* полученные дополнительные доходы будут выплачены инвесторам, и компания

SPV (*Special Purpose Vehicle* — компания специального назначения, осуществляющая проект) будет закрыта. Для государственного партнера предусмотрена возможность удержания части единой платы, выплачиваемой частному партнеру в случае неудовлетворительной работы последнего. Условия, в связи с которыми могут производиться вычеты, отличаются в зависимости от контракта. По некоторым проектам может быть предусмотрена возможность создания фонда удержания (*Retention Fund*), который позволяет государству удерживать часть выплат частному партнеру за некачественно выполненные работы по обслуживанию объекта. Таким образом, данный фонд призван стимулировать компании *SPV* более качественно производить работы, чтобы в дальнейшем снижать затраты на техническое обслуживание и ремонтные работы по возводимому объекту. По ряду контрактов в качестве альтернативы созданию фонда удержания предусмотрены гарантийные обязательства.

Государство в лице профильных департаментов и министерств также предоставляет льготные кредиты частному партнеру для реализации проектов. Например, в 2005 г. Департамент окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства (*DEFRA*) Великобритании предоставил кредиты *PFI* на сумму до 100 млн фунтов стерлингов на проекты по утилизации отходов ТКО.

Однако следует отметить, что в 2018 г. правительство Великобритании приняло решение не использовать больше модель *PFI* для реализации инфраструктурных проектов, но начатые проекты будут продолжать реализовываться. Таким образом, данный механизм финансирования проектов будет применяться до 2025 г. Отмечается, что существуют проблемы, связанные со стандартизацией проектов, управлением — ответственность за управление этими контрактами возлагается на различные структуры, в результате за 700 проектов *PFI* отвечают 328 различных государственных органов управления, причем один проект контролируется 182 административными органами. Кроме того, увеличиваются риски участия частного инвестора — десять крупнейших частных инвесторов владеют более 50% контрактов *PFI*, а ведущие шесть управляющих компаний реализуют почти 45% всех проектов [12].

Определенный интерес применения механизма *PFI* в сфере обращения с ТКО представляет опыт Японии, где закон о *PFI* был принят в 1999 г., а до

этого частный сектор не принимал участия в сборе и утилизации мусора. В соответствии с законом о *PFI* ответственность за разработку политики, связанной с внедрением данного механизма финансирования и реализации проектов, несет премьер-министр; срок действия проектов *PFI* ограничен 30 годами; при необходимости государство может предоставлять землю под проект бесплатно или по сниженной цене; для наиболее значимых проектов национальное правительство может предоставлять беспроцентные ссуды через Банк развития Японии [13]. Наряду с государственными субсидиями на этапе строительства объекта в рамках проектного финансирования предоставляются кредиты по проектам *PFI*, следуя примеру Великобритании, где казначейство обеспечивает выплаты по кредитам на выполнение проектов *PFI* через реализующие их министерства и агентства.

Использование механизма *PFI* на двух мусоросжигательных заводах в городах Нагоя и Одате позволило снизить затраты на данные проекты примерно на 32% по сравнению только с государственным финансированием. Основными причинами такого снижения были повышение рентабельности собственного капитала за счет использования заемных средств (финансовый левиредж); минимизация технических рисков благодаря внедрению современных технологий; оптимизация затрат всего жизненного цикла проекта за счет интеграции проектирования, строительства и эксплуатации; снижение затрат на рабочую силу за счет управления частной компанией. Кроме того, мусоросжигательный завод *Narumi* в городе Нагоя, построенный по схеме ВТО (строительство — передача — эксплуатация), был передан во владение муниципалитету, и частный оператор будет эксплуатировать его в течение 20 лет, получая прибыль от производства электроэнергии на свалочном газе.

В России также начали использовать механизм ГЧП в сфере обращения с ТКО. В Стратегии развития промышленности по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов производства и потребления на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25.01.2018 № 84-р, говорится о необходимости активного использования механизма ГЧП для финансирования проектов отрасли. По данным платформы поддержки инфраструктурных проектов «РосИнфра» (составитель — Национальный центр

Таблица 3 / Table 3

**Механизмы реализации инфраструктурных проектов в сфере обращения с ТКО /
Mechanisms for implementing infrastructure projects in the field of MSW management**

Механизм реализации инфраструктурного проекта / Infrastructure project implementation mechanism	Количество / Quantity
Концессионное соглашение / Concession agreement	103
Договор аренды (безвозмездного пользования) с инвестиционными обязательствами / Lease agreement with investment obligations	8
Контракт жизненного цикла или долгосрочный государственный / муниципальный контракт с инвестиционной составляющей / Life cycle contract or long-term state / municipal contract with an investment component	9
Инвестиционный договор (соглашение) / Investment agreement	3
Соглашение о ГЧП / Agreement on public-private partnership	1

Источник / Source: составлено автором по данным Базы инфраструктурных проектов РОСИИФРА / compiled by the author based on the ROSINFRA Infrastructure Projects Database.

ГЧП) на сегодняшний день на разной стадии реализации находятся 124 инфраструктурных проекта в сфере обращения с ТКО. Примерно 70% проектов осуществляются на муниципальном и 30% — на региональном уровнях. Наибольшее количество проектов в сфере обращения с ТКО реализуется в Центральном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах, однако в малых городах и населенных пунктах механизм ГЧП практически не используется. Механизмы реализации данных проектов представлены в *табл. 3*.

Таким образом, среди механизмов реализации и финансирования проектов в сфере обращения с ТКО преобладают концессионные соглашения, а основными доходами частного партнера являются плата концедента и тарифная выручка.

В ближайшие десять лет в нашей стране будут построены 25 заводов по переработке мусора в электроэнергию в соответствии с соглашением, заключенным между ВЭБом, Ростехом и Росатомом. Проект по энергетической утилизации ТКО на 600 млрд руб. планируется реализовать с участием частных инвестиций (примерно на 400 млрд руб.). Предполагается, что строительство данных заводов поможет сохранить около

60 тыс. гектаров земель, закрыть 25 действующих мусорных полигонов и предотвратить появление более 80 новых свалок.

ВЫВОДЫ

Перед Россией стоит важная задача создания эффективной системы раздельного сбора мусора, без чего невозможны его дальнейшая утилизация и переработка. Финансирование обращения с ТКО в настоящее время не ориентировано на стимулирование раздельного сбора и переработки мусора. Необходимо адаптировать зарубежную систему поощрения домохозяйств и компаний к раздельному сбору и сортировке ТКО, что должно быть заложено в тарифы на обслуживание по вывозу ТКО; разработать финансовые стимулы для создания технологических цепочек по переработке отходов, стимулирования именно их переработки, а не захоронения (за счет тарифов, штрафов, налоговых льгот, льготного кредитования). В настоящее время основными проблемами, связанными с развитием сферы обращения с ТКО, являются непрозрачная тарифная политика, недостаточное привлечение в данную сферу частного сектора.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-010-00302 «Разработка механизмов проектного финансирования в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами и предложения по их внедрению»).

ACKNOWLEDGEMENT

The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Project No. 20-010-00302 “Development of project financing mechanisms in the field of solid municipal waste management and proposals for their implementation”).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мелихов В. В., Медведева Л. Н., Фролова М. В. Экологический императив в развитии национальной экономики: повышение потенциала микроводорослей // Юг России: экология, развитие. — 2020. — Т. 15. — № 3. — С. 117–131. — ISSN 1992–1098. — DOI: 10.18470/1992-1098-2020-3-117-131
2. Mavropoulos A., Wilson D. C., Appelqvist B., Velis C. A., Cooper J. Globalisation and Waste Management-Final Report from the ISWA Task Force. International Solid Waste Association (ISWA). Vienna: Austria, 2014.
3. Мочалова Л. А., Гриненко Д. А., Юрак В. В. Система обращения с твердыми коммунальными отходами: зарубежный и отечественный опыт. // Известия УГГУ. — 2017. — Вып. 3(47). — С. 97–101. — ISSN 2307–2091.
4. Бадалов Л. М., Седова Н. В., Мишагина М. В. Реализация ГЧП-проектов в сфере обращения с ТКО как механизм привлечения долгосрочных инвестиций // Качество. Инновации. Образование. — 2017. — Т. 144. — № 5. — С. 49–56. — ISSN 1999–513X.
5. Halkos George E., Kleoniki N. Petrou Moving towards a Circular Economy: Rethinking Waste Management Practices. *Journal of Economic and Social Thought*. 2016;3(2):220–40. URL: <http://www.kspjournals.org/index.php/JEST/article/view/854/912>.
6. Challenging Changes. Connecting waste hierarchy and circular economy. *Waste Management & Research*. 2018;36(10):872–872. DOI: 10.1177/0734242X18795600
7. Преликова Е. А., Юшин В. В., Вертакова Ю. В. // Лесотехнический журнал. — 2019. — Т. 9. — № 1 (33). — С. 187–195. — ISSN 2222–7962.
8. Silpa Kaza, Lisa Yao, Perinaz Bhada-Tata, Frank Van Woerden What a waste 2.0: a global snapshot of solid waste management to 2050. The World Bank. 2018
9. Dogan K., Suleyman S. Report: Cost and financing of municipal solid waste collection services in Istanbul. *Waste Management & Research*. November 2003;21(5):480–485. DOI: 10.1177/0734242X0302100511
10. Ashraf, Usman, Isbah Hameed, and Muhammad Nawaz Chaudhary. Solid waste management practices under public and private sector in lahore, Pakistan. *Bulletin of Environment Studies*. 2016;1(4):98–105.
11. Коростелева М. В., Коростелева Н. В. Обращение с твердыми коммунальными отходами как фактор обеспечения экологической безопасности: анализ зарубежного и российского опыта // Вестник Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Строительство и архитектура. — 2019. — № 3 (76). — С. 124–133. — ISSN 1815–4360.
12. Managing PFI assets and services as contracts end. Report by the Comptroller and Auditor General. National Audit Office. 29 May 2020.
13. Torsten Kleiss, Hidefumi Imura. The Japanese private finance initiative and its application in the municipal solid waste management sector. *International Journal of Project Management*. 2006;24:614–621. DOI: 10.1016/j.ijproman.2006.07.007

REFERENCES

1. Melikhov V. V., Medvedeva L. N., Frolova M. V. Environmental imperative in the development of the national economy: increasing the potential of microalgae. *Yug Rossii: ehkologiya, razvitie = South of Russia: ecology, development*. 2020;15;(3):117–131. (In Russ.). DOI: 10.18470/1992-1098-2020-3-117-131
2. Mavropoulos A., Wilson D. C., Appelqvist B., Velis C. A., Cooper J. globalisation and waste management-final report from the iswa task force. International Solid Waste Association (ISWA). Vienna: Austria; 2014.
3. Mochalova L. A., Grinenko D. A., Yurak V. V. Solid municipal waste management system: foreign and domestic experience. *Izvestiya UGGU = News of the Ural State Mining University*. 2017;3;(47):97–101. (In Russ.).

4. Badalov L. M., Sedova N. V., Mishagina M. V. Implementation of PPP projects in the field of MSW management as a mechanism for attracting long-term investments. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie = Quality. Innovations. Education*. 2017;5;(144):49–56. (In Russ.).
5. Halkos George E., Kleoniki N. Petrou moving towards a circular economy: rethinking waste management practices. *Journal of Economic and Social Thought*. 2016;3(2):220–40. URL: <http://www.kspjournals.org/index.php/JEST/article/view/854/912>.
6. Challenging Changes. Connecting waste hierarchy and circular economy. *Waste Management & Research*. 2018;36(10):872–872. DOI: 10.1177/0734242X18795600
7. Prelikova E. A., Yushin V. V., Vertakova YU.V. Environmental and economic priorities for separate waste collection. *Lesotekhnicheskii zhurnal = Forestry engineering journal*. 2019;9;(1/33):187–195. (In Russ.).
8. Silpa Kaza, Lisa Yao, Perinaz Bhada-Tata, Frank Van Woerden What a Waste 2.0: A global snapshot of solid waste management to 2050. The World Bank. 2018.
9. Dogan K., Suleyman S. Report: Cost and financing of municipal solid waste collection services in Istanbul. *Waste Management & Research*. November 2003;21(5):480–485. DOI: 10.1177/0734242X0302100511
10. Ashraf, Usman, Isbah Hameed, and Muhammad Nawaz Chaudhary solid waste management practices under public and private sector in Lahore, Pakistan. *Bulletin of Environment Studies*. 2016;1(4):98–105.
11. Korosteleva M. V., Korosteleva N. V. Solid municipal waste management as a factor in ensuring environmental safety: analysis of foreign and Russian experience. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Stroitel'stvo i arkhitektura = Bulletin of the Volgograd state University of architecture and civil engineering. Series: Construction and architecture*. 2019;76(3):124–133. (In Russ.).
12. Managing PFI assets and services as contracts end. Report by the Comptroller and Auditor General. National Audit Office. 29 May 2020.
13. Torsten Kleiss, Hideo Imura. The Japanese private finance initiative and its application in the municipal solid waste management sector. *International Journal of Project Management*. 2006;24:614–621. DOI: 10.1016/j.ijproman.2006.07.007

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Николаевна Седаш — кандидат экономических наук, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления, Финансовый университет, Москва, Россия
tnsedash@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana N. Sedash — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Financial University, Moscow, Russia
tnsedash@fa.ru

Статья поступила 06.11.2020; принята к публикации 07.02.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 06.11.2020; accepted for publication 07.02.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-119-129
УДК 332.142(045)
JEL C61, D74, Q32

Проектная реализация целей социальной корпоративной стратегии добывающей компании

И.Ю. Новоселова^а, А.Л. Новоселов^б

^а МГИМО (Университет) МИД России, Москва, Россия; Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5054-0676>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1495-4836>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – социальная корпоративная стратегия добывающих предприятий, соответствующая долгосрочным целям освоения природных ресурсов регионов России. *Цели работы* – постановка проблемы разработки проектов достижения заданных индикаторов, создание моделей и алгоритмов оптимального выбора проектов и определение очередности их реализации. В результате исследования предложен механизм проектной реализации целей социальной корпоративной стратегии добывающего предприятия для решения двух информационно и логически связанных задач: формирование оптимального набора проектов, требующих минимальных суммарных затрат на их реализацию, позволяющих достичь заданных значений индикаторов социальной корпоративной стратегии; определение очередности реализации выбранных проектов и построение динамики достижения каждого индикатора в разрезе целей стратегии. В статье приведен алгоритм эвристического метода, позволяющий устанавливать минимальный объем финансирования и порядок реализации проектов в заданных рамках социальной корпоративной стратегии добывающего предприятия. Благодаря использованию разработанных математических моделей и алгоритмов выполнение заданных стратегических целей обеспечивается при минимальных суммарных затратах. Для практического использования предложенных моделей и алгоритмов в статье приведен исчерпывающий пример проектной реализации цели «Охрана окружающей среды» социально-корпоративной стратегии нефтедобывающего предприятия.

Ключевые слова: добывающая компания; эвристический метод; социальная корпоративная стратегия; корпоративная социальная ответственность; иерархическая система; охрана окружающей среды; социальное государство

Для цитирования: Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л. Проектная реализация целей социальной корпоративной стратегии добывающей компании. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):119-129. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-119-129

ORIGINAL PAPER

Project Implementation of the Goals of the Mining Company's Social Corporate Strategy

I. Yu. Novosyolova^а, A. L. Novosyolov^б

^а MGIMO (University) Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; Financial University, Moscow, Russia;

^б Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5054-0676>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-1495-4836>

ABSTRACT

The subject of the study is the social corporate strategy of extractive enterprises that corresponds to the long-term goals of developing the regions of Russia. *The objectives of the work* are to formulate the problem of developing projects to achieve the specified indicators, to develop models and algorithms for the optimal selection of such projects and to determine the order of their implementation. As a result of the research, a mechanism for the project implementation of the goals of the social corporate strategy of the mining enterprise was created, which aims to solve two information

© Новоселова И.Ю., Новоселов А.Л., 2021

and logically related tasks: tasks 1 – the formation of an optimal set of projects that require minimal total costs for their implementation, allowing to achieve the set values of the indicators of the social corporate strategy; tasks 2 – determining the order of implementation of the selected projects and building the dynamics of achieving each indicator in the context of the strategy goals. The article presents an algorithm of the heuristic method that allows you to set the minimum amount of funding and the order of implementation of projects within the specified framework of the social corporate strategy of the mining enterprise. Thanks to the use of the developed mathematical models and algorithms, the achievement of the specified strategic goals is ensured at the minimum total cost. For the practical use of the proposed models and algorithms, the article provides an exhaustive example of the project implementation of the goal “Environmental Protection” of the socio-corporate strategy of an oil-producing enterprise.

Keywords: mining/extracting company; heuristic method; social corporate strategy; corporate social responsibility; hierarchical system; environmental protection; social state

For citation: Novosyolova I. Yu., Novosyolov A. L. Project implementation of the goals of the mining company's social corporate strategy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):119-129. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-119-129

ВВЕДЕНИЕ

Одним из национальных приоритетов России является деятельность по обеспечению гармоничного сочетания экономического и социального развития регионов страны посредством социально ориентированного развития субъектов экономических отношений различных отраслей на основе стратегии социальной корпоративной стратегии [1], представляющей собой комплекс направлений политики организаций и их действий, так или иначе связанный с ключевыми заинтересованными сторонами и предполагающий, кроме выполнения базовых требований законодательных норм, принятие дополнительных обязательств перед ними. Социальная корпоративная ответственность компании в рамках ее стратегического развития позволяет реализовывать высшие национальные приоритеты в интересах экономического и демографического развития регионов, создавать новые рабочие места, повышать благосостояние населения. Несмотря на общность концепции корпоративной социальной ответственности¹ [2, с. 429], в соответствии с которой организации учитывают интересы общества, возлагая на себя ответственность за влияние их деятельности на различные стороны социальной сферы, в России, странах Европы и США ставятся неодинаковые цели для добывающих и перерабатывающих компаний [3, с. 919]. Согласно результатам обобщения практики деятельности российских добывающих компаний целями социальной корпоративной стратегии являются:

- соблюдение корпоративной этики;
- охрана окружающей среды;
- рациональное использование природных ресурсов;
- гармонизация отношений с местным населением.

Стратегии добывающих компаний в области социальной корпоративной ответственности формируются под воздействием факторов, стимулирующих и сдерживающих их разработку. Так, факторами, стимулирующими переосмысление устоявшегося подхода к природоохранной деятельности, являются усилившаяся деградация окружающей природной среды под влиянием глобальных изменений климата [4, с. 27]; протесты населения, оказавшегося в зоне ответственности добывающих компаний и испытывающего неудобства от их хозяйственной деятельности [5–7]; ориентация на долгосрочное прогнозирование и устойчивое развитие, декларируемые в государственных и ведомственных документах. К факторам, сдерживающим разработку стратегий социальной корпоративной ответственности, относятся общее состояние нефтегазовой отрасли России, требующее инвестиций в основные производственные фонды, модернизацию производства, проведение геолого-разведывательных работ, а также отсутствие проектного механизма достижения целевых стратегических показателей природоохранной деятельности вертикально-интегрированных нефтяных компаний.

Актуализации социальной корпоративной ответственности добывающих компаний [8, с. 501] в наибольшей мере способствует рост добычи углеводородного сырья и других полезных ископаемых в арктической зоне страны. В силу этого разработка механизма проектной реализации целей социальной корпоративной

¹ Концепция социальной корпоративной стратегии представляет собой долгосрочные стратегические цели реализации социальной корпоративной ответственности компании.

стратегии приобретает особое научно-практическое значение [9, с. 1190].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ КОРПОРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Для реализации стратегических целей социальной корпоративной стратегии требуется разработка проектов в рамках подразделений в отдельности и добывающей компании в целом, которые должны осуществляться в рамках долгосрочной программы в сроки, необходимые для достижения стратегических целей социальной корпоративной стратегии. Российские и зарубежные компании разрабатывают собственные документы, ориентированные на обеспечение устойчивого развития, в том числе направленные на охрану окружающей среды и предотвращение конфликтов с коренным населением в соответствии с положениями конвенции Международной организации труда, а также декларации ООН о правах коренных народов (*UNDRIP*) [10, с. 621]. Например, в ПАО НК «Роснефть» утверждена приказом от 07.12.2017 № 760 политика компании в области устойчивого развития, где установлены основные принципы взаимодействия компании и коренных малочисленных народов [11, с. 556].

Посредством реализации отдельных проектов достигаются значения индикаторов, которые задаются при определении целей социальной корпоративной стратегии [12, с. 637]. В рамках каждой из этих целей выстраивается иерархическая система под названием «Цель социальной корпоративной стратегии — задача — индикатор», требующая использования одного или нескольких индикаторов. Например, для выполнения цели «Охрана окружающей среды» часто ставятся задачи снижения выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, ликвидации объемов ранее накопленных и образующихся в течение года отходов, рекультивации загрязненных нефтью участков земель (табл. 1).

Для каждого индикатора устанавливаются количественные значения, которые должны достигаться в течение периода, определяемого социальной корпоративной стратегией добывающей компании. При этом оценка стратегических значений отдельных индикаторов и принятие решение о возможных проектах по их достижению должны осуществляться при активном участии коренного населения [13, с. 21].

Ожидаемые результаты реализации проектов должны воспроизводиться хотя бы одним из используемых

индикаторов. При формировании программы реализации стратегии определяются сроки реализации проектов [14, с. 16], которые позволяют устанавливать динамику достижения индикаторов стратегии.

МЕХАНИЗМ ПРОЕКТНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ КОРПОРАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ

Механизм проектной реализации социальной корпоративной стратегии предполагает последовательное решение двух задач:

- *задача 1* — отбор проектов, позволяющих достигать установленные индикаторы разрабатываемой стратегии, на которые потребуются минимальные суммарные затраты;
- *задача 2* — формирование программы с порядком реализации выбранных при решении задачи 1 проектов на временном периоде, соответствующем разрабатываемой стратегии.

Для реализации задачи 1 предложена следующая экономико-математическая модель формирования оптимального набора проектов, позволяющих достичь заданного значения каждого j -го индикатора (W_j , $j = 1, 2, \dots, m$). Данная модель предполагает решение оптимизационной задачи, в которой рассматриваются все претендующие на реализацию проекты $i = 1, 2, \dots, n$. Это обусловлено тем, что часть проектов позволяет реализовывать достижение не одного, а ряда индикаторов стратегических целей добывающей компании. Искомой переменной задачей является переменная x_i , которая принимает значение единицы, если i -й проект используется для достижения стратегических целей добывающей компании, или значение нуля в противном случае. Модель решения поставленной задачи приведена ниже.

Критерием оптимизации выступает минимизация суммарных затрат на реализацию выбранных проектов:

$$\sum_{i=1}^n Z_i x_i \rightarrow \min \quad (1)$$

где Z_i — суммарные затраты на реализацию i -го проекта.

Сформированный набор проектов должен обеспечивать достижение заданных значений стратегических целей; поэтому в модель необходимо включить следующую систему ограничений:

$$\sum_{i=1}^n P_{ij} x_i \geq W_j, \quad j = 1, 2, \dots, m, \quad (2)$$

Пример системы индикаторов для оценки достижения задач цели «Охрана окружающей среды» /
An example of a system of indicators for assessing the achievement of the objectives of the goal
“Environmental Protection”

Задача / problem	Индикатор / Indicator
Снижение выбросов загрязняющих веществ / Reducing pollutant emissions	Удельные выбросы парниковых газов CO ₂ – кг на тонну продукции / Specific greenhouse gas emissions CO ₂ – kg per ton of product
	Удельные выбросы SO ₂ / Specific emissions of SO ₂
	Удельные выбросы NO _x / Specific NO _x emissions
Ликвидация объемов ранее накопленных и образующихся в течение года отходов / Elimination of volumes of waste previously accumulated and generated during the year	Отношение объема накопленных на конец периода отходов к их уровню начального года / The ratio of the volume of waste accumulated at the end of the period to their level of the initial year
Рекультивация загрязненных нефтью участков земель / Reclamation of oil-contaminated land	Отношение площади загрязненных земель на конец периода к уровню начального года / The ratio of the area of contaminated land at the end of the period to the level of the initial year

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

где P_{ij} – оценка достижения j -го индикатора цели при реализации i -го проекта.

Условие, накладываемое на область искомых переменных, записывается следующим образом:

$$x_i = \begin{cases} 1, & i = 1, 2, \dots, n. \\ 0 \end{cases} \quad (3)$$

Полученная модель является задачей линейного программирования с булевыми переменными. Для ее решения можно воспользоваться методом Фора и Мальгранжа или методом случайного поиска. При большом числе проектов последний метод более предпочтителен. Результатом решения данной задачи будут значения x_i^* , которые позволяют формировать множество выбранных проектов $i \in I^* = \{i : x_i^* = 1\}$, удовлетворяющих условиям (2) и критерию (1).

При решении задачи 2 необходимо перейти от суммарных затрат Z_i на реализацию выбранных проектов $i \in I^*$ к годовым затратам z_i посредством их расчета по следующей формуле:

$$z_i = \frac{Z_i}{t_i}, \quad i \in I^*, \quad (4)$$

где t_i – продолжительность реализации i -го проекта, лет.

Результатом решения задачи 2 является установление сроки начала T_i^H и окончания T_i^K реализации каждого проекта $i \in I^*$, а также ежегодного объема финансирования программы B . Для формирования критерия оптимальности необходимо иметь относительные оценки достижения цели $j = 1, 2, \dots, m$ при реализации проекта $i = 1, 2, \dots, n$:

$$K_{ij} = \frac{100}{W_j} P_{ij}, \quad j = 1, 2, \dots, m; \quad i = 1, 2, \dots, n. \quad (5)$$

Порядок реализации проектов должен учитывать их наибольшую ценность для достижения целей социальной корпоративной стратегии добывающей компании, т.е. произведения относительной оценки индикатора цели данного проекта K_{ij} на его

приоритетность C_j , т.е. $\sum_{j=1}^m K_{ij} C_j$. В этом случае

необходимо максимизировать суммарную ценность от реализации проектов от T_i^K до года достижения целей стратегии T^{CTP} :

$$\sum_{\tau=1}^{T^{CTP}} \sum_{i \in G_\tau} \sum_{j=1}^m K_{ij} C_j \rightarrow \max, \quad (6)$$

где $G_\tau = \{i : T_i^k < \tau\}$ — множество проектов, реализация которых завершена до года τ .

Год завершения реализации проекта T_i^k зависит от времени начала T_i^h данного проекта и продолжительности его реализации t_i :

$$T_i^k = T_i^h + t_i - 1, i \in I^*. \quad (7)$$

Искомые сроки T_i^h и T_i^k должны обеспечивать достаточность финансирования параллельно выполняющихся проектов в каждый момент времени $\tau = 1, 2, \dots, T^{\text{стр}}$ при искомом объеме финансирования B :

$$\sum_{i \in J_\tau} Z_i \leq B, \tau = 1, 2, \dots, T^{\text{стр}}, \quad (8)$$

где $J_\tau = \{i : T_i^h \leq \tau \leq T_i^k\}$ — множество проектов, которые выполняются в год τ .

Проекты, позволяющие достичь заданных значений индикаторов, должны быть осуществлены в пределах периода реализации стратегии $T^{\text{стр}}$ за вычетом одного года, поскольку результаты от выполнения проектов будут получены не ранее года, следующего за годом завершения выполнения данного проекта:

$$\max_{i \in I^*} \{T_i^k\} = T^{\text{стр}} - 1 \quad (9)$$

Модель (6)–(9) является моделью теории расписаний и для ее решения следует воспользоваться эвристическим алгоритмом, который приведен ниже.

АЛГОРИТМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

Для формирования расписания реализации проектов достижения стратегических целей разработан нижеследующий алгоритм.

Шаг 1. Задание объема финансирования на уровне B в рамках расчетного горизонта T для каждого года $\mu = 1, 2, \dots, T$:

$$D_\mu = B, \mu = 1, 2, \dots, T. \quad (10)$$

Начальный объем финансирования рекомендуется принимать на уровне 30% от суммарных годовых затрат на реализацию проектов $i \in I^*$.

Шаг 2. Формирование множества не включенных в расписание проектов, в которое предварительно включаются все проекты:

$$A = \{i \in I^*\}. \quad (11)$$

Шаг 3. Расчет относительной оценки достижения цели $j = 1, 2, \dots, m$ при реализации проекта $i \in I^*$:

$$K_{ij} = \frac{100}{W_j} P_{ij}, j = 1, 2, \dots, m; i \in I^*. \quad (12)$$

Шаг 3. Выбор проекта i^* для определения времени его реализации

$$i^* = \min_i \left\{ i : \max_{i \in A} \left[\sum_{j=1}^m K_{ij} C_j \right] \right\}. \quad (13)$$

Шаг 4. Установление года начала непрерывной реализации выбранного проекта i^* с учетом возможности его финансирования:

$$T_{i^*}^h = \min_{\tau=1,2,\dots} \left\{ \tau : D_\mu \geq Z_{i^*}, \forall \mu = \overline{\tau, \tau + t_{i^*}} \right\}. \quad (14)$$

Шаг 5. Расчет года завершения выполнения проекта i^* :

$$T_{i^*}^k = T_{i^*}^h + t_{i^*} - 1. \quad (15)$$

Шаг 6. Уменьшение доступного объема финансирования с учетом включенного в расписание проекта i^* :

$$D_\mu = D_\mu - Z_{i^*}, \mu = \overline{T_{i^*}^h, T_{i^*}^h + t_{i^*}}. \quad (16)$$

Шаг 7. Исключение из множества A проекта i^* :

$$A = A - i^*. \quad (17)$$

Шаг 8. Проверка: $A = \emptyset$? Если нет, то не все мероприятия включены в расписание; осуществляется переход к шагу 3; в противном случае все проекты считаются включенными в планирование и расчет сроков реализации проектов завершен; реализуется переход к шагу 9.

Шаг 9. Проверка выполнения условия выполнения проектов в рамках периода реализации стратегии (9). Если условие (9) выполнено, то решение задачи 2 найдено. Если имеет место $\max_{i \in I^*} \{T_i^k\} > T^{\text{стр}} - 1$, то объем ежегодного финансирования уменьшается — $B = B - \Delta$; если же $\max_{i \in I^*} \{T_i^k\} < T^{\text{стр}} - 1$, то объем ежегодного финансирования увеличивается — $B = B + \Delta$ (шаг изменения объема финансирования рекомендуется задавать равным минимальному годовому объему затрат на реализацию проектов $\Delta = \min_{i \in I^*} \{z_i\}$). Осуществляется переход к шагу 1.

Таблица 2 / Table 2

Характеристики индикаторов достижения цели «Охрана окружающей среды» социальной корпоративной стратегии добывающей компании / Characteristics of indicators of achievement of the goal "Environmental protection" of the social corporate strategy of the mining company

Показатель / Indicator	Значения для индикаторов / Indicator values			
	J = 1	J = 2	J = 3	J = 4
Начальное значение индикатора / Initial value of the indicator	218	210	126	30
Конечное значение индикатора / Indicator end value	160	110	60	18
Изменение индикатора W_j / Change indicator W_j	58	100	86	12
Приоритет индикатора C_j / Indicator priority C_j	0,2	0,25	0,15	0,4

Таблица 3 / Table 3

Характеристики проектов, ориентированных на достижение заданных индикаторов / Characteristics of projects aimed at achieving the set indicators

Номер проекта i / Project number i	Суммарные затраты на реализацию проекта Z_i , млн руб. / Total costs of the project Z_i , million rubles	Оценка достижения индикатора P_{ij} / Assessment of indicator achievement P_{ij}			
		1	2	3	4
1	12	9	0	10	0
2	15	5	0	7	1,2
3	16	0	0	6	0
...	...	...	...	...	...
23	11	0	14	0	0,8
24	35	14	4	3	0
25	33	15	6	5	1

Пример

В рамках социальной корпоративной стратегии добывающей компании, рассчитанной на 12 лет, для выполнения цели «Охрана окружающей среды» было задано четыре индикатора:

- индикатор 1 «Удельный показатель по эмиссии парниковых газов в пересчете на CO_2 , кг/т продукции»;
- индикатор 2 «Выбросы SO_x в среднем по добывающей компании, г/т продукции»;
- индикатор 3 «Удельный показатель выбросов NO_x в среднем по добывающей компании, г/т продукции»;
- индикатор 4 «Удельный показатель объемов разливов нефти и нефтепродуктов, т/млн т добычи».

В табл. 2 приведены приоритеты и значения этих индикаторов.

В результате анализа возможностей достижения указанных значений индикаторов цели стратегии было предложено 25 проектов, характеристики которых приведены в табл. 3.

Для реализации всех проектов необходимо выделить 539 млн руб. Однако реализация всех проектов не требуется, поскольку их совместная реализация приведет к превышению требуемых изменений индикаторов.

Например, улучшение удельного показателя по эмиссии парниковых газов в пересчете на CO_2 при реализации всех 25 проектов приведет к падению этого показателя на 107 кг/тонну продукции, тогда как в стратегии данный индикатор должен быть улучшен на 58 кг/тонну продукции (см. табл. 3, индикатор $j = 1$, строка 3).

Таблица 4 / Table 4

**Результаты формирования оптимального набора проектов /
Results of the formation of the optimal set of projects**

i	x_i	i	x_i	i	x_i	i	x_i	i	x_i
1	0	6	1	11	1	16	0	21	0
2	1	7	0	12	1	17	1	22	0
3	0	8	0	13	1	18	1	23	1
4	1	9	0	14	0	19	1	24	1
5	1	10	0	15	1	20	1	25	1

Таблица 5 / Table 5

**Анализ достижения значений индикаторов при реализации выбранных проектов /
Analysis of the achievement of indicator values in the implementation of selected projects**

Номер индикатора / Indicator number	Единица измерения / Unit of measurement	Изменение значения индикатора / Change indicator value	
		в результате реализации выбранных проектов / as a result of the implementation of selected projects	в стратегическом плане не менее / strategically at least
1	кг/т продукции	61	58
2	г/т продукции	101	100
3	г/т продукции	89	86
4	т/млн т добычи	12,1	12,0

На основе информации, содержащейся в табл. 2 и 3, был получен численный вид модели для решения задачи 1:

Критерий оптимальности:

$$12x_1 + 15x_2 + 16x_3 + \dots + 11x_{23} + 35x_{24} + 33x_{25} \rightarrow \min.$$

В модель входят четыре ограничения по достижению индикаторов реализации цели «Охрана окружающей среды» социально-корпоративной стратегии:

- для индикатора 1 «Удельный показатель по эмиссии парниковых газов в пересчете на CO_2 »:

$$9x_1 + 5x_2 + 0x_3 + \dots + 0x_{23} + 14x_{24} + 15x_{25} \geq 58;$$

- для индикатора 2 «Выбросы SO_x в среднем по добывающей компании»:

$$0x_1 + 0x_2 + 0x_3 + \dots + 14x_{23} + 4x_{24} + 6x_{25} \geq 100;$$

- для индикатора 3 «Удельный показатель выбросов NO_x в среднем по добывающей компании»:

$$10x_1 + 7x_2 + 6x_3 + \dots + 0x_{23} + 3x_{24} + 5x_{25} \geq 86;$$

- для индикатора 4 «Удельный показатель объемов разливов нефти и нефтепродуктов»:

$$0x_1 + 1,2x_2 + 0x_3 + \dots + 0,8x_{23} + 0x_{24} + 1x_{25} \geq 12.$$

В результате решения задачи 2 были получены значения x_i ($i = 1, 2, \dots, 25$), равные единице, если проект выбирается для достижения индикаторов рассматриваемой цели стратегии добывающей компании. В табл. 4 приведены результаты выбора проектов с помощью оптимизационного расчета.

Из табл. 4 следует, что выбрано 16 проектов, для реализации которых потребуется 275 млн руб., при этом значения всех индикаторов будут достигнуты (табл. 5).

Далее необходимо определить порядок реализации проектов, т.е. сроки их реализации и объем финансирования так, чтобы проекты были завершены в соответствии с ограничением (9).

Таблица 6 / Table 6

Исходная информация для формирования очередности реализации проектов достижения цели «Охрана окружающей среды» социальной корпоративной стратегии добывающей компании (фрагмент) / Initial information for the formation of the priority of implementation of projects to achieve the goal of "Environmental protection" of the social corporate strategy of the mining company (fragment)

Номер n/n / Order number	Проект / project	Годовые затраты, млн руб. / Annual costs, million rubles	Оценка достижения индикатора K_{ij} , доли / Assessment of achievement of the indicator K_{ij} , share				Продолжительность реализации проекта, лет / Duration of project implementation, years
			1	2	3	4	
1	1	6,0	0,16	0,00	0,12	0,00	2
2	2	5,0	0,09	0,00	0,08	0,10	3
3	4	5,3	0,00	0,18	0,00	0,00	4
...	...	...	...	...	...	...	...
15	22	8,0	0,00	0,08	0,10	0,10	5
16	23	3,7	0	0,14	0,00	0,07	3

Таблица 7 / Table 7

Найденные сроки реализации проектов достижения цели «Охрана окружающей среды» социальной корпоративной стратегии добывающей компании (фрагмент) / Found terms of implementation of projects to achieve the goal of "Environmental Protection" of the social corporate strategy of the mining company (fragment)

Номер n/n / Order number	Проект / project	Сроки реализации проекта / Terms of project implementation	
		Год начала / Start year	Год окончания / Year of ending
1	1	4	5
2	2	2	4
3	4	7	10
...	...	...	...
15	22	1	5
16	23	3	5

Для подготовки таких расчетов были установлены годовые затраты на реализацию выбранных при решении задачи 1 проектов (табл. 6). Например, суммарные затраты для реализации проекта 1 равны 12 млн руб. (табл. 3), а продолжительность реализации — два года (табл. 6), поэтому годовые затраты равны 6 млн руб (табл. 3). В табл. 3, кроме того, приведены результаты расчета оценок достижения индикаторов по каждому проекту по формуле (5), например использование проекта 1 позволяет сократить удельный показатель эмиссии парниковых

газов в пересчете на CO_2 на 9 кг/т продукции (табл. 3), а величина требуемого изменения в стратегии добывающей компании составляет 58 кг/т продукции (табл. 2). Поэтому оценка достижения данного индикатора при реализации проекта 1

будет равна $K_{1,1} = \frac{9}{58} = 1,6$.

Основываясь на информации, приведенной в табл. 6, были рассчитаны сроки реализации проектов с помощью разработанного алгоритма. Срок завершения проек-

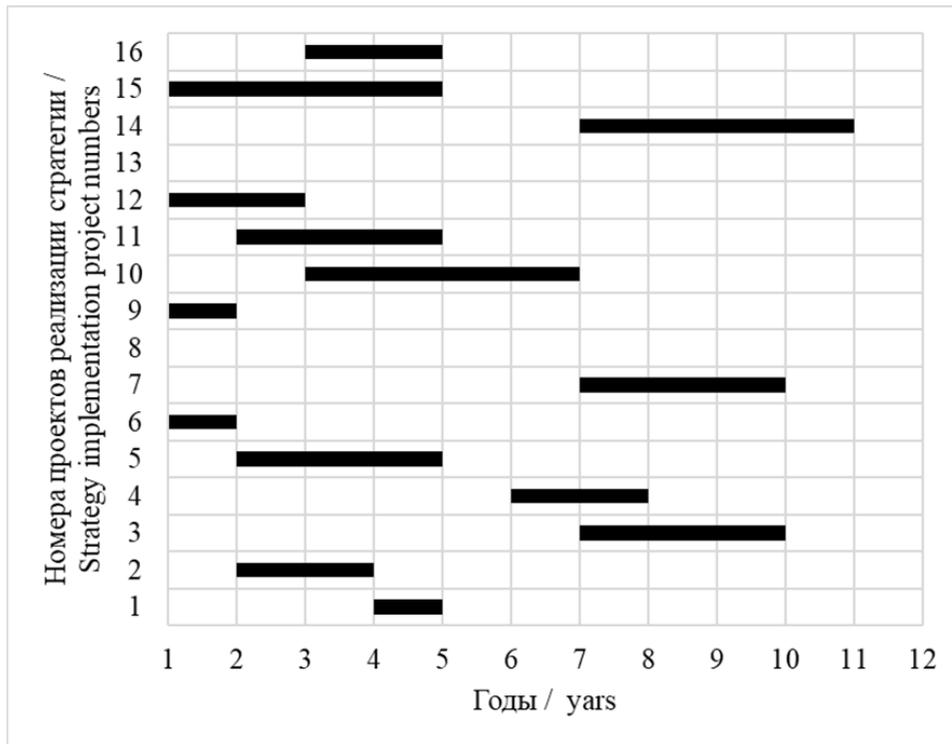

Рис. 1 / Fig. 1. График Ганта реализации проектов в рамках заданного срока (11 лет) / Gantt schedule for the implementation of projects within a given period (11 years)

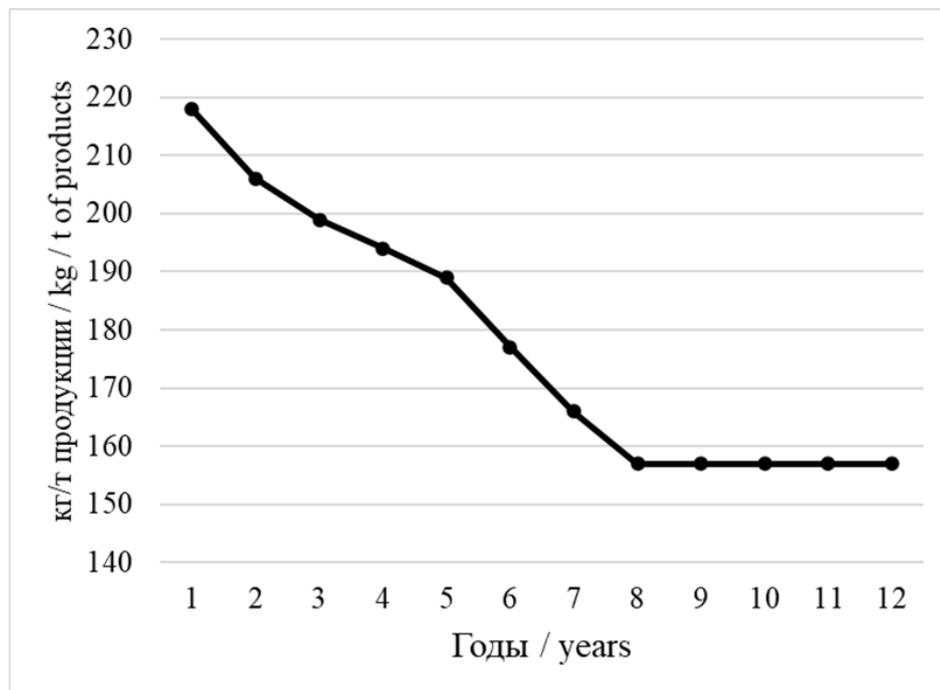

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика достижения значения индикатора 1 «Удельный показатель по эмиссии парниковых газов в пересчете на CO₂, кг/т продукции» / Dynamics of reaching the value of indicator 1 “Specific indicator for greenhouse gas emissions in terms of CO₂, kg / ton of products”

тов равен 11 лет ($T^{CTP} - 1 = 12 - 1 = 11$ лет). Расчеты показали, что проекты можно выполнить в заданный срок при условии ежегодного финансирования на уровне 34 млн руб. В табл. 7 приведены сроки реализации проектов, а на рис. 1 построен график Ганта реализации рассматриваемых проектов.

Исходя из установленного порядка реализации проектов формируется динамика достижения заданных в социальной корпоративной стратегии индикаторов.

На рис. 2 приведена динамика достижения заданного значения индикатора 1 «Удельный показатель по эмиссии парниковых газов в пересчете на CO_2 , кг/т продукции».

Из графика следует, что требуемое значение индикатора, равное 160 кг/т продукции (см. табл. 3), достигается в восьмом году, причем в силу дискретности результатов снижения загрязнения при реализации выбранных проектов достигнутое значение индикатора составляет 157 кг/т продукции.

Такие графики, построенные по всем индикаторам социальной корпоративной стратегии добывающей компании, позволяют получить инструмент контроля за фактическим достижением промежуточных значений с помощью реализации выбранных проектов.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования разработан целостный механизм проектной реализации социальной корпоративной стратегии, основанный на формировании оптимального набора проектов и определении динамики достижения заданных значений индикаторов стратегических целей на основе многовариантных расчетов сроков реализации проектов. Благодаря использованию разработанных математических моделей и алгоритмов достижение заданных стратегических

целей обеспечивается с минимальными суммарными затратами.

Приведенный в статье механизм проектного управления социальной корпоративной стратегии добывающей компании был реализован в виде специального программного обеспечения. Описанные методические разработки и программное обеспечение целесообразно включать в механизм предотвращения и ликвидации социальных и экологических конфликтов добывающих компаний с коренным населением в арктической зоне. Для этого необходимо:

1) сформировать типовые варианты ситуаций (шаблоны) конфликтов с коренным населением, с которыми могут столкнуться добывающие предприятия в процессе хозяйственной деятельности в арктической зоне;

2) разработать механизм анализа конфликтов в разрезе групп населения (включая типовые опросные листы, методику проведения опросов, алгоритмы математической обработки опросов);

3) разработать механизм формирования оптимального портфеля проектов предотвращения и ликвидации конфликтов, включая работу с представителями населения в рамках партиципации (участие представителей коренных малочисленных народов в процессе принятия решений, при разработке проектов по ликвидации (предотвращению) конфликтов в процессе геологоразведки, обустройства и эксплуатации добычных скважин, строительства и эксплуатации промысловых и магистральных нефтепроводов);

4) воспользоваться приведенными в статье алгоритмами оптимального выбора проектов и проведения многовариантных расчетов для анализа вариантов удовлетворения интересов разных групп населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Franks D., Davis R., Bebbington A. J. M. Conflict translates environmental and social risk into business costs. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2014;111(21):7576–7581. DOI: 10.1073/pnas.1405135111
2. Olanipekun A. O., Omotayo T., Saka N. Review of the use of corporate social responsibility (CSR) tools. *Sustainable Production and Consumption*. 2021;(27):425–435. DOI: 10.1016/j.spc.2020.11.012
3. Bian J., Liao Y., Wang Y. Analysis of firm CSR strategies. *European Journal of Operational Research*, 2021;290(3):914–926. DOI: 10.1016/j.ejor.2020.03.046
4. Zhao X., Chen J., Chen F. How high-polluting firms suffer from being distracted from intended purpose: A corporate social responsibility perspective. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020;17(24):1–29. DOI: 10.3390/ijerph17249197
5. Schepis D. Understanding indigenous reconciliation action plans from a corporate social responsibility perspective. *Resources Policy*. 2020(69):101870. DOI: 10.1016/j.resourpol.2020.101870

6. Grazhevskaya N., Mostepaniuk A. Ecological components of corporate social responsibility: Theoretical background and practical implementation. *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2020;11(5):1060–1066. DOI: 10.14505/jemt.v11.5(45).04
7. Choi D., Chung C. Y., Kim D., Liu, C. Corporate environmental responsibility and firm information risk: Evidence from the Korean market. *Sustainability (Switzerland)*. 2019;11(22). DOI: 10.3390/su11226518
8. Frederiksen, T. Corporate social responsibility, risk and development in the mining industry. *Resources Policy*. 2018;(59):495–505. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.09.004
9. Latif K.F., Sajjad A. Measuring corporate social responsibility: A critical review of survey instruments. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*. 2018;25(6):1174–1197. DOI: 10.1002/csr.1630
10. Morales O., Kleit A.N., Rees G.H. Mining and community relations in Peru: Can agreement be reached. *Academia Revista Latinoamericana De Administracion*. 2018;31(3):605–624. DOI: 10.1108/ARLA-04-2016-0092
11. Tysiachniouk M., Henry L.A., Lamers M. Oil extraction and benefit sharing in an illiberal context: The Nenets and Komi-Izhemtsi indigenous peoples in the Russian Arctic. *Society and Natural Resources*. 2018;31(5):556–579. DOI: 10.1080/08941920.2017.1403666
12. Новоселова И.Ю., Авраменко А.А., Алиев Р.А. Формирование программы предотвращения региональных конфликтов при использовании природных ресурсов // Экономика региона. — 2020. — Т. 16. — № 2. — С. 637–648. — DOI: 10.17059/2020-2-23
Novoselova I. Y., Abramenko A. A., & Aliev R. A. Program for regional conflict prevention when using natural resources. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2020;16(2):637–648. (In Russ.). DOI: 10.17059/2020-2-23
13. O’Faircheallaigh C. Public participation and environmental impact assessment: Purposes, implications, and lessons for public policy making. *Environmental Impact Assessment Review*. 2009;30(1):19–27. DOI: 10.1016/j.eiar.2009.05.001
14. Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Sustainable development of the Arctic indigenous communities: The approach to projects optimization of mining company. *Sustainability (Switzerland)*. 2020;12(19):1–18. DOI: 10.3390/su12197963

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Юрьевна Новоселова — доктор экономических наук, профессор кафедры международных комплексных проблем природопользования и экологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; профессор Департамента отраслевых рынков Факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
iunov2010@yandex.ru

Андрей Леонидович Новоселов — доктор экономических наук, профессор кафедры математических методов в экономике, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
alnov2004@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Irina Yu. Novosyolova — Dr. Sci. (Econ.), Prof. Department of International Complex Problems of Nature Management and Ecology, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA of Russia, Moscow, Russia; Professor of the Department of Industry Markets, Faculty of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia
iunov2010@yandex.ru

Andrey L. Novosyolov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. Department of Mathematical Methods in Economics, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
alnov2004@yandex.ru

*Статья поступила 15.01.2021; принята к публикации 20.03.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received 15.01.2021; accepted for publication 20.03.2021.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-130-137
УДК 330.101.8, 330.821.1(045)
JEL A11, B12, B31

Преодоление преград к справедливому распределению доходов – высший приоритет в творчестве классиков политэкономии XIX века и его значение для современности

Я.С. Ядгаров

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-7038-0630>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – творческое наследие выдающихся представителей классической политической экономии XIX в. Д. Рикардо и Дж.С. Милля. *Цель статьи* – в контексте альтернативной интерпретации порядка распределения заработной платы, ренты и прибыли как основных видов доходов в рыночной экономике раскрыть существенные аспекты введенных в научный оборот концептуальных положений социального государства будущего, в котором несправедливое распределение доходов будет невозможным. Показано, что согласно Д. Рикардо формирование социальных основ грядущего государственного устройства при доминировании принципов экономического либерализма (*laissez faire*) находится в прямой зависимости от решения главной задачи политической экономии, связанной с определением законов, обуславливающих управление распределением доходов. Принята во внимание обращенность к социалистической идее Дж.С. Милля, который доказал несостоятельность умозаключений Д. Рикардо о механизме распределения доходов в формируемом социальном государстве будущего под воздействием законов, присущих экономике свободной конкуренции. Выявлено, что Дж.С. Милль, рассматривая обусловленность законов распределения доходов главным образом человеческой интуицией и желанием правящей части общества, увязывает механизм справедливого распределения доходов с реализацией социально направленных реформ. Аргументирован вывод о том, что Дж.С. Милль, отвергая идеи имитации механического следования в экономике законам физики, имеющим исторически непреходящий характер, выступал за необходимость достижения бескризисного хозяйственного благополучия в грядущем будущем под воздействием качественно новых законов распределения доходов, вбирающих в себя присущие социальному государству нравственные и морально-этические начала.

Ключевые слова: социальное государство; социальная справедливость; классическая политическая экономия; экономические законы; справедливое распределение доходов

Для цитирования: Ядгаров Я.С. Преодоление преград к справедливому распределению доходов – высший приоритет в творчестве классиков политэкономии XIX века и его значение для современности. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):130-137. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-130-137

ORIGINAL PAPER

Overcoming the Barriers to a Fair Distribution of Income as the Highest Priority in the Work of the Classics of Political Economy of the XIX Century and its Significance for the Present

Y.S. Yadgarov

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-7038-0630>

ABSTRACT

The subject of the study is the creative heritage of the outstanding representatives of classical political economy of the XIX century, D. Ricardo and J.S. Mill. *The purpose of the article* is to reveal the essential aspects of the conceptual provisions of the social state of the future, introduced into scientific circulation, in which an unfair distribution of income

© Ядгаров Я.С., 2021

will be impossible, in the context of an alternative interpretation of the order of distribution of wages, rents and profits as the main types of income in a market economy. It is shown that according to D. Ricardo, the formation of the social foundations of the future state system under the dominance of the principles of economic liberalism (*laissez faire*) is directly dependent on the solution of the main task of political economy, related to the definition of laws that determine the management of income distribution. It takes into account the appeal to the socialist idea of J.S. Mill, who proved the inconsistency of D.'s conclusions. Ricardo on the mechanism of income distribution in the emerging social state of the future under the influence of the laws inherent in the economy of free competition. It is revealed that J.S. Mill, considering the conditionality of the laws of income distribution mainly by human intuition and the desire of the ruling part of society, links the mechanism of fair income distribution with the implementation of socially oriented reforms. It is argued that J.S. Mill, rejecting the idea of imitating the mechanical following of the laws of physics in the economy, which have a historically permanent character, advocated the need to achieve crisis-free economic well-being in the coming future under the influence of qualitatively new laws of income distribution, which incorporate the moral and moral-ethical principles inherent in the social state.

Keywords: social state; social justice; classical political economy; economic laws; fair distribution of income

For citation: Yadgarov Y.S. Overcoming the barriers to a fair distribution of income is the highest priority in the work of the classics of political economy of the XIX century and its significance for the present. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):130-137. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-130-137

ВВЕДЕНИЕ

Двухсотлетняя история классической политической экономии примечательна тремя значительными с точки зрения теоретико-методологических и научно-практических новаций периодами, которые можно охарактеризовать как зарождение, апогей и завершение [1, с. 76–80]. Первый из них продолжался с конца XVII — начала XVIII в., когда появились труды У. Петти и П. Буагильбера, до середины XVIII — второй половины XVIII в., ассоциируясь прежде всего с мануфактурным периодом в хозяйственной жизни и творческим наследием Ф. Кенэ и А. Смита в рамках классической политической экономии. Второй период, охвативший первую половину XIX в., примечателен тем, что в это время были изданы сочинения Д. Рикардо и некоторых других адептов классической политической экономии. И третий период, продолжавшийся с середины до конца XIX в., представлен прежде всего сочинениями Дж. С. Милля, завершающими это направление экономической мысли.

Будучи классиками в истории классической политической экономии в периоды ее апогея и завершения, Д. Рикардо (1772–1823) и Дж. С. Милль (1806–1873) обратили внимание своих современников на принципиально новую и важную для судеб экономической науки, хозяйственной жизни социально значимую проблематику, обуславливающую необходимость решения фундаментальной научно-практической задачи распределения доходов в обществе на принципах социальной справедливости. При этом выявление путей преодоления преград в ее решении стало для них высшим приоритетом в творчестве.

Однако неоднозначное и в значительной мере альтернативное видение путей решения данной задачи Д. Рикардо и Дж. С. Миллем стало отправной точкой для последующих изысканий в области осмысления и выявления нравственных и морально-этических начал справедливого распределения доходов. Ведь из их сочинений явствует то, что от научного экономического сообщества по-прежнему требуются, с одной стороны, выработка научно обоснованных концептуальных положений о целях государства по созданию гражданского общества и определение путей преодоления преград к справедливому распределению доходов в грядущем социальном государстве, а с другой стороны — разработка комплекса мероприятий по реализации таких эффективных социально ориентированных реформ, социальных программ и социального законодательства, которые способствовали бы перманентному перераспределению доходов населения таким образом, чтобы, не ущемляя интересы представителей крупного бизнеса, можно было преодолевать социальные отличия членов общества для обеспечения каждому индивиду социальной защищенности и достойного уровня жизни.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. РИКАРДО

Какие же пути справедливого распределения доходов приемлет Д. Рикардо и чем они отличаются от умозаключений его идейного предшественника и наставника А. Смита? Почему в своем лучшем сочинении «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817) Д. Рикардо, трактуя главную задачу политической экономии, сводит ее не к сми-

товской сентенции о необходимости перманентного приумножения материального богатства народов, а к определению законов, которые управляют распределением доходов в обществе, т.е. ренты, заработной платы и прибыли [2, с. 399].

Д. Рикардо, так же как А. Смит, всецело принимает и следует принципам экономического либерализма (*laissez faire*), считая что они наилучшим образом соответствуют интересам общества. Но фактически с учетом сложившихся на его родине в Великобритании реалий свершившего промышленного переворота, повсеместного доминирования фабрично-заводского производства и фермерства он осмысливает их результаты не только сквозь призму позитивных аспектов их функционирования, но и принимает во внимание вновь возникающие негативные социальные проблемы, противоречия и последствия, которые их сопровождают и, по его мнению, становятся одними из причин появления нового механизма изменения стоимостных показателей, приводящего как к относительному снижению уровня заработной платы рабочих, так и соответствующему падению прибыли [2, с. 410, 420].

В развитие вышеприведенных умозаключений Д. Рикардо, будучи приверженцем объективных экономических законов, вводит в своем сочинении «Начала политической экономии и налогового обложения» в научный оборот по меньшей мере два, как ему представлялось, выявленных им закона:

- о тенденции заработной платы к падению;
- о тенденции прибыли к падению.

По его мнению, впервые реально проявившие себя и не зависящие от воли и сознания человека законы позволяют представить научному экономическому сообществу целостную аргументацию возможностей обеспечения справедливого формирования и соответственно распределения доходов рабочих (заработной платы), капиталистов (прибыли), собственников земли (ренты).

Один из этих законов Д. Рикардо интерпретирует следующим образом: «При естественном поступательном движении общества заработная плата труда имеет тенденцию к падению, поскольку она регулируется предложением и спросом, потому что приток рабочих будет постоянно возрастать в одной и той же степени, тогда как спрос на них будет увеличиваться медленнее» [2, с. 454]. Характеризуя другой закон, он приводит аргументированные, на его взгляд, рассуждения о том, что так как «вместе с повышением цены хлеба повысится и заработная плата, то и при-

быль необходимо упадет, причем она будет падать соразмерно повышению заработной платы» [2, с. 461]. Полагаясь на данные законы, он не сомневается в том, что благодаря его новациям отныне «ясно доказано, что повышение цены хлеба, которое увеличивает денежную заработную плату рабочего, уменьшает денежную стоимость прибыли фермера» [2, с. 463].

Видные историки-экономисты конца XIX — начала XX в. Ш. Жид и Ш. Рист сочли возможным охарактеризовать вышеуказанные умозаключения Д. Рикардо как некую весьма абстрактную попытку решения научной задачи по возведению «трехэтажного, построенного, казалось, самой природой общественного здания, в котором скрывалась вся экономия распределения», хотя это здание выглядит следующим образом: «...внизу — рабочий, получающий свою заработную плату, над ним — крупный фермер-капиталист, добывающий свою прибыль, а на самом верху — лендлорд, взимающий свою ренту» [3, с. 120].

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДЖ.С. МИЛЛЯ

Существенно иное, чем у Д. Рикардо, решение проблематики преодоления преград к справедливому в контексте нравственных и морально-этических начал распределению доходов в социальном государстве будущего предложил Дж.С. Милль. В книге «Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии» (1848) и ряде последующих сочинений он дифференцировал совокупность экономических законов на законы производства и распределения. Причем первые из них, по его убеждению, снимают любые сомнения в том, какими могут быть в действительности предсказания, получаемые посредством методов логической абстракции и дедукции, и требуют ли они какой-либо опытной проверки. Тем самым во избежание имитации механического следования законам физики в процессе поиска внутренних причин справедливого распределения доходов и общественного благополучия в целом он, во-первых, выявил свойственное предшествующим поколениям классиков политэкономии тенденциозное противопоставление сферы производства сфере обращения. И, во-вторых, он аргументированно раскрыл причины того, почему они (классики) не принимали во внимание обратное влияние на сферу производства денежно-кредитных, финансовых, моральных, психологических, правовых и других факторов социальной среды.

Как и другие либеральные ученые-экономисты, Дж.С. Милль в целом считал действенным закон рынков Сэя (*Say's law*), устанавливающий такое положение, при котором реальный совокупный спрос автоматически поглощает весь объем продукции, которую рабочие и предприниматели намерены произвести, используя имеющиеся в их распоряжении технологию и ресурсы, и он верил в возможность автоматического достижения равновесия в экономике благодаря действию объективных законов, не зависящих от воли, желания и сознания людей. В то же время в отличие от своего кумира Д. Рикардо в 1865–1868 гг. он провозглашал с трибуны законодательной власти содержащиеся в его «Основаниях политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии» ключевые идеи социального государства о человечности и социальной справедливости, открыто признавая их близость с социалистическим мировоззрением. Это обстоятельство, по словам видного историка экономической мысли М. Блауга, позволяет признать, что это сочинение Дж.С. Милля стало первым научным трудом, где появилось в большой науке понятие «социализм» [4, с. 174].

Заметим, кроме того, что, согласно собственному (в духе Д. Рикардо) признанию Дж.С. Милля «невмешательство должно быть общим правилом; и каждое отступление от него, если этого отступления не требует какая-нибудь величайшая польза, будет несомненным злом» [3, с. 840]. Более того, будучи убежденным приверженцем Д. Рикардо и сторонником закона Сэя, он писал: «Все продавцы неизбежно и по самому значению слова являются в то же время покупателями. Если бы могли внезапно удвоить производительные силы страны, мы бы увеличили вдвое предложение товаров на всех рынках; но этим самым удвоили бы и покупательную силу. Каждый, удваивая предложение, удвоил бы и спрос; каждый бы имел возможность купить вдвое больше, потому что все имели бы вдвое больше вещей для обмена» [5, с. 502–503].

Между тем именно Дж.С. Милль, предложив дифференциацию экономических законов на две составляющие, заявил о том, что «законы производства» политическая экономия «не исследует», ибо она их принимает готовыми, отсылая за объяснениями к естественным наукам или простому опыту». А вот законы распределения, по его убеждению, «зависят отчасти от человеческих учреждений, так как способ, которым богатство распределяется в каждом данном обществе, зависит от законов и обычаев, в нем существующих...». Отсюда, заключает он, «условия, от которых зависит принадлежащая правительствам или нациям власть

над распределением, а также влияние на него разнообразных способов управления, признаваемых обществом наиболее подходящими, составляют такой же предмет научного исследования, как физические законы природы» [5, с. 22]. Характеризуя же внутреннюю сущность законов распределения через призму взаимодействия соперничества и обычая, он поясняет: «обычай есть самый могущественный защитник слабых против сильных, единственный их защитник там, где законы или правительство не достаточно сильны для этой цели» [5, с. 214].

Акцентированное внимание на влияние правовых факторов (законов) на уровень справедливого распределения доходов (заработная плата, прибыль, рента) в условиях экономики свободной конкуренции побудило Дж.С. Милля направить вектор своих изысканий на выявление возможностей вмешательства в этот процесс государства с целью создания необходимых предпосылок для правового социально ориентированного регулирования хозяйственной жизни. В результате неординарный исследовательский подход Дж.С. Милля к решению данной проблемы позволил ему представить научному сообществу наиболее обоснованную, на его взгляд, реформаторскую концепцию «справедливого» распределения доходов, применимую в истинно социальном государстве с тем, чтобы в нем всеобщим достоянием стали уничтожение наемного труда посредством кооперативной производительной ассоциации; социализация земельной ренты при помощи земельного налога; ограничение неравенства богатства через ограничение права наследования [3, с. 288].

Что касается возможностей преодоления преград к справедливому формированию заработной платы как одной из трех видов подлежащих распределению доходов в социальном государстве будущего, то об этом Дж.С. Милль отчетливо и недвусмысленно изложил свою позицию в обзорной статье журнала *Foztnightly Review* в 1869 г. Тем самым через 21 год после публикации своего труда «Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии» он отказался от идей непременно заданного прожиточного минимума заработной платы наемных работников, основанного на ортодоксальной доктрине А. Смита «рабочего фонда». В качестве же альтернативы взглядам либеральных современных ему экономистам он предложил такой механизм формирования уровня оплаты наемного труда, который исключает зависимость величины заработной платы только от соотношения спроса и предложения на данный фактор производства.

Итак, Дж. С. Милль солидарен с Д. Рикардо только в одной принципиальной исследовательской позиции, видя, как и он, различие между прожиточным и физиологическим минимумом заработной платы, т.е. полагая, что величина первой всегда непременно выше второй. Но в отношении реально возможного размера характеризуемой на уровне прожиточного минимума заработной платы в отличие от Д. Рикардо он признал, что профсоюзы могут прямо и непосредственно воздействовать на недопущение ограничения заработной платы, обусловленное конкуренцией на рынке труда. Кстати, в свое время он отмечал, что силы и знания рабочих приведут к тому, что они «не одобряют то, чтобы еще долго удерживалось разделение человечества на два наследственные класса — работодатели и рабочие, сочтя такое отношение почти одинаково неудовлетворительным как для платящего, так и для получающего заработную плату» [5, с. 688].

Следовательно, допустив формирование заработной платы и ее справедливое соотношение с другими видами доходов в рыночной экономике под влиянием рабочего движения и при участии профсоюзов, Дж. С. Милль в сущности дистанцировался от умозаключений ранних классиков политической экономии, включая Д. Рикардо, о том, что в социальном государстве будущего распределение доходов, как и прежде, будет предопределено исключительно объективными экономическими законами. На данное обстоятельство указывает, в частности, Й. Шумпетер, говоря о том, что «... в схеме Дж. С. Милля профсоюзы были нормальным элементом институциональной структуры, а в законах против них “проявился дьявольский дух рабовладельчества”» [6, с. 715]. Одновременно нельзя, конечно, не согласиться с утверждением Н. Негиши, заявившего о том, что отказ Дж. С. Миллем от доктрины рабочего фонда явил собой «признак заката классической экономической школы» [7, с. 192].

Наряду с признанием Дж. С. Миллем профсоюзов в качестве фактора, способствующего справедливому распределению доходов, завершение или, говоря словами Т. Негиши, «закат» политической экономии классиков, безусловно, обусловила еще и миллевская концепция социально ориентированных реформ. Предложенные в ней научно-практические мероприятия, изложенные в «Основаниях политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии», сводятся к обоснованию положений о необходимости формирования в грядущем социальном государстве ассоциативных хозяйственных образований, деятельность которых должна гаран-

тировать расширение масштабов малого бизнеса как решающего фактора преодоления препятствий к ликвидации института наемного труда, злоупотреблений частной собственностью и обеспечивать справедливое распределение зарплаты, прибыли и ренты.

Практическую реализацию своих реформаторских идей, направленных на осуществление под эгидой и при непосредственном участии правительства социальных реформ, Дж. С. Милль увязывает с выполнением многообразных мероприятий по созданию таких ассоциативных образований, как акционерные общества, кооперативы, общества с ограниченной ответственностью и иные предприятия сферы малого бизнеса. Видя в них ключевые экономические субъекты справедливого распределения доходов в социальном государстве будущего, ученый выражал уверенность в том, что взаимодействие права и хозяйства сделают обыденными в таком государстве суждения о том, что:

- если человечество будет продолжать развиваться, то можно ожидать того, что в конце концов будет господствовать не та форма ассоциации, которая может существовать между капиталистом как главою предприятия и рабочими, не имеющими голоса в управлении, а ассоциация самих рабочих, равных между собою, владеющих сообща капиталом и работающих под началом избираемых и сменяемых ими управителей [5, с. 676];
- правительство должно брать на себя все дела, выполнение которых желательно для общих интересов человечества и будущих поколений [3, с. 865];
- правительство всегда должно взвешивать, прежде чем действовать, можно ли ожидать, что намеченное им мероприятие будет лучше и успешнее исполняться его силами, нежели частными лицами благодаря их усердию и щедрости [5, с. 865].

Кроме направленных на усовершенствование социальных реформаторских мер (в том числе связанных с проблематикой справедливого распределения доходов), Дж. С. Милль обращает внимание в «Основаниях политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии» на эффективность государственного содействия расширению таких перспективных, как он считает, объектов малого бизнеса, как кооперативы. Он уверен, что с развитием кооперативного движения «сократится класс распределителей, не производящих, а только помогающих производству, наличие чрезмерного числа которых гораздо в большей степени, чем доходы капиталистов, является причиной того, что столь

большая часть произведенного богатства не достигает производителей». Кооперативы способны, по его мнению, изменить отношение рабочих к работе так, что у них возникнет интерес, отсутствующий в настоящее время, в обмен на получаемое ими вознаграждение работать возможно больше, а не возможно меньше [5, с. 691]. Наконец, в контексте преодоления преград к справедливому распределению доходов именно в кооперативах в «Основаниях политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии» постулируется следующее актуальное и в наше время резюмирующее суждение: «...Никакие рабочие, кроме самых плохих, не согласятся работать всю жизнь ... лишь за одну заработную плату; ...общественный строй ...был бы наиболее близок к идеалу социальной справедливости» [5, с. 693, 693–694].

Если задаться вопросом о том, каковы оценочные суждения видных ученых-экономистов современности о месте и роли новаторских идей Дж. С. Милля, охватывающих, в том числе решение такой актуальной на современном этапе эволюции хозяйственной жизни научно-практической задачи, как преодоление преград к справедливому распределению доходов, то их едва ли можно переоценить.

В частности, по мнению Нобелевского лауреата по экономике П. Самуэльсона, миллевский кумир Д. Рикардо, во многих источниках экономической литературы, как правило, признающийся «ключевой фигурой» среди представителей классической политэкономии XIX в., не является таковым. Это обусловлено, по мнению Самуэльсона, тем, что Д. Рикардо, приняв пессимистические и надуманные мальтузианские теоретические постулаты о непременном снижении заработной платы рабочих при росте численности населения, «поставил не на ту лошадь» и обозначил «осень» в экономической науке [8, с. 395, 396]. Зато Дж. С. Милль, дистанцируясь от вульгарной апологетики в экономической мысли, в сущности симпатизирует рабочему классу и обращен «к социализму и реформам» [1, с. 79–80].

В свою очередь М. Блауг видит главным в творческом наследии Дж. С. Милля то, что он обучал «на протяжении жизни двух поколений... Англию своей науке». При этом основное и значимое в новациях Дж. С. Милля, заключает он, содержится «в его предложениях по экономической реформе в присущей ему нравственной интонации, одновременно сентиментальной и суровой, когда цветистость абстрактной теории умерялась желанием проповедовать социальное усовершенствование» [4, с. 199].

ТВОРЧЕСТВО РИКАРДО – ДЖ.С. МИЛЛЯ КАК ИСТОКИ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Современный период эволюции экономической науки и хозяйственной жизни ассоциируется, как правило, с ценностями творчества лидеров институционализма и современного неоклассицизма, включая кейнсианцев и неолибералов. Принято также полагать, что благодаря их новаторству в течение XX – начала XXI в. «бездоказательным» постулатам классиков политэкономии о предопределенности повсеместного формирования в грядущем будущем социального государства и его саморегулируемости противопоставлены многообразные альтернативные их видению «доказательные» и гарантирующие справедливое распределение доходов социально ориентированные реформаторские концепции. Однако при этом совершенно очевиден тот факт, что и институционалисты, и неоклассики основополагающей задачей грядущего социального государства подобно вышеупомянутому тандему классиков Рикардо – Миллю высшим приоритетом своего творчества считают решение все той же не потерявшей актуальности со времен классиков проблематики, касающейся распределения доходов в обществе.

В данном контексте поиск преодоления преград к справедливому распределению доходов был и остается фактором взаимосвязи лучших достижений в экономической науке в прошлом и настоящем и прежде всего классиков политэкономии XIX в. и их многочисленных последователей (а также оппонентов) на современном этапе эволюции данной отрасли человеческих знаний. Причем как прежде, так и сейчас, одни исследователи современности, например неолибералы, решение проблемы справедливого распределения доходов увязывают в сущности с рикардианской позицией максимально возможных ограничений для непосредственного вмешательства государства в этот процесс. А другие – институционалисты и кейнсианцы – скорее всего, с миллевской позиции требуют для этого проведения реформаторских мероприятий, т.е. посредством государственного участия в процесс распределения доходов.

Как следствие, общими характерными чертами современных источников научно-исследовательской литературы, возникшей накануне мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и затем после него и вплоть до нашего времени, стали два альтернативных умозаключения о путях распределения доходов,

возможных в рамках повсеместно формирующегося социального государства. Одно из этих умозаключений — неолиберальное — сводится к положению о том, что в присущей социальному государству социально ориентированной рыночной экономике должны доминировать условия, создаваемые в том числе посредством осуществления реформаторских мероприятий, для свободной конкуренции благодаря определенному (ограниченному) вмешательству государства в хозяйственную жизнь, включая распределение доходов. Согласно же умозаключениям адептов институционализма и кейнсианства в реформаторских процессах, которые связаны с преодолением препятствий к справедливому распределению доходов, изначально целесообразными являются меры активного вмешательства государства в экономику вплоть до его непосредственного участия в инвестировании хозяйствующих субъектов.

Вот почему неолибералы, в отличие от институционалистов и кейнсианцев, следуя напутствию Л. Эрхарда: «конкуренция везде, где возможно, регулирование — там, где необходимо», ратуют за доминирование принципов свободного ценообразования, частной собственности. Регулирующая роль государства в экономике, включая распределение доходов, видится неолибералами в предназначении выполнять функции «ночного сторожа» и «спортивного судьи». Такова суть неолиберальных концептуальных положений формирования социального государства, в соответствии с которыми, говоря словами видного неолиберала А.У. Липпмана, «признаются возможными только такие меры политического вмешательства, которые способствуют обеспечению саморегуляции рынка путем создания условий, делающих рынок единственной организующей силой в сфере экономики» [9, с. 29]. И именно «последовательное проведение в жизнь этой концепции, — убежден Нобелевский лауреат по экономике Ф.А. Хайек, — обещает гораздо более позитивные результаты, чем непосредственное государственное управление» [9, с. 147].

ВЫВОДЫ

1. Выдающиеся классики политэкономии XIX в. Д. Рикардо и Дж.С. Милль, в отличие от многих современных им либеральных экономистов, не абсолютизируя принципы *laissez faire*, привнесли в экономическую науку востребованные в наше время альтернативные концептуальные положения о преодолении преград к справедливому распределению доходов в рыночной системе хозяйствования.

2. Изыскания Рикардо — Дж.С. Милля в части осмысления доходов и преодоления преград к их справедливому распределению, став высшим приоритетом их творчества, позволили им сделать достоянием экономической науки теоретико-методологические основы, обусловившие целесообразность изыскания альтернативных моделей формирования социального государства, в котором природа и механизм возникновения и распределения доходов будут общественно приемлемы и социально справедливы.

3. Отличительные признаки, предопределившие принципиальную разницу в видении и решении в творчестве Рикардо — Дж.С. Милля социально значимой научно-практической задачи справедливого распределения доходов в целях формирования социального государства будущего, позволяют принять во внимание то, что:

- Д. Рикардо выстраивает свои размышления об автоматически возможном механизме преодоления преград к приумножению богатства страны, достижению согласованности взаимоотношений субъектов хозяйства ради всеобщего благополучия при справедливом распределении доходов, придерживаясь «объективных экономических законов», принципов неограниченной свободы предпринимательской деятельности экономических субъектов, т.е. исключая допустимость государственного вмешательства в процессы формирования грядущего социального государства;

- Дж.С. Милль, дистанцируясь от имитации механического следования в хозяйственной жизни «экономическим законам», имеющим (наподобие законов физики) непреходящий характер, и размышляя о создании социального государства в контексте взаимодействия права и хозяйства, ратовал за проведение всеохватывающих социально ориентированных реформ, государственное вмешательство в преодоление преград к доминированию справедливого распределения доходов, всеобщему благополучию.

4. Если видение Д. Рикардо оснований социального государства и преодоления в нем преград к справедливому распределению доходов явило собой «осень» классической политэкономии (П. Самуэльсон), то новации Дж.С. Милля данной направленности — это востребованные в современной экономической науке признаки «нравственной интонации», позволяющие умерить «цветистость абстрактной теории...желанием проповедовать социальное усовершенствование» (М. Блауг).

5. Творческое наследие Рикардо — Дж.С. Милля, став достоянием экономистов современности, способствовало преодолению преград к справедливому распределению доходов, возникновению концепций социального государства, в которых центральным является положение о том, что ни в экономике свободной конкуренции прошлого, ни в социально ориентированной рыночной экономике в настоящем недопустимо «непосредственное государственное управление» (Ф. А. фон Хайек).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ядгаров Я.С. История экономических учений. — Москва: ИНФРА-М, 2020. 475 с. — ISBN 5–86225–779–9.
2. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения // Антология экономической классики. В 2 т. Т. I. — Москва: Эконом, Ключ, 1993. — Т. 1. — С. 397–473. — ISBN 978–5–699–82801–2.
3. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. — Москва: Экономика, 1995. — 544 с. — ISBN 5–282–01419–Х.
4. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — Москва: Дело Лтд, 1994. — 688 с.
5. Милль Дж.С. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии. — Киев-Харьков: Южно-Русское книгоиздательство, 1896. — 883 с.
6. Шумпетер Й.А. История экономического анализа: в 3-х т. Т. 2. — СПб.: Экон. шк., 2001. VIII + 494 с. — eISSN 1726–3247.
7. Негиши Т. История экономической теории. — Москва: АО «Аспект-Пресс»; 1995. — 462 с. — ISBN 5–86318–103–6.
8. Самуэльсон П. Экономика. В 2-х т. Т. II. — Москва: НПО «Алгон», 1992. — 416 с.
9. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. — Москва: Экономика, 1992. — 176 с. — ISBN 0–907652–06–9.

REFERENCES

1. Yadgarov Y.S. History of economic doctrines. Moscow: INFRA-M; 2020. 475 p. (In Russ.).
2. Ricardo D. The beginning of political economy and taxation. In 2 volumes. T.I. Moscow: Ekonov, Klyuch; 1993:397–473. (In Russ.).
3. Zhid Sh., Rist Sh. History of economic doctrines. Moscow: Economics; 1995. 544 p. (In Russ.).
4. Blaug M. Economic thought in retrospect. Moscow: Delo Ltd; 1994. 688 p. (In Russ.).
5. Mill J.S. The foundations of political economy with some applications to social philosophy. Kiev-Kharkov: Yuzhno-Russian Book Publishing House; 1896. 883 p. (In Russ.).
6. Schumpeter J.A. The history of economic analysis: In 3 volumes. V. 2. SPb: Economic School; 2001. VIII + 494 p. (In Russ.).
7. Negishi T. History of economic theory. Moscow: Aspect-Press; 1995. 462 p. (In Russ.).
8. Samuelson P. Economics. In 2 vol. Vol. II. Moscow: Algon; 1992. 416 p. (In Russ.).
9. Hayek F.A. The road to slavery. Moscow: Economics; 1992. 176 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яков Семенович Ядгаров — доктор экономических наук, профессор Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
yyadgarov@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yakov S. Yadgarov — Dr. Sci. (Econ.), Prof. Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
yyadgarov@fa.ru

Статья поступила 10.11.2020; принята к публикации 12.01.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received 10.11.2020; accepted for publication 12.01.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-138-145
УДК 336.22(045)
JEL H24, H25, H30

Резервы роста доходов регионального и местных бюджетов Республики Крым

И.В. Кивико

Совет министров, Министерство финансов Республики Крым
<http://orcid.org/0000-0002-6329-5630>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – доходная часть бюджета Республики Крым. Цель работы – выявление резервов доходов регионального и местных бюджетов Республики Крым. Налоговое законодательство Российской Федерации действует в Крыму сравнительно недавно. Особенность региона состоит в том, что он дотационный и собственные доходы не покрывают расходы бюджета. Однако в результате работы по наращиванию налоговой базы и реализации налогового потенциала налоговые доходы республики увеличиваются высокими темпами, что позволило исключить Крым из состава высокодотационных регионов.

Рост налоговых поступлений обусловлен сокращением теневого сектора экономики путем выявления дополнительных объектов налогообложения как по налогу на доходы физических лиц и налогу на прибыль организаций, так и по имущественным налогам.

Создание в Крыму свободной экономической зоны стало причиной выпадения доходов по налогу на прибыль организаций, что предлагается компенсировать путем мотивации инвесторов к росту отчислений по налогу на доходы физических лиц в результате создания новых рабочих мест и увеличения заработной платы работников, что является условием инвестирования в новые проекты. *Сделан вывод* о том, необходимо изменить механизм регистрации объектов недвижимости, который позволяет ряду потенциальных налогоплательщиков в настоящее время не регистрировать права собственности на недвижимость и избегать налогообложения.

Поскольку малый бизнес является основой экономики Крыма, предлагается создание дополнительных преимуществ в налогообложении этого сектора экономики.

Ключевые слова: Крым; Республика Крым; дотационный регион; налог на прибыль организаций; налог на доходы физических лиц; имущественные налоги; малый бизнес; налог на профессиональный доход

Для цитирования: Кивико И.В. Резервы роста доходов регионального и местных бюджетов Республики Крым. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):138-145. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-138-145

ORIGINAL PAPER

Reserves of Revenue Growth of the Regional and Local Budgets of the Republic of Crimea

I.V. Kiviko

Council of Ministers, Ministry of Finance of the Republic of Crimea
<http://orcid.org/0000-0002-6329-5630>

ABSTRACT

The subject of the study is the revenue part of the budget of the Republic of Crimea. *The purpose of the work* is to identify the revenue reserves of the regional and local budgets of the Republic of Crimea. The tax legislation of the Russian Federation has been in force in Crimea relatively recently. The peculiarity of the region is that it is subsidized and its own revenues do not cover budget expenditures. However, as a result of the work on increasing the tax base and realizing the tax potential, the tax revenues of the republic are increasing at a high rate, which made it possible to exclude Crimea from the highly subsidized regions.

The growth of tax revenues is due to the reduction of the shadow sector of the economy by identifying additional objects of taxation both for personal income tax and corporate income tax, and for property taxes.

© Кивико И.В., 2021

The creation of a free economic zone in Crimea has caused the loss of corporate income tax revenues, which is proposed to be compensated by motivating investors to increase deductions for personal income tax as a result of creating new jobs and increasing the wages of employees, which is a condition for investing in new projects. *It is concluded that* it is necessary to change the mechanism of registration of real estate objects, which allows a number of potential taxpayers not to register property rights to real estate and avoid taxation.

Since small business is the basis of the economy of the Crimea, it is proposed to create additional advantages in the taxation of this sector of the economy.

Keywords: Crimea; Republic of Crimea; subsidized region; corporate income tax; personal income tax; property taxes; small business; professional income tax

For citation: Kiviko I.V. Reserves of revenue growth of the regional and local budgets of the Republic of Crimea. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):138-145. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-138-145

ВВЕДЕНИЕ

Поиск дополнительных источников роста собственных налоговых и неналоговых доходов является одним из основных направлений бюджетной и налоговой политики каждого региона Российской Федерации. Особенно это важно для дотационных регионов, одним из которых является Республика Крым. Ее отличие от других регионов Российской Федерации заключается в том, что российское бюджетное и налоговое законодательство вступило в действие на территории республики только с 1 января 2015 г., что не позволило своевременно по сравнению с другими регионами раскрыть и задействовать собственные потенциальные источники доходов.

Однако, несмотря на непродолжительное действие на территории республики Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ), благодаря проведенной работе по увеличению собственных доходов за пять лет сформировалась стабильная тенденция к росту налоговых и неналоговых доходов [1]. Так, если за 2015 г. в консолидированный бюджет Республики Крым поступили 31,4 млрд руб. налоговых и неналоговых доходов, то за 2020 г. поступления составили 46,4 млрд руб., т.е. за пять лет собственная доходная база консолидированного бюджета существенно увеличилась, что позволило исключить Республику Крым с 2019 г. из списка высокодотационных субъектов Российской Федерации, хотя она продолжает оставаться дотационным регионом.

РЕЗЕРВЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ПОСТУПЛЕНИЙ ДОХОДОВ В БЮДЖЕТ РЕСПУБЛИКИ ЗА СЧЕТ НДС И НАЛОГА НА ПИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

Несомненно, резервы дополнительных налоговых источников бюджета не исчерпаны. Основным бюджетообразующим доходным источником консолидированного бюджета Республики Крым, как и в других

регионах, является налог на доходы физических лиц (далее — НДФЛ), поступления которого составляют 44–50% в общем объеме собственных доходов. Поскольку налоговая база для введения местных налогов с 2015 г. на территории Республики Крым отсутствовала, НДФЛ является в местных бюджетах основным источником доходов. Поэтому чрезвычайно важно увеличить именно этот источник доходов, размер которого зависит от реализации федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2022 года»¹, в рамках которой с 2015 г. возводятся ускоренными темпами необходимые для Крыма инфраструктурные объекты (Крымский мост, аэропорт, автомобильные дороги, автомобильная трасса «Таврида», ПГУ-ТЭС, многопрофильный республиканский медицинский центр), для строительства которых привлекаются организации с других регионов России, не зарегистрированные на территории республики. Поэтому соответственно НДФЛ поступает в бюджеты по месту их регистрации. В результате принятых мер по решению этой проблемы была организована работа по регистрации на территории Республики Крым обособленных подразделений таких организаций, их постановке на учет в налоговых органах республики и привлечению к налогообложению НДФЛ работников этих организаций.

По состоянию на 1 октября 2020 г. на учете в налоговых органах Республики Крым состояли 4437 обособленных подразделений (представительств, филиалов) головных организаций, расположенных в других регионах Российской Федерации, которые в течение 2017–2020 гг. ежегодно пополняли бюджет Крыма более чем на 3,0 млрд руб.

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Крым на период до 2030 г. URL: https://tk.gov.ru/file/strategiya_sotsialjno_ekonomicheskogo_razvitiya_respubliki_krim_do_2030.pdf.

В рамках выполнения мероприятий Программы оздоровления государственных финансов Республики Крым на 2018–2024 гг. на территории республики проводится работа по легализации налоговой базы работодателей, выплачивающих зарплату в «конвертах», а также несвоевременно перечисляющих в бюджет удержанный НДФЛ [2].

Во всех муниципальных образованиях созданы и осуществляют деятельность межведомственные рабочие группы по увеличению поступлений в бюджет Республики Крым и местные бюджеты, на которых заслушиваются субъекты экономической деятельности, имеющие задолженность по платежам в бюджет, а также работодатели, кто установил для своих работников низкую заработную плату. В ходе заседаний вырабатываются предложения по погашению задолженности, увеличению заработной платы [3]. Рабочие группы налоговых органов республики также проводят мероприятия по легализации трудовых отношений с наемными рабочими.

В результате проведенной работы размер заработной платы стал выше минимально установленного уровня у 1566 субъектов хозяйствования. Дополнительно по результатам работы комиссий сумма поступившего в бюджет НДФЛ равняется 254,8 млн руб., страховых взносов — 410,1 млн руб., а поступления налога на доходы физических лиц возросли с 2015 г. на 82,8% [4].

В развитых странах налог на прибыль выполняет роль регулятора экономической активности и налоговые льготы служат важным инструментом такого регулирования. Если исходить из правил логики, уменьшение налоговой нагрузки на налогоплательщиков с помощью применения различных льгот должно приводить к повышению эффективности их деятельности. Однако в Республике Крым действующий льготный механизм налогообложения прибыли предприятий пока не стимулирует должным образом инвестиционную активность, что является одной из причин торможения экономического роста.

Для справки: индекс физического объема инвестиций в основной капитал в 2019 г. сократился на 9,2% к предыдущему году, при этом данный индекс в 2018 г. составил 81,2%. Согласно данным Крымстата инвестиции в основной капитал в расчете на одного жителя в 2019 г. сократились на 2%.

Одним из важнейших факторов, влияющих на фискальный потенциал налога на прибыль организаций в республике, является уклонение от уплаты налогов. Так, по данным, представленным на сов-

местном заседании совета Торгово-промышленной палаты Российской Федерации (далее — ТПП РФ) по инвестиционной политике, финансовым рынкам и кредитным организациям и комитета ТПП РФ по предпринимательству в сфере туризма, посвященном вопросам экономического развития Республики Крым и г. Севастополя, отмечено, что в 2019 г. объемы теневой экономики по данным Росстата составили 37%².

Соответственно в Республике Крым имеется возможность наращивания фискального потенциала налога на прибыль организаций путем уменьшения масштабов уклонения от уплаты налогов и повышения качества деятельности органов ФНС России по выявлению нарушений НК РФ.

Увеличение фискального потенциала налогообложения прибыли предприятий Крыма достигается благодаря:

- стабилизации экономической ситуации и повышению доходности региональных предприятий;
- оптимизации структуры налоговой системы с точки зрения роста значения прямого налогообложения как весомого регулятора экономических процессов;
- адекватному применению экономически обоснованных льгот налога на прибыль организаций, предоставляемых предприятиям, которые должны иметь четкое целевое назначение, применяться в течение ограниченного периода и строго контролироваться государственными органами;
- усилению ответственности налогоплательщиков за нарушение налогового законодательства.

С целью стимулирования потенциального роста налоговых доходов с учетом особенностей экономики Республики Крым было принято решение о создании особой экономической зоны (далее — ОЭЗ), что должно было способствовать адаптации бизнеса к новым условиям [5]. В результате Федеральным законом от 29.11.2014 № 377-ФЗ на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя была создана свободная экономическая зона (далее — СЭЗ), а также были внесены изменения в НК РФ, которые давали право Республике Крым принять пониженные налоговые ставки при применении специальных налоговых режимов. Несмотря на то что ряд авторов считает целесообразным прекращение действия особых экономических зон в Российской

² Сайт сетевого издания «Примечания ру». URL: <https://primechaniya.ru/obshchee/stati/37-ekonomiki-kryma-nahoditsya-v-teni>.

Таблица / Table

Недопоступления налога на прибыль в связи с применением льгот для участников свободной экономической зоны (млн руб.) / Non-receipt of income tax due to the application of benefits for participants of the free economic zone (million rubles)

Период / Period	Поступило налога на прибыль организаций / Received the tax on profit of organizations	Недопоступления от участников свободной экономической зоны (выпадающие доходы), млн руб. / Shortfall from participants of the free economic zone (loss of income), mln rubles	В % к поступлениям / In % of receipts
2015	6926,2	29	0,4
2016	5668,9	1529,2	27
2017	6232,4	1819,9	29,2
2018	6363	2150,7	33,8
2019	8277,6	2100	25,4

Источник / Source: Сайт Министерства финансов Республики Крым / Website of the Ministry of Finance of the Republic of Crimea. URL: minfin.rk.gov.ru.

Федерации как института в целом, предусмотренные Законом о СЭЗ преференции должны способствовать росту предпринимательской активности на территории Республики Крым [6]. В результате произошел резкий рост количества регистрируемых субъектов предпринимательской деятельности на протяжении 2015–2019 гг. Так, за шесть лет их количество увеличилось в 2,1 раза, а число индивидуальных предпринимателей — в 3,2 раза.

В то же время нельзя не признать, что данные преференции негативно отразились на доходах бюджета по налогу на прибыль организаций (см. таблицу).

Как следует из таблицы, выпадающие доходы бюджета Республики Крым после создания СЭЗ резко увеличились. Такая ситуация стала побудительным мотивом для того, чтобы при рассмотрении инвестиционных предложений особое внимание уделять вопросам компенсации выпадающих бюджетных доходов другими источниками, что возможно только в случае, если инвесторы будут создавать новые рабочие места, компенсируя тем самым выпадающие доходы по налогу на прибыль организаций поступлениями НДФЛ.

Министерством финансов Республики Крым ежемесячно проводится мониторинг поступления налоговых и неналоговых доходов в консолидированный бюджет Республики Крым от участников СЭЗ — юридических лиц. Очевидно, что наметилась тенденция к росту основных бюджетобразующих налогов — налога на прибыль организаций и НДФЛ от участников СЭЗ.

В результате оценки эффективности предоставленных налоговых преференций по налогу на прибыль

организаций для участников СЭЗ за 2019 г. можно сделать вывод о том, что, несмотря на недостижение коэффициентом бюджетной эффективности налоговых расходов положительного уровня, экономическая эффективность данных преференций, оцениваемая по пяти показателям финансово-хозяйственной деятельности, демонстрирует определенный прогресс. Так, в 2019 г. чистая прибыль организаций — участник СЭЗ, воспользовавшихся пониженными ставками налога на прибыль организаций, по сравнению с предыдущим годом выросла на 18,5%, выручка от продажи товаров, работ, услуг — на 3%, налоговые поступления — на 30,7%. Объем инвестиций в основной капитал в 2019 г. увеличился на 29,7% по сравнению с 2017 г., и создано 10068 рабочих мест, что на 2,2% больше показателя 2017 г.

Увеличение собственных налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета Республики Крым может обеспечиваться за счет расширения базы налогообложения по имущественным налогам.

РЕЗЕРВЫ УВЕЛИЧЕНИЯ ПОСТУПЛЕНИЙ ДОХОДОВ В БЮДЖЕТ РЕСПУБЛИКИ ЗА СЧЕТ ИМУЩЕСТВЕННЫХ НАЛОГОВ И НАЛОГА НА ИГОРНЫЙ БИЗНЕС

На территории Республики Крым кадастровая оценка земельных участков и объектов капитального строительства для расчета налоговых обязательств начала действовать с 1 января 2020 г.

Распоряжением Совета министров Республики Крым от 24.12.2019 № 1674-р утверждён Перечень

объектов недвижимого имущества, расположенных на территории Республики Крым, в отношении которых налоговая база определяется как кадастровая стоимость, на 2020 г., в который включен 191 объект недвижимого имущества.

Кроме этого, благодаря дополнительным источникам местных бюджетов будут увеличены поступления земельного налога и налога на имущество физических лиц.

Фактором, мешающим всеобщему привлечению граждан и организаций к регистрации прав собственности, является действие ст. 12 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», согласно которой на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя действуют документы, подтверждающие право собственности, право пользования, выданные государственными и иными официальными органами Украины, государственными и иными официальными органами Автономной Республики Крым, государственными и иными официальными органами города Севастополя, без ограничения срока их действия и какого-либо подтверждения со стороны государственных органов Российской Федерации, государственных органов Республики Крым или государственных органов города федерального значения Севастополя. В результате граждане и субъекты предпринимательства не спешат регистрировать свои права в органах Росреестра, уклоняясь тем самым от налогообложения.

Учитывая, что данная норма не позволяет расширять налогооблагаемую базу по налогу на имущество организаций, считаем целесообразным предложить законодателю уточнить редакцию данной статьи, предусмотрев в законодательстве необходимость обязательной регистрации прав собственности в органах Росреестра с указанием граничной даты, до которой эта регистрация должна быть завершена.

Резервы увеличения поступлений земельного налога в бюджет кроются в совершенствовании рентного подхода, лежащего в основе расчета платы за землю, который определял бы экономически обоснованную стоимость земельного участка, как это делается во многих зарубежных странах.

Таким образом, имущественные налоги фактически представляют собой резервы для роста на-

логовых доходов. С 2020 г., т.е. позже, чем в других субъектах Российской Федерации, на территории Республики Крым была введена кадастровая оценка земельных участков и объектов капитального строительства, установлен налог на имущество физических лиц, сформирован первый перечень объектов недвижимого имущества, в отношении которых налоговая база устанавливается как кадастровая стоимость. Результаты от введения кадастровой оценки земельных участков пока не очевидны, но они будут положительными только в случае, если удастся выявить и зарегистрировать подавляющее большинство собственников имущества — юридических и физических лиц, доходы от налогообложения имущества которых являются существенным резервом увеличения доходной базы местных бюджетов.

Чрезвычайно важной проблемой для налоговых поступлений в местные бюджеты Крыма является решение об отмене с 1 января 2021 г. второго по значимости специального налогового режима — единого налога на вмененный доход (далее — ЕНВД). Доля этого налога в доходах местных бюджетов Крыма составляла 7,8%, что сопоставимо с налоговыми поступлениями в эти бюджеты от имущественных налогов (Симферополь — 8,4%, Евпатория — 8,1%). Предполагается, что выпадающие доходы будут возмещаться доходами от патентной системы налогообложения, которые в настоящее время составляют всего 371,4 млн руб., или доходами налогоплательщиков, которые выберут себе другую систему налогообложения. Но механизмы ЕНВД и патента имеют серьезные отличия и разные параметры, т.е. далеко не все прежние налогоплательщики ЕНВД смогут воспользоваться этим режимом. При этом можно отметить, что при высоких темпах роста применения упрощенной системы налогообложения (далее — УСН) поступления от патентной формы налогообложения уменьшаются [7] вследствие того, что юридические лица не имеют права применять патентную систему налогообложения. Предполагается, что без пересмотра возможных параметров использования патентной формы налогообложения и их приближения к параметрам применения ЕНВД ситуация не изменится [8].

Легализация на территории Крыма игорного бизнеса является мерой, с помощью которой возможно наполнение регионального бюджета, создание дополнительных рабочих мест и развитие других отраслей экономики, связанных с игорным бизнесом, в частности строительства, туризма, сферы обслуживания и др. В настоящее время поступления

налога на игорный бизнес в бюджет Крыма чрезвычайно низки и составляют незначительную сумму в 8,6 млн руб.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Важную роль в экономике Крыма играет малый и средний бизнес. Крупные предприятия Крыма до сих пор находятся в сложных финансово-экономических условиях. Поэтому с момента вхождения Крыма в состав Российской Федерации именно малый и средний бизнес составляет основу экономики региона [9].

Наиболее привлекательными видами налогообложения для малого и среднего бизнеса Республики Крым являются специальные налоговые режимы. В соответствии с НК РФ, который позволил устанавливать субъектам Российской Федерации пониженные налоговые ставки, Государственным советом Республики Крым были приняты законы, согласно которым на период 2015–2016 гг. налоговая ставка по патентной системе налогообложения была снижена в шесть раз (до 1%); по налогу, уплачиваемому при применении УСН, — в два раза (3% — если объектом налогообложения являются доходы, 7% — если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов); по единому сельскохозяйственному налогу — в 12 раз (0,5%).

Меры налогового реформирования, связанные с принятием законов, позволяющих применять на территории Республики Крым пониженные ставки по специальным налоговым режимам, сыграли положительную роль и обеспечили увеличение числа юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, избравших данные системы налогообложения: за прошедшие годы количество субъектов предпринимательской деятельности, перешедших на УСН, выросло в 4,7 раза, а субъектов, перешедших на патентную систему налогообложения, — в 5,5 раза.

Положительные результаты деятельности предпринимателей, избравших специальные налоговые режимы, позволили увеличить на период 2017–2021 гг. ставки налогов по специальным налоговым режимам: по патентной системе налогообложения — с 1 до 4%, по единому сельскохозяйственному налогу — с 0,5 до 4%; по УСН: если объектом налогообложения являются доходы — с 3 до 4%, а если объектом налогообложения являются доходы, уменьшенные на величину расходов, — с 7 до 10%. В основном предприниматели малого бизнеса выбирают УСН, которая

приносит в казну республики наибольшее количество доходов из всех специальных налоговых режимов [10]. Однако большинство предпринимателей выбирает в качестве объекта налогообложения доход (от таких налогоплательщиков в 2019 г. поступило 84,9% всех доходов). Скорее всего, выбор данного объекта налогообложения вызван низким уровнем расходов, что косвенно подтверждается высокой долей предприятий торговли и ремонта автотранспортных средств в структуре малого бизнеса Крыма. Теоретически можно предположить, что для тех предпринимателей, которые несут большие расходы, препятствием для выбора объектом налогообложения доходы за вычетом расходов является возможность их исключения из числа налогоплательщиков НДС, что резко увеличивает себестоимость продукции и делает такой бизнес неконкурентным [11]. Представляется, что по аналогии с механизмом единого сельскохозяйственного налога придание ряду предпринимателей малого бизнеса статуса налогоплательщиков НДС должно положительно повлиять на их мотивацию не только в отношении выбора варианта налогообложения, но и вида деятельности.

Очевидно, что принятые меры по развитию малого предпринимательства способствуют обеспечению занятости населения. В январе-июне 2019 г. общая численность занятых на малых предприятиях Республики Крым составила 38,0 тыс. человек, а среднемесячная заработная плата, начисленная работникам, достигла более 33,8 тыс. руб., увеличившись на 11,4% по сравнению с предыдущим годом.

Следует отметить как важный фактор развития малого бизнеса Крыма то, что высокими темпами увеличиваются инвестиции в основной капитал [с 1,96 млрд руб. в 2018 г. до 2,8 млрд в 2019 г. (42%)], при этом самыми значительными темпами растут инвестиции в основной капитал малых предприятий обрабатывающей промышленности (85,5%), на 27,5% увеличились инвестиции в основной капитал в сельском хозяйстве.

Учитывая необходимость повышения роли малого и среднего предпринимательства в экономике страны, был принят национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» со сроком реализации с 15 октября 2018 г. до 31 декабря 2024 г. и объемом средств 481,5 млрд руб.

До 2024 г. Республика Крым должна получить из федерального бюджета 2,3 млрд руб. на реализацию региональных программ, предусмотренных национальным проектом «Малое и среднее пред-

принимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». В рамках этого национального проекта в Крыму реализуются пять региональных проектов: расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам, в том числе к льготному финансированию; акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства; популяризация предпринимательства; улучшение условий ведения бизнеса; создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации. Все эти проекты успешно реализуются, что крайне важно, поскольку в настоящее время роль малого бизнеса в экономике России намного меньше, чем в большинстве стран.

Большой объем теневого сектора в экономике Крыма вынуждает применять стимулирующие меры. Так, Государственным советом Республики Крым одобрен законопроект о предоставлении налоговых каникул собственникам малых отелей и гостевых домов. Ранее законопроект был принят Госдумой России в трех чтениях и одобрен президентом страны. Легализация квартир-сдатчиков и малых отелей, работающих вне правового поля, — один из основных приоритетов борьбы с теневым сектором. Согласно данным министерства туризма Крыма 40–50% всех средств размещения отдыхающих на территории

региона работают «в тени»: до 18 тыс. квартир-сдатчиков и 4,5–5 тыс. малых отелей.

Введение на территории Крыма налога на профессиональный доход с середины 2020 г. выявило очень важную проблему выпадающих доходов регионального бюджета по НДФЛ и получения неоправданной налоговой выгоды налогоплательщиками, поскольку по данным налоговых органов большинство налогоплательщиков работает в сфере автотранспортных услуг, сдачи недвижимости, и многие работодатели переводят работников на этот режим для того, чтобы не уплачивать за них страховые взносы [12].

Налоговыми органами Республики Крым проводятся мероприятия по установлению физических лиц, имеющих право на применение налога на профессиональный доход, путем мониторинга интернет-ресурсов, социальных сетей, проведения рейдовых мероприятий, а также их информированию о преимуществах применения указанного налога. Проведено более 10 тысяч обследований объектов потенциальных плательщиков налога на профессиональный доход, осуществлено порядка 15 тысяч звонков по телефонам, установленным в ходе мониторинга различных интернет-ресурсов и социальных сетей, и по итогам проведенной работы на территории Республики Крым зарегистрировано около 11 тыс. плательщиков налога на профессиональный доход.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кивико И.В. Финансовое развитие Республики Крым: тенденции и перспективы // *Финансы*. — 2019. — № 7. — С. 3–8. — ISSN 0869–446X.
2. Кивико И.В. Налоговая система Республики Крым адаптируется к российским условиям // *Экономика. Налоги. Право*. — 2016. — Т. 9. — № 4. — С. 143–149. — ISSN 1999–849X.
3. Кивико И.В. Особенности налогового законодательства Республики Крым // *Экономика. Налоги. Право*. — 2015. — № 6. — С. 128–134. — ISSN 1999–849X.
4. Кивико И.В. Налоговый потенциал Республики Крым // *Финансовый журнал*. — 2020. — Т. 12. — № 3. — С. 48–59. — ISSN 2075–1990.
5. Тазутдинов И.Р. Особые экономические зоны в системе обеспечения экономической безопасности: специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством»; автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Тазутдинов Ильдар Рашитович. — Москва, 2015. — Место защиты: Институт экономики РАН. — 26 с.
6. Быков С.С. Экономические зоны в контексте фискального федерализма. — В книге 1: Особые экономические зоны. Теоретико-методологические аспекты развития: монография / под общей редакцией И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. — Москва: Юнити-дана, 2017. — 351 с. — ISBN 978–238–02984–9.
7. Бобошко Н.М. Специальные налоговые режимы: сущность и значение в условиях обеспечения экономической безопасности бизнеса // *Инновационное развитие экономики*. — 2018. — № 4. — С. 305–310. — ISSN 2223–7984.
8. Кравченко М.В. Проблемы применения специальных налоговых режимов для субъектов малого бизнеса в Российской Федерации // *Социально-экономические явления и процессы*. — 2015. — Т. 5. — № 3. — С. 34–40. — ISSN 1819–8813.

9. Кивико И.В. Налоговое регулирование субъектов малого бизнеса в Крыму // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — № 4. — С. 125–132. — ISSN: 1999–849X
10. Котов В.С. Налогообложение малого бизнеса в современных условиях // Горный информационно-аналитический бюллетень. — 2015. — № 9. — С. 260–268. — ISSN 0236–1493.
11. Соколов Н.С. Особенности налогообложения субъектов малого предпринимательства в РФ на современном этапе // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2019. — № 5. — С. 49–53. — ISSN 2413–0257.
12. Макарова Е.В. Очень важно, чтобы у плательщиков НПД не было претензий к администрированию данного налога, тогда новый спецрежим наверняка приобретет популярность среди населения, причем не только нашего региона // Налоговая политика и практика. — 2019. — Т. 203. — № 11. — С. 32–34. — ISSN 2071–5250.

REFERENCES

1. Kiviko I.V. Financial development of the Republic of Crimea: trends and prospects. *Finance*. 2019;(7):3–8. (In Russ.).
2. Kiviko I.V. The tax system of the Republic of Crimea adapts to Russian conditions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2016;9(4):143–149. (In Russ.).
3. Kiviko I.V. Features of the tax legislation of the Republic of Crimea. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law Economy*. 2015;(6):128–134. (In Russ.).
4. Kiviko I.V. Tax potential of the Republic of Crimea. *Financial magazine*. 2020;12(3):48–59. (In Russ.).
5. Tazutdinov I.R. Special economic zones in the system of economic security: author. dis ... cand. econ sciences. Moscow; 2015. 26 p. (In Russ.).
6. Bykov S.S. Economic zones in the context of fiscal federalism in book 1: Mayburov I.A, Ivanova Yu.B. (red.) in book 1: Special economic zones/ Theoretical and methodological aspects of development. Monograph. Moscow: Unity-dana; 2017. 351 p. (In Russ.).
7. Boboshko N.M. Special tax regimes: the essence and significance in terms of economic security of business. *Innovacionnoe razvitie jekonomiki = Innovative development of the economy*. 2018;(4):305–310. (In Russ.).
8. Kravchenko M.V., Problems of application of special tax regimes for small businesses in the Russian Federation. *Social'no-jekonomicheskie javlenija i process = Socio-economic phenomena and processes*. 2015;(3):34–40. (In Russ.).
9. Kiviko I.V. Tax regulation of small business entities in the Crime. *Economics. Taxes & law*. 2018;11(4):125–132. (In Russ.).
10. Kotov V.S. Taxation of small business in modern conditions. *Gornyj informacionno-analiticheskij bjulleten' = Mining information and analytical Bulletin*. 2015;(9):260–268. (In Russ.).
11. Sokolov N.S. Features of taxation of small businesses in the Russian Federation at the present stage. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2019;(5):49–53. (In Russ.).
12. Makarova E.V. It is very important that NPD payers have no complaints about the administration of this tax, then the new special regime will certainly gain popularity among the population, and not only in our region. *Nalogovaya politika i praktika = Tax Policy and Practice*. 2019;203(11):32–34. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Валерьевна Кивико — заместитель Председателя Совета министров Республики Крым, министр финансов Республики Крым, Симферополь, Россия
ikivi@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Kiviko — Deputy Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Crimea, Minister of Finance of the Republic of Crimea, Simferopol, Russia
ikivi@rambler.ru

Статья поступила 10.01.2021; принята к публикации 10.03.2021.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received 10.01.2021; accepted for publication 10.03.2021.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-146-156
УДК 332.14(045)
JEL J11

Прогнозирование демографического развития муниципального образования

Р.В. Фаттахов^а, М.М. Низамутдинов^б, Н.И. Федорова^с, В.В. Орешников^д

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^{б,д} Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия;

^с Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия;

^а <https://orcid.org/0000-0002-5863-7982>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8824-0900>; ^д <https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – динамика параметров естественного и миграционного движения населения муниципального образования на примере г. Кирова. *Цель работы* – разработка методики формирования прогноза демографического развития муниципального образования. На базе построенной экономико-математической модели осуществлен сценарный прогноз и получены оценки изменения численности населения г. Кирова. Построены кривые Ципфа для анализа распределения городов Кировской области по численности населения. Проведен обзор оценок социально-экономического положения г. Кирова среди других городов страны. *Сделан вывод* о том, что все рассмотренные сценарии развития этого города предполагают естественную убыль населения, пик которой приходится на 2028–2031 гг. Установлено, что темп роста численности населения г. Кирова определяется миграционными процессами. Вместе с тем ожидается постепенное ухудшение миграционной ситуации. В соответствии с консервативным сценарием снижение численности населения г. Кирова возможно с 2028 г. Базовый сценарий предполагает стабилизацию значения данного показателя с 2034 г. на уровне порядка 568 тыс. чел. Целевой сценарий характеризуется продолжением роста численности населения до конца рассматриваемого периода, хотя и со снижающимися темпами. Отмечается, что данное явление обусловлено изменением возрастной структуры населения как города, так и страны в целом, характеризующимся уменьшением доли населения в возрасте от 20 до 34 лет, а также корректировкой его воспроизводственного поведения. С точки зрения системы расселения выявлен непропорциональный разрыв между столицей и остальными городами Кировской области.

Ключевые слова: демография; движение населения; город; миграция; Приволжский федеральный округ; город Киров; кривая Ципфа

Для цитирования: Фаттахов Р.В., Низамутдинов М.М., Федорова Н.И., Орешников В.В. Прогнозирование демографического развития муниципального образования. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):146-156. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-146-156

Forecasting the Demographic Development of a Municipality

R.V. Fattakhov^а, M.M. Nizamutdinov^б, N.I. Fedorova^с, V.V. Oreshnikov^д

^а Financial University, Moscow, Russia;

^{б,д} Institute for Socio-Economic Research of the UNRC RAS, Ufa, Russia;

^с Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5863-7982>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-5643-1393>;

^с <https://orcid.org/0000-0002-8824-0900>; ^д <https://orcid.org/0000-0001-5779-4946>

ABSTRACT

The subject of the study is the dynamics of the parameters of the natural and migration movement of the population of the municipality on the example of the city of Kirov. *The purpose of the work* is to develop a methodology for forming a forecast of the demographic development of a municipality. On the basis of the constructed economic and mathematical

model, a scenario forecast is made and estimates of the change in the population of the city of Kirov are obtained. Zipf curves are constructed to analyze the distribution of cities in the Kirov region by population. The review of assessments of the socio-economic situation of the city of Kirov among other cities of the country is carried out. *It is concluded that all the considered scenarios of the development of this city assume a natural population decline, the peak of which falls on 2028–2031.* It is established that the rate of population growth in the city of Kirov is determined by migration processes. At the same time, the migration situation is expected to gradually deteriorate. In accordance with the conservative scenario, a decrease in the population of Kirov is possible from 2028. The base scenario assumes the stabilization of the value of this indicator from 2034 at the level of about 568 thousand people. The target scenario is characterized by continued growth until the end of the period under review, although at a declining rate. It is noted that one of the key reasons for this is the change in the age structure of the population of both the city and the country as a whole, characterized by a decrease in the proportion of the population aged 20 to 34 years, as well as the adjustment of reproductive behavior. From the point of view of the settlement system, a disproportionate gap was revealed between the capital and the rest of the cities of the Kirov region.

Keywords: demography; population movement; city; migration; Volga Federal District; Kirov city; Zipf curve

For citation: Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Fedorova N.I., Oreshnikov V.V. Forecasting the demographic development of a municipality. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2021;14(2):146-156. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-146-156

ВВЕДЕНИЕ

Движущей силой экономического развития Российской Федерации и ее регионов является человеческий капитал. Несмотря на то, что ключевые проблемы демографического развития хорошо известны и широко обсуждаются как научным сообществом, так и специалистами-практиками [1], они фактически не решаются. Многие субъекты Российской Федерации столкнулись с ситуацией, характеризующейся сочетанием следующих процессов: снижением рождаемости населения, повышением среднего возраста жителей, миграционным оттоком, концентрацией населения в крупнейших городах региона. В определенной степени примером подобной ситуации служит г. Киров, где благодаря миграционным процессам уже сейчас проживает почти половина всего населения Кировской области, хотя с 2018 г. происходит его естественная убыль. В связи с этим возникает вопрос о перспективах дальнейшего изменения численности и структуры населения города, что требует проведения подробного анализа как текущей ситуации, так и вероятных тенденций развития в данной сфере.

Формирование прогноза социально-экономического развития г. Кирова до 2035 г. базируется на разработке комплексной экономико-математической модели города, описывающей важнейшие взаимосвязи структурных элементов муниципальной системы, включая демографию, производство, инвестиционную политику [2], социальную сферу, рынок труда, потребительский рынок [3], бюджетную систему [4] и т.д. Разработка модели социально-экономического

развития г. Кирова осуществлена на базе отчетных статистических данных за период 2000–2019 гг. Более подробно структура модели социально-экономического развития г. Кирова раскрывается в предыдущих публикациях авторов [5].

В рамках исследования учтены параметры Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 г., Прогноза социально-экономического развития Кировской области на долгосрочный период до 2035 г., демографического прогноза Росстата по Кировской области до 2035 г., а также целевые индикаторы стратегических документов различного уровня. Кроме того, принято во внимание влияние вероятных последствий распространения новой коронавирусной инфекции и нестабильности глобальной финансово-экономической ситуации в 2020 г. (в ряде случаев с распространением влияния на последующие периоды).

При формировании прогноза социально-экономического развития г. Кирова рассмотрены три сценарных варианта:

- 1) консервативный сценарий, базирующийся на сохранении существующих параметров функционирования ключевых направлений жизнедеятельности города;
- 2) базовый сценарий, представляющий собой реализацию наиболее вероятных параметров развития экономической ситуации в стране и предполагающий сохранение основных условий функционирования города;
- 3) целевой сценарий, характеризующий наиболее предпочтительный вариант социально-экономического развития г. Кирова с учетом имею-

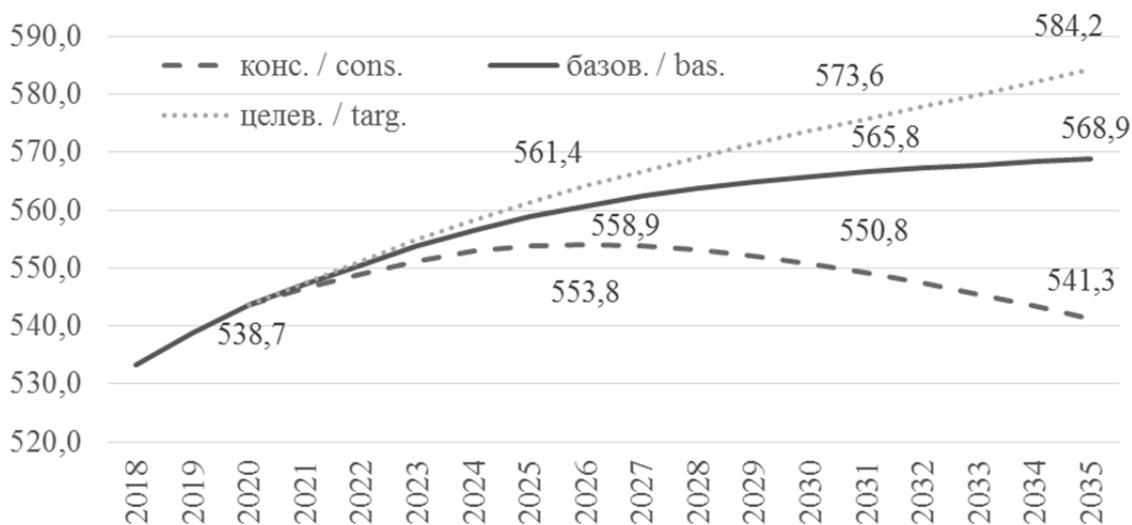

Рис. 1 / Fig. 1. Прогноз численности населения г. Кирова, тыс. чел. /
Forecast of the population of the city of Kirov, thousand people

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

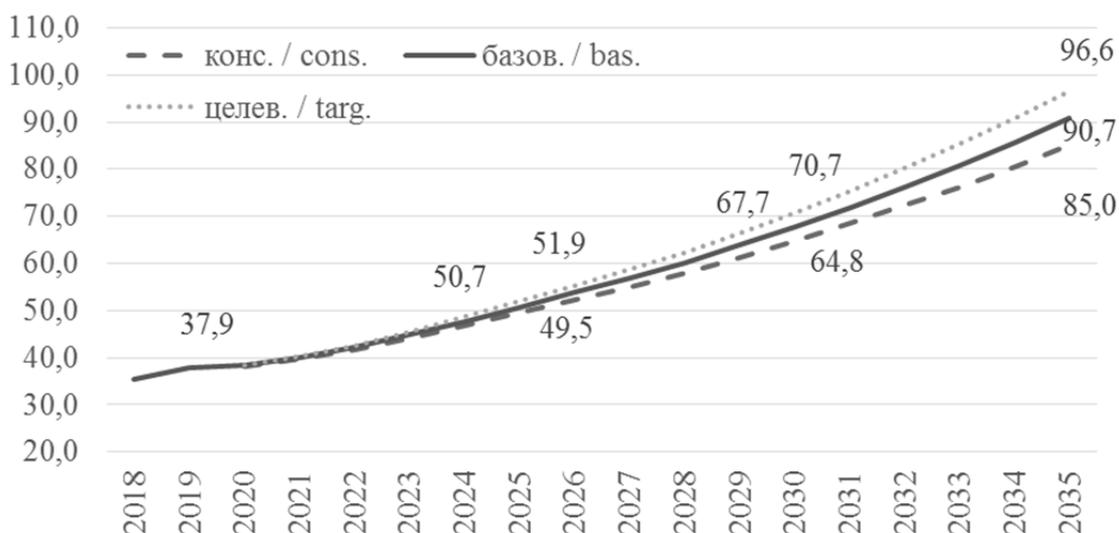

Рис. 2 / Fig. 2. Номинальная начисленная среднемесячная заработная плата, тыс. руб. /
чел. в мес. / Nominal accrued average monthly wages, thousand rubles / person per month

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

щегося потенциала и реализации благоприятных тенденций.

ВЛИЯНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ГОРОДЕ

Прогнозная численность постоянного населения г. Кирова зависит от совокупности влияния естественного и миграционного движений населения.

В соответствии с консервативным сценарием до 2027 г. ожидается ее постепенное увеличение до момента, когда она составит 553,8 тыс. чел., с последующим снижением до 541,3 тыс. чел. к 2035 г. При этом базовый и целевой сценарии развития предполагают сохранение тенденций к росту численности населения на протяжении всего рассматриваемого периода. В то же время в дальнейшем прогнозируется снижение темпов роста. В частности, при реализации базового сценария начиная

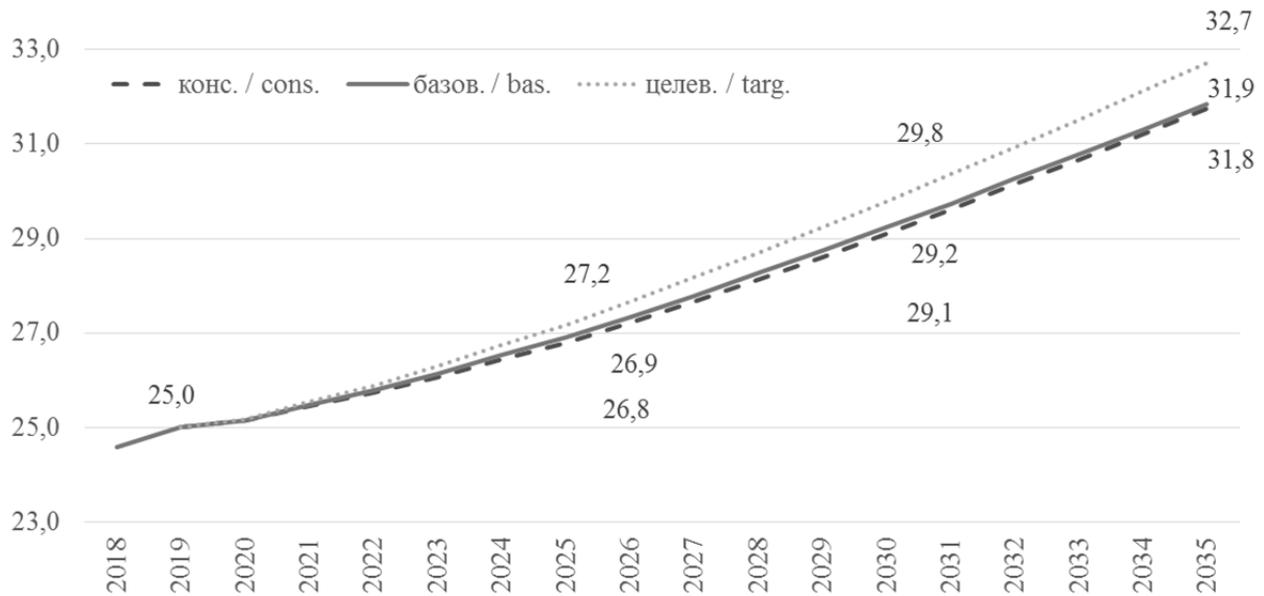

Рис. 3 / Fig. 3. Обеспеченность жильем на душу населения, кв. м /
Housing provision per capita, sq. m

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

с 2034 г. прирост составит менее 0,1% в год, т.е. численность населения фактически стабилизируется. Сопоставление вариантов развития ситуации представлено на рис. 1.

Причиной подобных изменений в первую очередь является изменение возрастной структуры населения города в рассматриваемой перспективе. Все три сценария базируются на схожей динамике данных процессов. В частности, обращает на себя внимание существенное снижение численности лиц в возрасте от 20 до 34 лет, на долю которых приходится подавляющая часть рождений. С 2013 г. по 2019 г. численность данной группы населения сократилась на 17,6 тыс. чел. (численность группы населения в возрасте от 20 до 24 лет уменьшилась на 46,2%), а в соответствии с базовым сценарием к 2035 г. она сократится еще на 22,5 тыс. чел. Кроме того, существенными факторами становятся более поздние возрасты вступления в брак и материнства. Положительное влияние на рождаемость окажет повышение уровня жизни населения, включая рост доходов [6] и обеспеченности жильем [7].

Динамика увеличения объема среднедушевых доходов населения г. Кирова в целом соответствует динамике оплаты труда (рис. 2). При этом изменение структуры доходов населения при реализации

базового и целевого сценариев предполагает уменьшение доли социальных трансфертов, т.е. превышение темпов роста заработной платы над темпами увеличения суммарных доходов населения города. Консервативный сценарий развития характеризуется ростом среднедушевых доходов населения в 2,27 раза по сравнению со значениями 2019 г. Однако относительно высокий уровень индекса потребительских цен позволит достигнуть лишь 12,6% реального прироста. Базовый и целевой сценарии предполагают увеличение среднемесячных доходов до 70,3 и 72,4 тыс. руб. соответственно, т.е. на 29,5 и 46,8% в сопоставимых ценах.

При анализе прогнозных показателей по обеспеченности населения жильем необходимо принимать во внимание, что доступность жилья является существенным фактором, оказывающим влияние на социальные процессы. В удельном выражении параметры обеспеченности жильем по всем трем сценариям достаточно близки. Реализация базового сценария развития позволит достичь к 2035 г. роста обеспеченности жильем населения города до 31,9 кв. м / чел. (консервативный сценарий — 31,8 кв. м / чел., целевой сценарий — 32,7 кв. м / чел.) (рис. 3).

Однако для достижения данных значений в рамках целевого сценария требуется существенно боль-

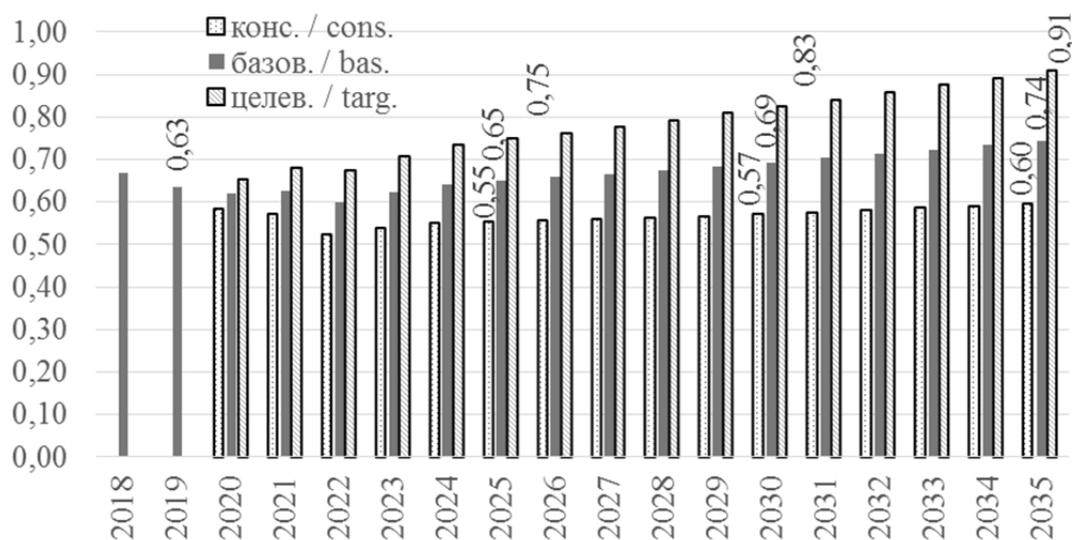

Рис. 4 / Fig. 4. Ввод жилья на душу населения, кв. м / Housing commissioned per capita, sq. m

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ше ресурсов, чем при реализации консервативного варианта развития. Так, консервативный сценарий предполагает достижение уровня ввода жилья на душу населения 0,6 кв. м / чел. (323,3 тыс. кв. м жилья), базовый — 0,74 кв. м / чел. (429,0 тыс. кв. м жилья), целевой — 0,91 кв. м / чел. (542,8 тыс. кв. м жилья) (рис. 4).

Следует отметить, что, несмотря на положительные тенденции с области повышения уровня жизни, они не смогут в полной мере компенсировать изменение возрастной структуры населения. В результате влияния комплекса факторов уровень рождаемости в соответствии с базовым сценарием снизится с 9,9 промилле¹ в 2019 г. до 7,1 промилле в 2028 г. В дальнейшем прогнозируется постепенный рост до 8,2 промилле в 2035 г. (7,6 и 8,8 промилле по консервативному и целевому сценариям соответственно).

В то же время происходит старение населения и увеличивается численность группы населения в возрасте более 70 лет (в данной группе смертность выше в силу естественных причин), что повлечет соответствующее изменение общего коэффициента смертности. Следует отметить, что повышение качества жизни, доступности медицинских услуг и ряд иных факторов позволят несколько сгладить последствия происходящих процессов.

¹ Промилле — единица, обозначающая естественный прирост населения, или одна тысячная воспроизводства населения на 1000 человек.

Исходя из данных предпосылок консервативный сценарий развития ситуации предполагает повышение общего уровня смертности к 2035 г. до 14,8 промилле (в 2019 г. значение данного показателя составляло 11,5 промилле). Два других сценария также предполагают некоторое увеличение уровня смертности в рассматриваемый период с последующим изменением данной тенденции. Так, в соответствии с базовым сценарием рост показателя продолжится до 2030 г. (до 12,7 промилле) с последующим уменьшением до 12,6 промилле. Целевой сценарий основывается на достижении пика роста в 2027 г. на уровне 12,3 промилле с последующим снижением к 2035 г. до 11,8 промилле.

Вместе с тем все рассмотренные варианты развития ситуации предполагают естественную убыль населения, пик которой приходится в соответствии с консервативным сценарием на 2031 г. (–7,6 промилле), с базовым сценарием — на 2030 г. (–5,6 промилле), с целевым — на 2028 г. (–4,8 промилле). В связи с этим указанное ранее увеличение численности населения города произойдет исключительно за счет миграционного потока. Однако в этой сфере имеются ряд рисков.

ПРОГНОЗ ДИНАМИКИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

На сегодняшний день наблюдается миграционный прирост, интенсивность которого в последние годы возрастала. Проведенный анализ показал, что в основном данный прирост был обеспечен вну-

Таблица / Table

Доля городского населения в регионах Приволжского федерального округа, % / The share of the urban population in the regions of the Volga Federal District, %

Регион / Region	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018	2018 / 2005
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	70,4	70,9	71,5	71,6	71,7	71,9	72,1	102,4
Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	59,8	60,6	61,7	61,8	61,9	62,1	62,2	104
Республика Марий Эл / Mari El Republic	62,7	63,2	65,2	65,5	65,8	66,2	66,6	106
Республика Мордовия / Republic of Mordovia	58,7	60,6	61,2	61,9	62,5	63,0	63,4	108
Республика Татарстан / Republic of Tatarstan	74,5	75,4	76,3	76,4	76,6	76,8	76,9	103
Удмуртская Республика / Udmurt Republic	70,0	68,7	65,5	65,6	65,7	65,8	66,0	94
Чувашская Республика / Chuvash Republic	61,0	58,9	60,7	61,3	62,0	62,5	63,0	103
Пермский край / Perm region	75,2	75,0	75,5	75,6	75,7	75,8	75,9	101
Кировская область / Kirov region	72,3	74,1	75,6	75,9	76,3	76,8	77,3	107
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	78,3	78,9	79,4	79,5	79,5	79,5	79,6	102
Оренбургская область / Orenburg region	58,5	59,7	59,9	59,9	60,0	60,1	60,3	103
Пензенская область / Penza region	65,8	67,2	68,1	68,3	68,3	68,5	68,7	104
Самарская область / Samara Region	80,1	80,3	80,3	80,2	80,1	80,0	79,8	100
Саратовская область / Saratov region	73,8	74,6	75,2	75,3	75,5	75,7	75,9	103
Ульяновская область / Ulyanovsk region	73,0	73,6	74,5	74,7	75,0	75,3	75,6	104

Источник / Source: составлено авторами по данным Росстата / compiled by the authors based on data from Rosstat of the Russian Federation.

трирегиональной миграцией (из сельской местности в город [8]). При этом доля городского населения в Кировской области с 2005 по 2018 г. увеличилась с 72,3 до 77,3% (см. таблицу).

Как следует из представленных данных, по уровню урбанизированности данный регион занимает третье место, уступая лишь Нижегородской и Самарской областям. Близкие значения наблюдаются в Татарстане, Саратовской, Ульяновской областях,

Пермском крае. Однако ни один из указанных субъектов Российской Федерации не характеризуется столь высокими темпами прироста показателя. В период 2005–2018 гг. уровень урбанизированности в Кировской области увеличился на 7%, в то время как прирост населения составил от 0 до 4%. Напротив, многие регионы с низким уровнем урбанизированности показали более высокие темпы прироста (например, Республики Марий Эл и Мор-

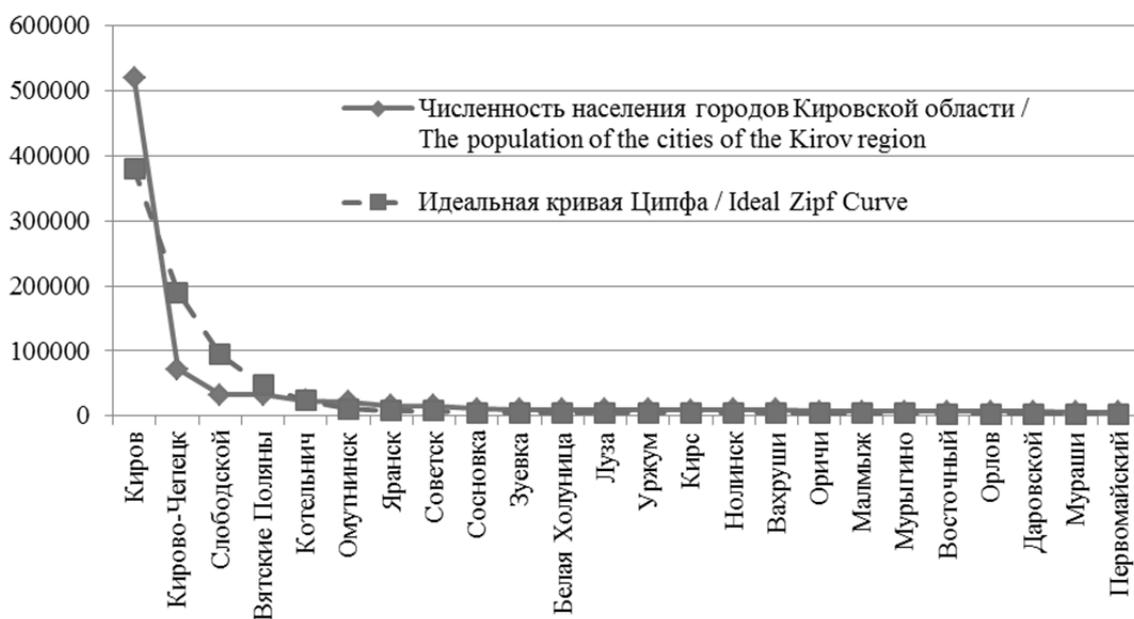

Рис. 5 / Fig. 5. Распределение городов Кировской области по численности населения, чел. / Distribution of cities in the Kirov region by population, people

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

довия). На этом основании можно сделать вывод о том, что происходит определенное насыщение или достижение предельного уровня урбанизированности, когда регионы перестают увеличивать долю городского населения. Можно предположить, что для рассмотренных регионов Приволжского федерального округа данный уровень находится на уровне 76–78%, после чего прирост фактически прекращается (часто он бывает обусловлен уже не миграционными факторами, а естественным движением населения в сельской местности [9]). На наш взгляд, Кировская область если не достигла, то вплотную приблизилась к данному порогу.

Почти 45% населения области уже проживают в г. Кирове. Анализ соотношения между городами региона должен проводиться согласно закону Ципфа². Представленное на рис. 5 распределение численности городов региона с численностью более 5 тыс. жителей показывает, что в регионе имеется непропорциональный разрыв между столицей и остальными

городами. Численность населения г. Кирова в 7,2 раза превышает численность населения г. Кирово-Чепецка (72,1 тыс. чел.) и в 15,8 раза — г. Слободской. Данные города занимают соответственно вторую и третью строку рейтинга и находятся столь близко к г. Кирову (менее 40 км), что с экономической точки зрения уже фактически включены в его жизнь [10].

Таким образом, дальнейшая концентрация жителей в одном городе создает риски для развития региона в целом.

Кроме того, одним из ключевых факторов формирования миграционного прироста является различие в уровне оплаты труда. За последние годы наблюдались две тенденции в данной сфере. С одной стороны, увеличилось отставание г. Кирова от среднероссийской величины оплаты труда, а с другой стороны — уменьшилось различие по данному показателю между г. Кировом и Кировской областью в целом, что отражается на миграционной привлекательности города в перспективе. Другим важным фактором миграционного прироста является получение населением высшего образования в вузах города. Однако указанные ранее тенденции изменения возрастной структуры населения характерны не только для города, но и для области в целом. Так, если в 2001 г. в г. Кирове проживало 38,4 тыс. чел. в возрасте 16–19 лет (примерный возраст посту-

² Закон Ципфа — эмпирическая закономерность распределения частоты слов: если все слова ранжировать по убыванию частоты их использования, то частота n -го слова в таком списке окажется приблизительно обратно пропорциональной его порядковому номеру n , например второе по используемости слово встречается примерно в два раза реже, чем первое, третье — в три раза реже и т.д.

пления в техникумы и вузы), то к 2019 г. их осталось 20,0 тыс. чел.

Проведенное в 2018 г. исследование уровня привлекательности городов России для населения, бизнеса и туристов, показало, что с точки зрения миграционной привлекательности на тот момент г. Киров находился на 38-й позиции. Однако среднесрочный прогноз предполагал снижение рейтинга города в среднесрочной перспективе на пять–семь позиций в зависимости от сценария [11]. Схожие выводы получены и другими исследователями. Так, в рейтинге городов России по уровню жизни компании *Domofond* за 2018–2019 гг., г. Киров занял³ 97-ю строку. В рейтинге этой же компании по удовлетворенности населения качеством магазинов⁴, город занял 46-ю строку, по возможностям для спорта и отдыха⁵ — 67-ю, по экологии⁶ — 135-ю строку. В рейтинге за 2019 г. по качеству жизни, опубликованном Финансовым университетом⁷, г. Киров занимает 70-ю позицию (по составляющим рейтинга — от 38-й до 75-й позиции). Рейтинг российских регионов по качеству жизни, представленный РИА Новости⁸, отводит Кировской области 60-ю строку. Исходя из данных исследований можно с трудом предположить, что миграционная привлекательность города для жителей других субъектов Российской Федерации достаточно велика для того, чтобы обеспечить межрегиональный и тем более международный приток мигрантов. Подавляющая составляющая миграционного прироста населения города формируется за счет жителей самой Кировской области. В данном случае следует отметить, что сложная миграционная ситуация характерна для всего региона. Наиболее привлекательными для кировчан оказались следующие города и регионы: Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Марий Эл, Татарстан, Коми и Нижегородская область.

³ Рейтинг городов России. URL: <https://www.domofond.ru/city-ratings>.

⁴ Рейтинг 200 городов России по качеству магазинов. URL: https://www.domofond.ru/statya/rejting_200_gorodov_rossii_po_kachestvu_magazinov/100499.

⁵ Лучшие и худшие города для спорта и отдыха. URL: https://www.domofond.ru/statya/luchshie_i_hudshie_goroda_dlya_sporta_i_otdyha/100476.

⁶ Экологический рейтинг 200 городов России за 2019 год. URL: https://www.domofond.ru/statya/ekologicheskij_rejting_200_gorodov_rossii_za_2019_god/100219.

⁷ Рейтинг городов России по качеству жизни. URL: http://www.fa.ru/org/div/cos/press/Documents/91_LQ_2019.pdf.

⁸ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2019. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 20.08.2020)

Говорить об улучшении ситуации в регионе в 2020 г. не приходится. Согласно данным Кировстата за первые три месяца миграционный отток составил почти 0,6 тыс. чел. При этом все же следует отметить, что в соответствии с демографическим прогнозом Росстата ситуация должна постепенно улучшаться и к 2033 г. даже прогнозируется миграционный прирост. Однако, учитывая то, что более 20 лет область ежегодно теряет в среднем порядка 4 тыс. чел., подобная оценка представляется несколько спорной.

Исходя из данных и ряда иных факторов значение коэффициента миграционного прироста в г. Кирове в соответствии с консервативным сценарием снижается с 11,0 промилле в 2019 г. до 3,1 промилле в 2035 г. Реализация базового сценария предполагает уменьшение значения данного показателя до 5,3 промилле, целевого сценария — до 6,8 промилле.

ИЗМЕНЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ

Другим результатом указанных процессов станет изменение коэффициента демографической нагрузки (отношения числа лиц нетрудоспособного возраста к числу лиц трудоспособного возраста). Существенное влияние на данный показатель оказало изменение пенсионного возраста. При его сохранении доля населения старше трудоспособного возраста к 2035 г. возросла бы в зависимости от сценария до 26,1–26,5% (против 25,4% в 2019 г.). При этом увеличение продолжительности жизни приведет к тому, что в соответствии с базовым сценарием численность населения в возрасте старше 70 лет увеличится на 25,5 тыс. чел., т.е. на 53,2% по отношению к уровню 2019 г. Целевой сценарий предполагает повышение качества жизни и, как следствие, еще большее увеличение числа лиц старшего возраста (на 28,7 тыс. чел.).

Принципиально иная ситуация складывается в отношении числа лиц младше трудоспособного возраста. В соответствии с базовым сценарием их доля к 2024 г. возрастет до 19,0%, после чего вследствие снижения уровня рождаемости она начнет уменьшаться и достигнет к 2035 г. 17,1% (16,2 и 17,7% в соответствии с консервативным и целевым сценариями соответственно). Следует отметить, что поскольку реализация целевого сценария будет способствовать повышению доли населения как младшей, так и старшей возрастных групп (по сравнению с остальными сценариями), то доля населения в трудоспособном возрасте в рамках данного сценария окажется ни-

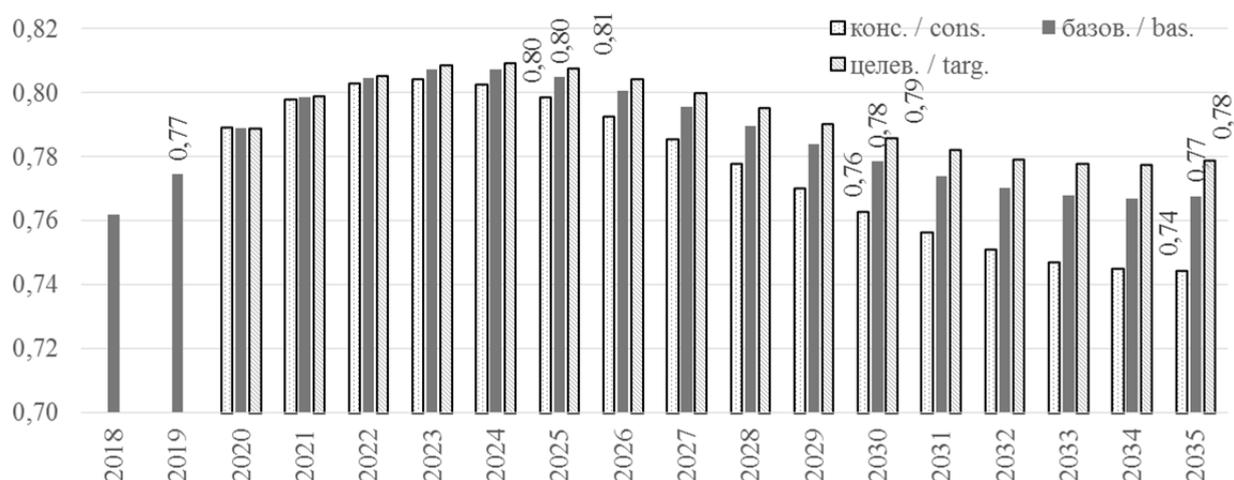

Рис. 6 / Fig. 6. Коэффициент демографической нагрузки* / Demographic load factor

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

* С целью обеспечения сопоставимости данных представленные на графике значения рассчитаны при сохранении ранее действовавших границ трудоспособного возраста.

же, чем при реализации консервативного сценария. Следствием этого стал бы более высокий коэффициент демографической нагрузки (рис. 6).

При этом в абсолютном выражении численность лиц трудоспособного возраста в рамках целевого сценария существенно превосходит соответствующие показатели по остальным вариантам.

ВЫВОДЫ

Демографическое развитие г. Кирова до 2035 г. в целом характеризуется достаточно сложной ситуацией, сочетающей, с одной стороны, изменение возрастной структуры населения, а с другой — нестабильность миграционных процессов. Следует также учитывать, что, будучи столицей Кировской области, г. Киров должен обеспечивать не только свое собственное развитие, но и способствовать развитию всего региона. На наш взгляд,

более целесообразным является не физический переезд жителей таких городов, как Кирово-Чепецк и Слободской, в г. Киров, а выстраивание их эффективного взаимодействия. Реализация совместных проектов, направленная на развитие как города, так и близлежащих территорий, может быть выгодна для всех. Следует взвешенно подойти к решению вопроса о том, насколько г. Кирову нужен миграционный прирост за счет и так уменьшающихся в размерах городов и сел области. Это связано с повышением нагрузки на объекты социальной инфраструктуры, бюджет города и т.д. Если предприятиям города требуются трудовые ресурсы данных территорий, то часто нет необходимости непосредственной смены места жительства. На наш взгляд, следует рассмотреть иные варианты совместного развития города и региона.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследования проводилось при поддержке РФФИ, № 20-010-00783.

ACKNOWLEDGEMENT

The research was conducted with the support of the RFBR, No. 20-010-00783.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Levent T. A New Challenge for Urban Planning in Turkey: Socio-Spatial Impacts of Forced Migration. *European Spatial Research and Policy*. 2019;26(2):115–134.
2. Губанова Е.В. Оценка инвестиционных рисков при разработке инвестиционной стратегии // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. — 2017. — № 3. — С. 28–34. — ISSN 2409-6156.

3. Camagni R. The city of business: The functional, the relational-cognitive and the hierarchical distributive approach. *Quality Innovation Prosperity*. 2017;21(1):31–48. DOI: 10.12776/QIP.V21I1.818
4. Ивантер В.В., Суворов А.В., Сутягин В.С. Основные задачи и принципы социально-экономического прогнозирования // *Управление*. — 2015. Т. 3. — № 1. — С. 8–17. — ISSN 2309–3633.
5. Низамутдинов М.М. Концептуальные и методические аспекты задачи моделирования развития территориальных систем муниципального уровня // *Управленческие науки*. — 2017. — Т. 7. — № 2. — С. 23–31. — ISBN 2304–022X.
6. Kanbur R., Christiaensen L., De Weerd J. Where to create jobs to reduce poverty: cities or towns? *Journal of Economic Inequality*. 2019;17(4):543–564. DOI: 10.1007/s10888–019–09419–5
7. Пахомова А.И. Возможна ли модернизация городов за счет получения кредита от будущих поколений? // *Народное хозяйство. Вопросы инновационного развития*. — 2011. — № 2. — С. 5–8. — ISBN 1078–8924.
8. Строев П.В. Трансформации пространственной структуры России // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. — 2014. — № 4. — С. 61–70. — ISBN 2073–6487.
9. Фаттахов Р.В., Строев П.В. Пространственный аспект модернизации экономики России // *Экономика. Налоги. Право*. — 2015. — № 6. — С. 6–14. — ISSN 1999–849X.
10. Мантаева Э.И., Слободчикова И.В., Боджаева В.В., Джимбеев Н.Ш. Проблемы и тенденции развития инновационной экономики в современном мире // *Научные труды Вольного экономического общества России*. — 2013. — Т. 174. — С. 146–150. — ISSN 2072–2060.
11. Орешников В.В., Низамутдинов М.М. Прогноз изменения уровня привлекательности городов России // *Региональная экономика: теория и практика*. — 2019. — Т. 463. — № 4. — С. 749–762. — ISSN 2073–1477.

REFERENCES

1. Levent T. A New Challenge for Urban Planning in Turkey: Socio-Spatial Impacts of Forced Migration. *European Spatial Research and Policy*. 2019;26(2):115–134.
2. Gubanova Ye.V. Assessment of investment risks when developing an investment strategy. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya = Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management*. 2017;(3):28–34. (In Russ.).
3. Camagni R. The city of business: The functional, the relational-cognitive and the hierarchical distributive approach. *Quality Innovation Prosperity*. 2017;21(1):31–48. DOI: 10.12776/QIP.V21I1.818
4. Ivanter V.V., Suvorov A.V., Sutyagin V.S. The main tasks and principles of socio-economic forecasting. *Upravleniye = Control*. 2015;3(1):8–17. (In Russ.).
5. Nizamutdinov M.M. Conceptual and methodological aspects of the task of modeling the development of territorial systems of the municipal level. *Upravlencheskiye nauki = Management science*. 2017;7(2):23–31. (In Russ.).
6. Kanbur R., Christiaensen L., De Weerd J. Where to create jobs to reduce poverty: cities or towns? *Journal of Economic Inequality*. 2019;17(4):543–564. DOI: 10.1007/s10888–019–09419–5
7. Pakhomova A.I. Is it possible to modernize cities by obtaining loans from future generations? *Narodnoye khozyaystvo. Voprosy innovatsionnogo razvitiya = National economy. Innovative development issues*. 2011;(2):5–8. (In Russ.).
8. Stroyev P.V. Transformation of the spatial structure of Russia. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2014;(4):61–70. (In Russ.).
9. Fattakhov R.V., Stroyev P.V. The spatial aspect of the modernization of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Right*. 2015;(6):6–14. (In Russ.).
10. Mantayeva E.I., Slobodchikova I.V., Bodzhayeva V.V., Dzhimbeyev N. Sh. Problems and trends in the development of an innovative economy in the modern world. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific works of the Free Economic Society of Russia*. 2013;174:146–150. (In Russ.).
11. Oreshnikov V.V., Nizamutdinov M.M. Forecast of changes in the level of attractiveness of Russian cities. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional economics: theory and practice*. 2019;463(4):749–762. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рафаэль Валиахметович Фаттахов — доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента общественных финансов, Финансовый университет, Москва, Россия
fattakhov@mail.ru

Марсель Малихович Низамутдинов — кандидат технических наук, доцент, заведующий сектором экономико-математического моделирования, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия
marsel_n@mail.ru

Наталья Ивановна Федорова — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры технической кибернетики, Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия
nf_2002@mail.ru

Владимир Владимирович Орешников — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, Уфа, Россия
voresh@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Rafael V. Fattakhov — Dr. Sci. (Econ.), Prof., Prof. of the Department of Public Finance, Financial University, Moscow, Russia
fattakhov@mail.ru

Marsel M. Nizamutdinov — Cand. Sci. (Tech.), Assoc. Prof. Head of the Sector of Economic and Mathematical Modeling, Institute of Socio-Economic Research, Ufa Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
marsel_n@mail.ru

Natalia I. Fedorova — Cand. Sci. (Tech.), Assoc. Prof., Department of Technical Cybernetics, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia
nf_2002@mail.ru

Vladimir V. Oreshnikov — Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Sector of Economic and Mathematical Modeling, Institute of Socio-Economic Research, Ufa Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia
voresh@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Р.В. Фаттахов — научное руководство исследованием; формирование научнометодического аппарата; обобщение выводов и заключений.

М.М. Низамутдинов — определение структуры изложения статьи; верификация научных выводов статьи.

Н.И. Федорова — ретроспективный анализ исследуемых данных, интерпретация полученных результатов.

В.В. Орешников — сбор, обобщение и систематизация статистических данных по исследуемым показателям; проведение вычислений.

Authors' Contribution Statement:

Rafael V. Fattakhov — scientific management of research; formation of scientific and methodological apparatus; generalization of conclusions and conclusions.

Marsel M. Nizamutdinov — determination of the structure of the article presentation; verification of the scientific conclusions of the article.

Natalia I. Fedorova — retrospective analysis of the studied data, interpretation of the results obtained.

Vladimir V. Oreshnikov — collection, generalization and systematization of statistical data on the studied indicators; performing calculations.

Статья поступила 11.12.2020; принята к публикации 25.02.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 11.12.2020; accepted for publication 25.02.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-157-168
УДК 332.1,336.5(045)
JEL C50, E20, H72

Государственные инвестиции как ключевой фактор формирования комфортной городской среды

И.В. Наумов^а, И.В. Иванов^б

Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-2464-6266>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-3588-5913>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – влияние привлекаемых инвестиций в государственную и муниципальную собственность на повышение качества и комфортности городской среды в региональных системах. *Цель работы* – установление способов повышения качества оценки реализации инвестиционных проектов по совершенствованию городской среды и общественной инфраструктуры на региональном уровне путем подбора и систематизации данных об уровне развития городской среды в 100% городов Российской Федерации. В результате исследования сформирована пространственная нелинейная регрессионная модель, подтверждающая зависимость качества городской среды в субъектах Российской Федерации от объема привлекаемых инвестиций в государственную и муниципальную собственность и демонстрирующая возможность совершенствования городской среды в регионах на долгосрочном пятилетнем горизонте планирования. Представлен прогноз потребности в инвестициях в государственную и муниципальную собственность на пятилетнем временном горизонте для достижения целевого уровня качества и комфорта городской среды. Определены дальнейшие направления исследования, основанные на аналитических данных по реализации инвестиционных проектов, параметров кассового исполнения бюджетов регионов, структуре экономики выделенных регионов.

Ключевые слова: индекс качества городской среды; государственные инвестиции; экономико-математическая модель; региональная дифференциация

Для цитирования: Наумов И.В., Иванов И.В. Государственные инвестиции как ключевой фактор формирования комфортной городской среды. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):157-168. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-157-168

ORIGINAL PAPER

Public Investment as a Key Factor in Creating a Comfortable Urban Environment

I.V. Naumov^a, I.V. Ivanov^b

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

^a <http://orcid.org/0000-0002-2464-6266>; ^b <http://orcid.org/0000-0003-3588-5913>

ABSTRACT

The subject of the study is the impact of attracted investments in state and municipal property on improving the quality and comfort of the urban environment in regional systems. *The purpose of the work* is to identify ways to improve the quality of evaluation of the implementation of investment projects to improve the urban environment and public infrastructure at the regional level. The goal is achieved by selecting and systematizing data on the level of urban development in 100% of the cities of the Russian Federation. The main research methods were: data collection and systematization, segmentation of regions by the volume of attracted investments in state and municipal property and the quality of the urban environment, statistical methods of assessment, correlation and regression analysis. As a result of the study, a spatial nonlinear regression model was formed that confirms the dependence of the quality of the urban environment in the subjects of the Russian Federation on the volume of attracted investments in state and municipal property and demonstrates the possibility of improving the urban environment in the regions on the long-term five-

© Наумова И.В., Иванов И.В., 2021

year planning horizon. The authors present a forecast of the need for investment in state and municipal property over a five-year time horizon to achieve the target level of quality and comfort of the urban environment. Further directions for conducting the research are determined, based on analytical data on the implementation of investment projects, parameters of cash execution of regional budgets, and the structure of the economy of the selected regions.

Keywords: urban environment quality index; public investment; economic and mathematical model; regional differentiation

For citation: Naumov I.V., Ivanov I.V. Public investment as a key factor in creating a comfortable urban environment. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2021;14(2):157-168. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-157-168

ВВЕДЕНИЕ

Инвестиционная деятельность является значимым драйвером социально-экономического роста территориальных систем различного уровня. Она формирует финансовые основы модернизации технологических процессов предприятий реального сектора экономики, способствует достижению положительного эффекта в социально-экономическом развитии территорий и созданию комфортной среды проживания граждан.

В качестве рабочей гипотезы данной работы выдвигается предположение о том, что уровень качества городской инфраструктуры и комфорта среды проживания граждан находится в зависимости от объема ресурсов, инвестируемых в государственную и муниципальную собственность. Для проверки и обоснования данной гипотезы сформирована пространственная регрессионная модель, количественно характеризующая данную зависимость и позволяющая исследовать дифференциацию регионов по уровню инвестиционной привлекательности, существующие тенденции в области обеспечения качества предоставления гражданам различных государственных и муниципальных сервисов.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании использовались подходы к инвестиционной деятельности институциональных единиц, способствующие формированию не только экономических, но и социальных эффектов, которые раскрыты в трудах М. А. Абрамовой, С. Е. Дубовой, Б. Б. Рубцова [1], И. И. Веретенниковой, Т. Н. Ковалевой [2], Н. П. Горидько, Р. М. Нижегородцева [3], А. А. Медведь [4], М. Л. Седовой [5], А. В. Харсеевой [6], И. Ю. Швеца [7], Л. И. Юзвович [8], И. А. Яковлева, Л. С. Кабир [9]. Например, И. И. Веретенникова под инвес-

тиционной деятельностью предлагает понимать деятельность юридических, физических лиц и государства, направляемую на привлечение и увеличение средств для реализации инвестиционного процесса с целью получения экономического и социального эффекта [2, с. 81]. В ситуации, при которой ключевыми инвесторами в рамках инвестиционного проекта выступают государственные органы, наличие социального эффекта от инвестиций, по нашему мнению, является одним из ключевых требований. Социальный эффект позволяет совершенствовать инфраструктуру и обеспечивать рост качества жизни граждан.

Вопросы повышения качества и комфорта городской среды освещаются в работах К. В. Борисовой, М. К. Беляева [10], Л. Я. Герцберг [11] и др.

При исследовании инвестиционной привлекательности территориальных систем важным аспектом выступает оценка их дифференциации на макроэкономическом и региональном уровнях. Данное явление было отмечено в работах Н. Ю. Бухнер [12], О. В. Воеводиной [13], Л. М. Медведевой [14], Н. В. Цхададзе [15]. Подчеркивается, что дифференциация инвестиционных возможностей регионов является большой социальной проблемой, а высокий уровень концентрации инвестиционных ресурсов в незначительной части регионов приводит к их дефициту в остальных регионах и невозможности развития социальной инфраструктуры.

Положительные последствия реализации инвестиционных проектов выражаются в росте уровня жизни населения, повышении качества и доступности услуг и сервисов, совершенствовании процедур управления, модернизации имущественного комплекса субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Исследование комфортности городской среды и влияния на ее развитие привлекаемых инве-

Таблица 1 / Table 1

**Статистическая оценка параметров распределения показателей качества городской среды /
Statistical estimation of urban environment quality indicators distribution**

Показатель / Indicator	Статистическая оценка индекса Iгорода, баллов / Statistical evaluation of the index Icity, scores	Статистическая оценка Iрегиона, баллов / Statistical assessment of Iregion, scores	Статистическая оценка объема инвестиций (тыс. руб.) / Statistical estimation of investment volume (thousand rubles)
Количество объектов в выборке / Number of objects	1 114 ед.	85 ед.	85 ед.
Минимальное значение / Minimum value	86 баллов	107 баллов	32 тыс. руб.
Максимальное значение / Maximum value	276 баллов	276 баллов	881 758 тыс. руб.
Среднее значение / Average	163 балла	173 балла	19 926 тыс. руб.
Медианное значение / Median value	163 балла	173 балла	1 275 тыс. руб.
Коэффициент вариации в группе / Coefficient of variation	16%	13%	572%
Асимметрия данных / The asymmetry	0,06 ед.	0,90 ед.	6,73 ед.
Экссесс данных / Excess	0,25 ед.	4,81 ед.	45,92 ед.

Источник / Source: составлено авторами по данным сайтов Минстроя России и Росстата. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/19126>; <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204> / compiled by the authors according to the websites of the Ministry of Construction of Russia and Rosstat. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/19126>; <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>.

стиций предполагает использование нескольких методов анализа данных. Во-первых, в работе представлены модель сегментации регионов и последующая оценка их соответствия глобальному тренду или исключения из него. Во-вторых, для поиска зависимости оценочного показателя качества городской среды в регионах от объема инвестиций в имущество субъектов Российской Федерации и муниципальных образований предполагается проведение корреляционно-регрессионного анализа, направленного на формализованное описание выявленных эмпирических взаимосвязей.

Методика формирования интегрального индекса качества городской среды определена распоряжением Правительства РФ от 23.03.2019 № 510-р и предусматривает его расчет на уровне муниципальных образований и субъектов Российской Федерации. Оценки индекса качества городской среды сформированы, систематизированы и пред-

ставлены на официальном сайте Минстроя России в отношении показателей за 2018 г.¹ В то же время порядок расчета интегрированного индекса субъекта Российской Федерации недостаточно полно определен действующей методикой в связи с отсутствием определенных значений весов для каждой размерно-климатической категории, а данные о фактических значениях интегрированных индексов регионов не представлены в открытом доступе. В связи с этим в настоящей работе производится расчет аналогичного показателя «Расчетный показатель качества городской среды в регионе» по формуле (1):

$$I_{\text{региона}} = \sum \frac{q_{\text{города}} \times I_{\text{города}}}{q_{\text{городов в регионе}}}, \quad (1)$$

¹ Официальный сайт Минстроя России. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/19126>.

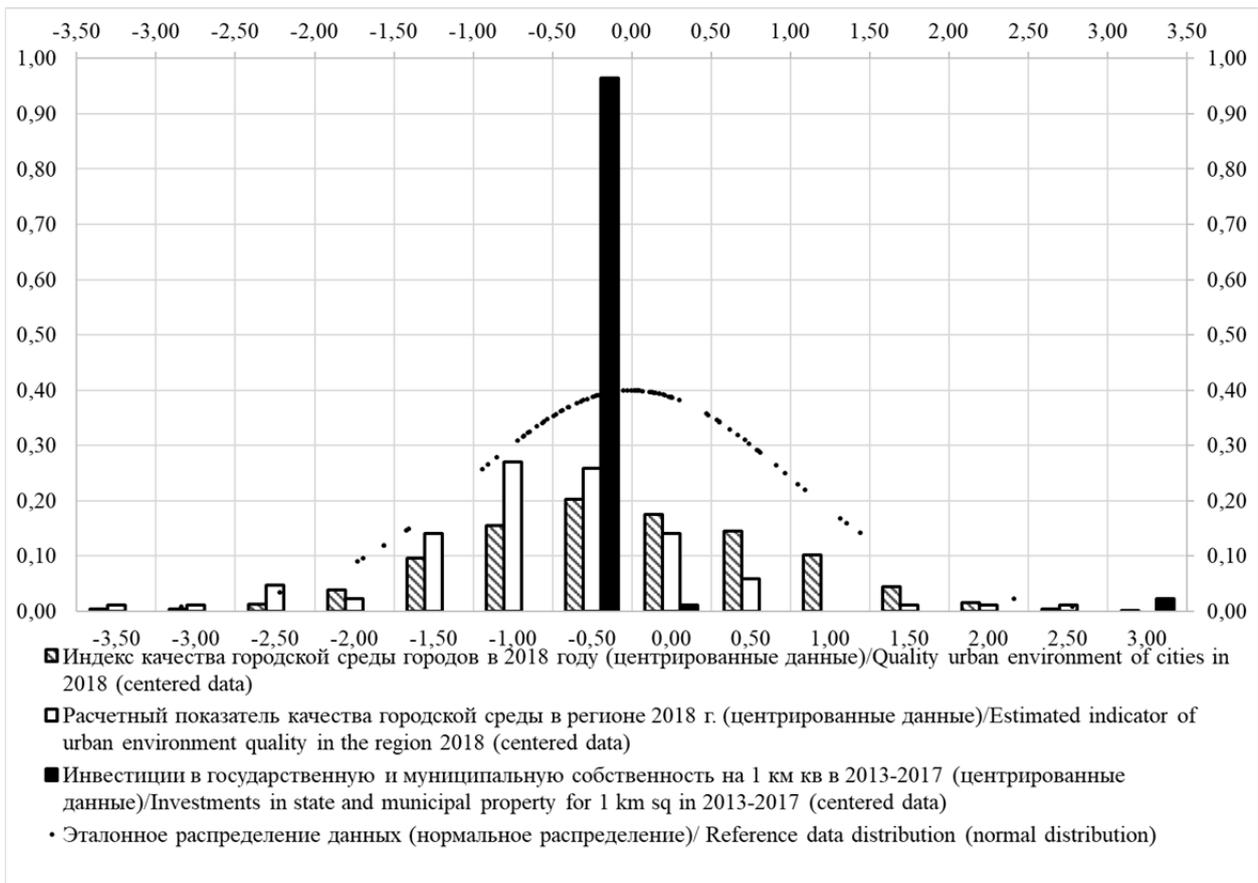

Рис. 1 / Fig. 1. Графическое изображение статистического распределения параметров качества городской среды и объема инвестиций / Graphical representation of statistical distribution of urban environment quality and investment volume

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

где $I_{\text{региона}}$ — расчетный показатель качества городской среды в регионе; $I_{\text{города}}$ — индекс качества городской среды в городе данного региона; $Ч_{\text{города}}$ — численность населения в соответствующем городе; $Ч_{\text{городов в регионе}}$ — общее количество жителей во всех городах соответствующего региона (для столиц регионов — фактическая численность населения на конец 2017 г., для прочих городов — середина интервала размаха численности внутри соответствующей размерно-климатической группы).

По данным проведенных замеров качества городской среды в 1114 городах России, в том числе в 85 столицах регионов России, а также на основании расчетного показателя качества городской среды в регионах, построено распределение полученных оценок (табл. 1).

Анализ данных позволяет делать вывод об относительной однородности рассматриваемых

параметров по показателю индекса качества городской среды и расчетного показателя качества городской среды в регионах. Данные показатели обладают высокой схожестью характеризующих их параметров: незначительное отклонение либо отсутствие отклонения между средними значениями по группе и медианными значениями; коэффициент вариации, находящийся в пределах 16%; сопоставимые по величине показатели размахов вариации в группах; показатели асимметрии данных, не превышающие 1, — которые свидетельствуют о том, что распределение регионов по расчетному показателю качества городской среды в регионах, распределение городов и столиц регионов по показателю индекса качества городской среды приближаются к эталонному нормальному распределению.

Выявленные закономерности отображены на рис. 1.

Таблица 2 / Table 2

Параметры квартильного распределения регионов по объему инвестиций в государственную и муниципальную собственность в 2013–2017 гг. в расчете на 1 кв. км площади / Parameters of the region's quarterly distribution by the volume of investments in state and municipal property in 2013–2017 per 1 sq. km

Показатель / Indicator	Квартиль 1 / Quartile 1	Квартиль 2 / Quartile 2	Квартиль 3 / Quartile 3	Квартиль 4 / Quartile 4
Количество регионов / Number of regions	21	21	21	22
Нижняя граница фактических значений / Lower bound of the actual values	32	451	1275	2760
Верхняя граница фактических значений / Upper bound of actual values	451	1275	2760	881 758
Размах вариации / Scope of variation	419	824	1485	878 998
Среднее значение / Average	208	879	1791	74 242
Коэффициент вариации, % / Coefficient of variation, %	55	30	23	243

Источник / Source: составлено авторами на основе данных сайта Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204/>
compiled by the authors based on data from the Rosstat website. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204/>.

На рис. 1 демонстрируется неравномерность статистического распределения рассматриваемых параметров, что обуславливает необходимость их сегментации для проведения исследования взаимной зависимости.

Существенное отклонение медианного значения от среднего показателя по индикатору объема инвестиций в государственную и муниципальную собственность, его высокая вариативность свидетельствуют о его значительной неоднородности в региональном аспекте. Данная тенденция характерна для ситуации, при которой значительный объем инвестиций в государственную и муниципальную собственность поступает ограниченному количеству регионов. В то же время большая часть субъектов Российской Федерации стеснена в средствах для инвестирования и, как следствие, вынуждена сокращать количество перспективных инвестиционных проектов.

Рассматриваемые расчетные показатели качества городской среды в регионах и объемов инвестиций, произведенных в государственную и муниципальную собственность, соответствуют неоднородным тенденциям, что позволяет делать вывод о необходимости сегментации регионов. Поэтому в этой работе предлагается модель сегментации на основе двух параметров: объема

произведенных инвестиций в государственную и муниципальную собственность в 2013–2017 гг. в расчете на 1 кв. км площади региона, а также по значению расчетного показателя качества среды в регионах.

Деление регионов по показателю объема инвестиций в государственную и муниципальную собственность целесообразно производить на четыре квартиля, обладающих следующими свойствами:

- квартал № 1–25% регионов с наиболее низким показателем объема инвестированных средств в государственную и муниципальную собственность в расчете на 1 кв. км площади в 2013–2017 гг. (менее 451 тыс. руб.);
- квартал № 2–25% регионов с показателем объема инвестированных средств в государственную и муниципальную собственность в расчете на 1 кв. км площади ниже медианного значения в 2013–2017 гг. (от 451 до 1275 тыс. руб.);
- квартал № 3–25% регионов с показателем объема инвестированных средств в государственную и муниципальную собственность в расчете на 1 кв. км площади выше медианного значения в 2013–2017 гг. (от 1275 до 2760 тыс. руб.);
- квартал № 4–25% регионов с наиболее высоким показателем объема инвестированных средств в государственную и муниципальную

Таблица 3 / Table 3

Параметры секторального распределения регионов по расчетному показателю качества городской среды в регионах в 2018 г. / Parameters of the region's sectoral distribution of the calculated quality indicator of the urban environment in 2018

Показатель / Indicator	Сектор 1 / Sector 1	Сектор 2 / Sector 2	Сектор 3 / Sector 3	Сектор 4 / Sector 4
Количество регионов / Number of regions	8	35	34	8
Нижняя граница фактических значений / Lower bound of the actual values	107	140	173	196
Верхняя граница фактических значений / Upper bound of actual values	140	173	196	276
Размах вариации / Scope of variation	33	33	23	80
Среднее значение / Average	131	164	182	220
Коэффициент вариации, % / Coefficient of variation, %	9	4	4	13

Источник / Source: составлено авторами на основе данных сайта Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204/>
 compiled by the authors based on data from the Rosstat website. URL: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204/>.

собственность в расчете на 1 кв. км площади в 2013–2017 гг. (свыше 2760 тыс. руб.). Характеристики данного распределения приведены в табл. 2.

Аналогичным образом проведена сегментация регионов по признаку расчетного интегрированного индекса качества среды. В связи с тем, что распределение регионов по данному параметру по своим характеристикам приближено к нормальному распределению, выделены четыре сектора, основываясь на близости оценочных параметров к средним значениям:

- сектор № 1 — значение расчетного показателя качества городской среды в регионе ниже 149,8;
- сектор № 2 — значение расчетного показателя качества городской среды в регионе от 149,8 до 173,1;
- сектор № 3 — значение расчетного показателя качества городской среды в регионе от 173,1 до 196,4;
- сектор № 4 — значение расчетного показателя качества городской среды в регионе выше 196,4.

Характеристики данных секторов приведены в табл. 3.

Распределение регионов Российской Федерации на квартили по объему произведенных

инвестиций в государственную и муниципальную собственность в 2013–2017 гг. в расчете на 1 кв. км площади региона и на сектора по расчетному показателю качества городской среды в регионах позволило провести сегментацию территориальных систем на основе одновременного учета рассматриваемых признаков.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основании причинно-следственной взаимосвязи параметров сегментации определен периметр регионов, проявляющих различные эффекты от инвестиционной деятельности государственных и муниципальных органов власти.

В рамках данной статьи регионы Российской Федерации распределяются на 16 сегментов. При этом сегменты формируются на основании пересечения четырех квартилей и четырех секторов, границы которых определены выше.

Полученное на основании сегментации распределение регионов дает объективное представление о предпосылках формирования регрессионной зависимости между исследуемыми показателями. Сегментация основана на предположении, что рост объемов инвестиций в государственную и муниципальную собственность регионов благотворно сказывается на формировании качественной городской среды, т.е. оказывает прямое влияние на

Таблица 4 / Table 4

Выдержка из сегментной модели распределения регионов Российской Федерации в зависимости от объема произведенных инвестиций и качества городской среды / Segmental model region's distribution depending on the volume of investments and the quality of the urban environment in Russian Federation

Сектора / Sectors	Квартиль 1 / Quartile 1	Квартиль 2 / Quartile 2	Квартиль 3 / Quartile 3	Квартиль 4 / Quartile 4
Сектор 1 / Sector 1	Сегмент 1 – Стандарт Респ. Тыва, Забайкальский кр., Респ. Калмыкия, Респ. Саха (Якутия)	Сегмент 5 – Специфика Омская обл.	Сегмент 9 – Специфика Карачаево-Черкесская Респ., Волгоградская обл.	Сегмент 13 – Специфика Респ. Ингушетия
Сектор 2 / Sector 2	Сегмент 2 – Стандарт Иркутская обл., Респ. Бурятия, Чукотский АО, Архангельская обл., Магаданская обл., Камчатский кр., Томская обл., Респ. Алтай, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО	Сегмент 6 – Стандарт Курганская обл., Респ. Хакасия, Алтайский кр., Еврейская авт. обл., Амурская обл., Брянская обл., Кемеровская обл., Кировская обл., Новосибирская обл., Оренбургская обл., Пермский кр., Курская обл., Орловская обл.	Сегмент 10 – Стандарт Астраханская обл., Приморский кр., Респ. Дагестан, Сахалинская обл., Челябинская обл.	Сегмент 14 – Специфика Калужская обл., Ростовская обл., Самарская обл., Респ. Крым Воронежская обл., г. Севастополь
Сектор 3 / Sector 3	Сегмент 3 – Стандарт Вологодская обл., Красноярский кр., Хабаровский кр., Костромская обл., Респ. Карелия, Респ. Коми	Сегмент 7 – Стандарт модели Пензенская обл., Респ. Марий Эл, Псковская обл., Саратовская обл., Смоленская обл., Респ. Башкортостан	Сегмент 11 – Стандарт Рязанская обл., Ставропольский кр., Владимирская обл., Свердловская обл., Ивановская обл., Удмуртская Респ., Липецкая обл., Респ. Адыгея, Мурманская обл., Тверская обл., Тульская обл., Ульяновская обл.	Сегмент 15 – Стандарт Респ. Северная Осетия – Алания, Чеченская Респ., Кабардино-Балкарская Респ., Респ. Мордовия, Белгородская обл., Респ. Татарстан, Краснодарский кр., Нижегородская обл., Тамбовская обл., Чувашская Респ.
Сектор 4 / Sector 4	Сегмент 4 – Специфика Регионов в сегменте нет	Сегмент 8 – Специфика Тюменская обл.	Сегмент 12 – Стандарт Новгородская обл., Ярославская обл.	Сегмент 16 – Стандарт Калининградская обл., Ленинградская обл., Московская обл., г. Москва, г. Санкт- Петербург

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

рейтинговое значение индексов качества городской среды. Полученные результаты сегментации, представленные в табл. 4, позволяют оценивать специфику регионов в зависимости от их нахождения в том или ином сегменте.

Для большинства регионов, отнесенных к 1, 2 и 3 сегментам, характерны существенная удаленность от Центрального федерального округа, а также обширность территорий с относительно низким развитием сети автомобильных и желез-

ных дорог. С одной стороны, данные территории представляют собой интерес с точки зрения перспективности освоения и развития минерально-сырьевой базы России, с другой стороны, обладают потенциалом для развития программ внутреннего туризма и рекреационных сервисов при условии обеспечения доступности данных услуг и развития транспортного сообщения.

Регионы, отнесенные к сегментам 5, 6, 7, 8, 9, 10, разнородны по своей специфике и находятся

Таблица 5 / Table 5

Результаты регрессионного анализа / Results of regression analysis

Переменная / Variable	Коэффициент регрессии / Regression coefficient	Стандартная ошибка / Standard error	t-статистика / t-statistics	Вероятность / Probability
e	107,62	6,9438	15,4987	0,0000
X	9,79	0,9692	10,1020	0,0000
Число наблюдений / Number of observations	85	R -квадрат / R -square		0,5863
Множественный R / Multiple R	0,7657	Выровненный R -квадрат / Aligned R -square		0,5806
Соединенная F -статистика / Connected F -statistics	102,0498	Коеф. Дарбина-Уотсона / Darbin-Watson coef.		1,6877

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Примечание / Note: Статистически значимое p -значение ($p < 0,01$) / Statistically significant p -value ($p < 0,01$).

на различной удаленности от Центрального федерального округа. К данным категориям отнесены регионы с высоким уровнем развития промышленного производства, а также значимые научные центры, обладающие привлекательностью для проживания граждан.

Регионы, отнесенные к сегментам 11, 12, 13, 14, 15, преимущественно находятся в благоприятных климатических условиях, их территория не обширна, что позволяет выделять существенный объем инвестиционных ресурсов для благоустройства, ускорения темпов дорожного строительства, развития производств, подготовку кадров для различных сфер экономики.

Для 16-го сегмента характерно нахождение уровня инвестиций в государственную и муниципальную собственность в области наиболее высоких значений при одновременной существенно более высокой оценке расчетного показателя качества среды в городах. Данная тенденция характерна для пяти субъектов Российской Федерации, а именно для Москвы, Санкт-Петербурга, Московской, Калининградской и Новгородской областей. Принадлежность данных субъектов Российской Федерации к одному сегменту свидетельствует о необходимости регулярных инвестиций с целью поддержания государственного престижа на данных территориях.

Выявленные тенденции требуют дополнительных исследований с учетом данных о социально-эконо-

мических параметрах региональной инфраструктуры, кассового исполнения бюджетов регионов. В целом построенная модель сегментации позволяет говорить о прямом влиянии производимых регулярно инвестиций в государственную и муниципальную собственность на значение оценочного показателя качества и комфорта городской среды.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ РЕГРЕССИОННАЯ МОДЕЛЬ

Для исследования зависимости качества городской среды в региональных системах от объема инвестиций в государственную и муниципальную собственность была построена пространственная нелинейная регрессионная модель, имеющая следующий вид:

$$Y = \ln(e^{107,62} \times X^{9,79}), \quad (2)$$

где Y — предсказанное моделью регрессии расчетное значение индекса качества среды в регионе; X — объем инвестиций в государственную и муниципальную собственность в регионе в 2013–2017 гг., в расчете на 1 кв. км площади региона.

Объем средств, требуемых для инвестирования в государственную и муниципальную собственность на пятилетнем горизонте для обеспечения целевого значения индекса качества среды в регионе, можно рассчитать по формуле (3):

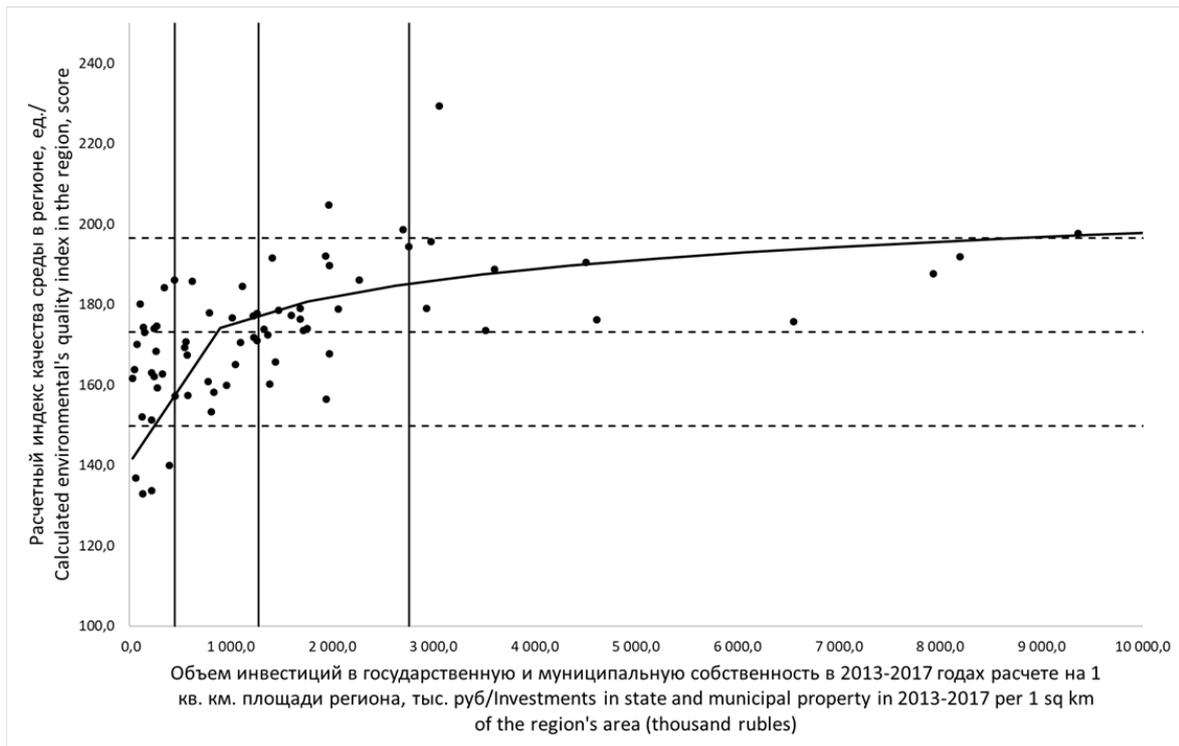

Рис. 2 / Fig. 2. Графическое отображение выявленной регрессионной зависимости / Graphical representation of the detected regression relationship

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

$$X = \sqrt[979]{e^{100 \times (Y - 107,62)}}. \quad (3)$$

Оценка параметров качества разработанной регрессионной модели приведена в табл. 5.

Данное уравнение позволяет оценивать величину расчетного показателя качества городской среды в регионе в зависимости от изменения объема инвестиций, произведенных в государственную и муниципальную собственность на пятилетнем временном интервале. Графически данная зависимость отражена на рис. 2 и демонстрирует тенденцию к росту качества городской среды при условии роста объемов инвестированных средств.

Представленное на рис. 2 рассеивание наблюдаемых данных внутри сегментов обусловлено спецификой инвестиционной деятельности в регионах и подлежит дополнительной оценке в ходе развития данного направления работы.

Анализ качества построенной экономико-математической модели подтвердил гипотезу исследования. В модели отсутствуют мультиколлинеарность и автокорреляция остатков (коэффициент Дарбина-Уотсона в пределах допустимых зна-

чений), выполняются и остальные предпосылки метода наименьших квадратов. Модель обладает практической ценностью благодаря возможности прогнозирования инвестиционных эффектов на состояние городской инфраструктуры и позволяет количественно оценивать возможности прироста расчетного показателя, характеризующего состояние городской среды в регионе, строить прогноз ее развития на период реализации национального проекта «Жилье и городская среда».

С точки зрения практического применения данной модели регрессии заслуживает внимания прогноз состояния качества городской среды на региональном уровне в зависимости от объемов инвестируемых ресурсов. Модель показала, что достижение уровня качества городской среды в регионе отметки 180 баллов возможно при накопленном объеме инвестированных средств, равном 1625 тыс. руб. на 1 кв. км площади региона.

Объем инвестиций в государственную и муниципальную собственность в Российской Федерации за период 2013–2017 гг. составил 13 129 477,7 млн руб., в т.ч. в 62 регионах, имеющих расчетный показатель качества городской среды по формуле (1)

менее 180 (нижнее пороговое значение для комфортной городской среды), — 6 314 890,6 млн руб. за аналогичный период. С учетом предпосылок исследователей о систематической недофинансированности данных регионов, необходимости модернизации ранее созданной инфраструктуры и ее расширения, достижение расчетным показателем качества среды в регионе уровня 180 баллов на временном горизонте с 2019 по 2024 г. возможно при условии инвестиций в государственную и муниципальную собственность в объеме 16 871 640,8 млн руб. Паспортом федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» до 2024 г. предусмотрено инвестирование 287 856,0 млн руб. с целью благоустройства территорий городов, что составляет всего 1,7% от рассчитанного на основании предложенной модели объема средств.

ВЫВОДЫ

Развитие территорий является долгосрочным, эволюционным процессом, требующим нормативного и программного подхода, а также

систематического инвестирования ресурсов в развитие инфраструктуры и сервисов. Инвестиционный процесс должен обеспечивать регулярность мероприятий по совершенствованию инфраструктуры, поскольку заявленный тренд на обеспечение качественного развития территорий и роста уровня комфорта городской среды предполагает систематическое совершенствование инфраструктуры, ее своевременное обновление и модернизацию. Разработанная в данной работе пространственная регрессионная модель характеризует возможность качественного совершенствования среды в регионах на долгосрочном пятилетнем горизонте планирования, что соответствует требованиям программных документов, послуживших основой проводимого исследования. Расчеты, произведенные на основании построенной регрессионной модели, показали, что для достижения уровня комфорта городской среды, признаваемого соответствующим параметрам качества, необходимы инвестиции в объеме 6 871 640,8 млн руб. на временном горизонте до 2024 г.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках плана научно-исследовательской работы Лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики УрО РАН на 2020 г.

ACKNOWLEDGEMENT

The study was carried out within the framework of the research work plan of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2020.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова М.А., Дубова С.Е., Рубцов Б.Б. Финансовые и денежно-кредитные инструменты реализации национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 6–16. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–6–16
2. Веретенникова И.И., Ковалева Т.Н. Сущность инвестиционной деятельности и показатели, ее характеризующие // Вестник белгородского университета потребительской кооперации. — 2008. — Т. 25. — № 1. — С. 81–85. — ISSN 2071–7792.
3. Горидько Н.П., Нижегородцев Р.М. Точки роста региональной экономики и регрессионная оценка отраслевых инвестиционных мультипликаторов // Экономика региона. — 2018. — Т. 14. — № 1. — С. 29–42. — ISSN 2072–6414.
4. Медведь А.А. Институциональная основа инвестиционного процесса в национальной экономике Российской Федерации: монография / А.А. Медведь. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2019. — 175 с. — ISBN 978–5–7310–4659–6.
5. Седова М.Л. Финансирование национальных проектов // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 17–27. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–17–27
6. Харсева А.В. Понятие и сущность инвестиций: проблема определения термина // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 1. — С. 313–318. — ISSN 1815–4964.

7. Швец И. Ю. Взаимозависимости влияния частных и государственных инфраструктурных инвестиций на экономический рост // Экономика строительства и природопользования. — 2018. — Т. 66. — № 1. — С. 128–142. — ISSN 2519–4453.
8. Юзвович Л. И. Экономическая природа и роль инвестиций в национальной экономике // Финансы и кредит. — 2010. — Т. 393. — № 9. — С. 48–52. — ISSN 2071–4688.
9. Яковлев И. А., Кабир Л. С. Развитие рынка долгосрочных инвестиций: современные преобразования в национальном механизме финансирования экономического роста // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — № 6. — С. 6–15. — ISSN 1999–849X. — DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–6–6–15
10. Борисова К. В., Беляев М. К. Повышение эффективности экономики городского хозяйства и бытовой культуры как фактор, влияющий на улучшение качества городской среды // Вестник Сургутского государственного университета. — 2019. — Т. 23. — № 1. — С. 43–50. — ISSN 2312–3419.
11. Герцберг Л. Я. Качество городской среды: проблемы проектирования и реализации // Градостроительство. — 2013. — Т. 23. — № 1. — С. 28–32. — ISSN 2218–8762.
12. Бухнер Н. Ю. Инвестиционный климат: региональный аспект // Вестник алтайской науки. — 2015. — Т. 24. — № 2. — С. 99–102. — ISSN 1994–2273.
13. Воеводина О. В. Влияние делового климата на инвестиционный климат субъектов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — Т. 409. — № 34. — С. 41–52. — ISSN 2073–1477.
14. Медведева Л. М., Костырева Д. Е. Системный подход к изучению регионального инвестиционного климата (на примере Приморского края) // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2018. — Т. 24. — № 3. — С. 134–137. — ISSN 2309–1762.
15. Хаустова К. В., Цхададзе Н. В. Анализ социально-экономической дифференциации и уровня благосостояния населения России // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 1. — С. 269–272. — ISSN 2307–180X.

REFERENCES

1. Abramova M. A., Dubova S. E., Rubtsov B. B. Financial and monetary instruments for implementing national projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(3):6–16. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–6–16
2. Veretennikova I. I., Kovaleva T. N. The essence of investment activity and it's characterized indicators. *Vestnik belgorodskogo universiteta potrebitel'skoi kooperatsii = Herald of the Belgorod university of cooperation, economics and law*. 2008;(1):81–85. (In Russ.).
3. Gorid'ko N. P., Nizhegorodtsev R. M. Regional economic growth points and regression estimation of industry investment multipliers. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2018;14(1):29–42. (In Russ.).
4. Medved' A. A. Institutional basis of the investment process in the national economy of the Russian Federation: monograph. St. Peterburg: Publishing of Saint Petersburg state University of Economics; 2019. 175 p. (In Russ.).
5. Sedova M. L. Financing of national projects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(3):17–27. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2020–13–3–17–27
6. Kharseeva A. V. The concept and essence of investment: the problem of defining the term. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2010;(1):313–318. (In Russ.).
7. Shvets I. Yu. Interdependence of the impact of private and public infrastructure investment on economic growth. *Ekonomika stroitel'stva i prirodotopol'zovaniya = Construction economic and environmental management*. 2018;66(1):128–142. (In Russ.).
8. Yuzvovich L. I. Economic nature and role of investment in the national economy. *Finansy i kredit = Finance and Credit*. 2010;393(9):48–52. (In Russ.).
9. Yakovlev I. A., Kabir L. S. The long-term investment market development: modern transformations in the national mechanism for financing economic growth. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2018;11(6):6–15. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999–849X-2018–11–6–6–15

10. Borisova K. V., Belyaev M. K. Improving the efficiency of urban economy and household culture as a factor affecting the improvement of the quality of the urban environment. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019;23(1):43–50. (In Russ.).
11. Gertsberg L. Ya. Quality of the urban environment: problems of design and implementation. *Gradostroitel'stvo = Urban planning*. 2013;23(1):28–32. (In Russ.).
12. Bukhner N. Yu. Investment climate: the regional dimension. *Vestnik altaiskoi nauki*. 2015;24(2):99–102. (In Russ.).
13. Voevodina O. V. Influence of the business climate on the investment climate of the subjects of the Russian Federation. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2015;409(34):41–52. (In Russ.).
14. Medvedeva L. M., Kostyreva D. E. A systematic approach to the study of the regional investment climate (on the example of the Primorye territory). *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and administration*. 2018;24(3):134–137. (In Russ.).
15. Khaustova K. V., Tskhadadze N. V. Analysis of socio-economic differentiation and welfare of the Russian population. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2019;(1):269–272. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Илья Викторович Наумов — кандидат экономических наук, руководитель Лаборатории моделирования пространственного развития территорий, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия
naumov.iv@uiec.ru

Игорь Владимирович Иванов — младший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий, Институт экономики УрО РАН, г. Екатеринбург, Россия
ivanov.iv@uiec.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ilya V. Naumov — Cand. Sci. (Econ.), Head of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
naumov.iv@uiec.ru

Igor V. Ivanov — Junior Researcher of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia
ivanov.iv@uiec.ru

Статья поступила 27.09.2020; принята к публикации 20.01.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received 27.09.2020; accepted for publication 20.01.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-169-178
УДК 336.02,316.628(045)
JEL H24, O17

Налоговая нагрузка и иные мотивы законопослушного поведения физических лиц

А.В. Тихонова

Финансовый университет; Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-8295-8113>

АННОТАЦИЯ

Предмет исследования – мотивы (факторы) поведения налогоплательщиков физических лиц. *Цель статьи* – установление наличия или отсутствия взаимосвязи нелегальной занятости, уровня налоговой нагрузки и иных поведенческих факторов. В работе применялись общенаучные методы исследования (анализ, синтез, индукция, дедукция). Среди частно-научных методов познания особое внимание уделяется расчетно-графическому методу построения диаграмм рассеяния, который использовался для оценки влияния налоговой нагрузки на масштабы теневой экономики. Связь между долей теневого оборота в ВВП и среднегодовой заработной платой определена при помощи корреляционно-регрессионного анализа. В результате исследования выявлено, что налоговая нагрузка влияет на уклонение налогоплательщиков от уплаты налогов, однако это воздействие проявляется в зависимости от уровня экономического развития государства. В развивающихся странах связь между фискальным бременем и долей теневой экономики в ВВП положительная, а в развитых странах – слабая. Опровергнута гипотеза, согласно которой рост трудовых доходов физических лиц приводит к их большему стремлению скрывать полученные доходы. При этом отмечено, что данный тезис не касается пассивных доходов граждан (доходов от капитала, дивидендов и т.п.), рост которых (как было доказано экономистами ранее) меняет положительный поведенческий настрой налогоплательщиков на негативный. В завершающей части исследования отражена дискуссия о возможных вариантах развития авторской методологии. *Сделаны выводы* о том, что при разработке мер государственной политики противодействия уклонению от уплаты налогов необходимо регулирование налоговой нагрузки при одновременном учете морально-этических и прочих социальных факторов.

Ключевые слова: уклонение от налогов; налоговая нагрузка; страховые взносы; налоговое поведение; налоговая мораль; оптимизация налогообложения

Для цитирования: Тихонова А.В. Налоговая нагрузка и иные мотивы законопослушного поведения физических лиц. *Экономика. Налоги. Право.* 2021;14(2):169-178. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-169-178

ORIGINAL PAPER

Tax Burden and Other Reasons for Law-abiding Behavior of Individuals

A.V. Tikhonova

Financial University, Moscow, Russia; Russian State Agrarian University – Timiryazev Moscow Agricultural Academy, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8295-8113>

ABSTRACT

The subject of the study is the motives (factors) of the behavior of individual taxpayers. *The purpose of the article* is to determine the presence or absence of a relationship between illegal employment, the level of the tax burden and other behavioral factors. General scientific research methods (analysis, synthesis, induction, deduction) were used in the work. Among the private scientific methods of cognition, special attention is paid to the computational and graphical method of constructing scattering diagrams, which was used to assess the impact of the tax burden on the scale of the shadow economy. The relationship between the share of shadow turnover in GDP and the average annual salary is determined using correlation and regression analysis. The study revealed that the tax

© Тихонова А.В., 2021

burden affects tax evasion, but this effect is manifested depending on the level of economic development of the state. In developing countries, the relationship between the fiscal burden and the share of the shadow economy in GDP is positive, while in developed countries it is weak. The hypothesis that the growth of labor income of individuals leads to a greater desire of individuals to hide their income is refuted. At the same time, it is noted that this thesis does not apply to passive income of citizens (income from capital, dividends, etc.), the growth of which (as was proved by economists earlier) changes the behavioral attitude of taxpayers to a negative one. In the final part of the study, there is a discussion about possible options for the development of the author's methodology and a set of factors that affect tax evasion by individuals. *Conclusions are drawn* that when developing measures of state policy to counteract tax evasion, it is necessary to regulate the tax burden while taking into account moral, ethical and other social factors. The results of the study can be used by the Ministry of Finance, the Ministry of Economic Development, the Federal Tax Service and the Government of the Russian Federation in developing areas for improving tax policy.

Keywords: tax evasion; tax burden; insurance premiums; tax behavior; tax morality; tax optimization

For citation: Tikhonova A.V. Tax burden and other reasons for law-abiding behavior of individuals. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law.* 2021;14(2):169-178. (In Russ.). DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-2-169-178

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие налоговых органов и налогоплательщиков часто приводит к конфликту интересов и служит причиной уклонения налогоплательщиков от уплаты налогов, так как цель первых — обеспечение бюджетов всех уровней максимальными поступлениями от уплаты налогов, а вторых — минимизация налоговых обязательств для получения физическими и юридическими лицами максимальных доходов. На масштабы уклонения от налогообложения влияет множество факторов, среди которых особое место занимает налоговая культура налогоплательщиков, выражаемая в уровне их знаний о налоговой системе и соблюдении ими законодательства о налогах и сборах, полноте и своевременности их уплаты в условиях формирования системы партнерских взаимоотношений, провозглашенной ФНС России.

Для повышения налоговой культуры налогоплательщиков налоговыми администрациями создаются электронные сервисы как консультационного, так и административного характера; проводятся личные и электронные консультации и т.д. Однако указанные меры действуют только на физических лиц, осознавших необходимость уплаты законно установленных налогов и сборов для выполнения государством возложенных на него функций, выражающихся в том числе в его социальном предназначении. Возникает вопрос: что делать с гражданами, которые еще не готовы к добровольной уплате налогов и сборов?

Мировая практика знает два способа решения данной проблемы:

1) ужесточение налоговой политики, выражающееся главным образом в отмене сроков исковой давности по налоговым правонарушениям физических лиц и установлении презумпции виновности;

2) стимулирование уплаты налогов и сборов, выражающееся в снижении налоговой нагрузки на население, налоговой амнистии или формировании налоговых режимов с низкими налоговыми ставками.

Примером второго способа служит в российской практике эксперимент по введению налога на профессиональный доход в целях устранения нелегальной занятости населения.

Гораздо более сложным делом является установление оптимального уровня налоговой нагрузки на граждан для обеспечения соблюдения ими налоговой дисциплины. Под оптимальной нагрузкой понимается такой ее уровень, при котором государство наполняет бюджеты всех уровней посредством взимания налогов и сборов при условии согласия физических лиц отдать в пользу государства часть своих доходов для реализации его важнейших задач.

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ И ПОВЕДЕНИЯ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Рассмотрение поведенческих мотивов налогоплательщиков при выполнении ими своих налоговых обязательств представляется чрезвычайно актуальным ввиду того, что как понятие «уклонение от уплаты налогов» включает не

только экономические, юридические, но и моральные поведенческие аспекты [1].

Классический подход к оценке налогового поведения налогоплательщиков основан на том, что на принятие решения на уклонение от уплаты налогов влияют два фактора: первый — получаемые выгоды в виде экономии на налоговых платежах, второй — возможные издержки в форме санкций за нарушение налогового законодательства [2]. Однако этот подход не всегда оказывается единственно верным, так как история знает множество примеров увеличения размера санкций за нарушение налогового законодательства и снижение налоговой нагрузки (например, отмена прогрессивной шкалы подоходного налога в России в 2001 г.), при которых не произошло массового выведения из тени налоговой базы. Это наводит на мысль о том, что имеются другие, не менее важные морально-этические основы налогового поведения.

Т.А. Зотова и В.Н. Богуславский, считая важнейшими в поведении налогоплательщиков социально-психологические и культурные мотивы, вводят в понятийный аппарат налогового поведения одну из особенностей налогового поведения налогоплательщика под названием «налоговая честность» в качестве внутренней мотивации индивида к уплате налога [1]. В роли детерминант налоговой честности они выделяют уровень доходов физических лиц, представления о справедливости действующего налогового законодательства, размер теневой экономики, доверие к властям.

Вместе с тем экономические мотивы оказывают, на наш взгляд, не меньшее влияние на поступки налогоплательщиков. В научных исследованиях неоднократно доказывался тезис о том, что при увеличении доходов склонность граждан к неуплате налогов возрастает, потому что даже при пропорциональной ставке увеличивается номинальный объем налоговых изъятий. Взаимосвязь налоговой нагрузки и поведения налогоплательщиков неоднократно доказывалась российскими и зарубежными учеными [3]. Так, Н.С. Трусова, анализируя зависимость масштабов теневой экономики от налоговой нагрузки на прибыль организаций, приходит к выводу о том, что последняя влияет на масштабы теневой экономики, но прямой зависимости между этими факторами не наблюдается, так как в дан-

ный процесс вклиниваются другие факторы [4]. Действительно, налоговая ставка и уклонение от уплаты налогов тесно взаимосвязаны, поскольку многочисленными исследованиями доказано, что увеличение налогового бремени может спровоцировать уклонение от уплаты налогов [5]. Более того, налогоплательщики реагируют не на сам уровень налоговых ставок, а на их изменение. По мере их адаптации к новой налоговой ставке принятие решения об уклонении от уплаты налогов перестает быть зависимым от величины налоговой ставки [6]. При этом наибольшие дискуссии среди ученых вызывает порядок уста-

---

Под оптимальной нагрузкой понимается такой ее уровень, при котором государство наполняет бюджеты всех уровней посредством взимания налогов и сборов при условии согласия физических лиц отдать в пользу государства часть своих доходов для реализации его важнейших задач

новления приемлемого для налогоплательщика уровня налоговой нагрузки. Согласно недавнему исследованию итальянских ученых границы такой оптимальности изменчивы и зависят от характера распределения собранных налогов на национальные общественные блага. Результаты проведенного ими социологического опроса показали, что налогоплательщики готовы нести более высокую налоговую нагрузку при условии, что учитываются их предпочтения относительно того, как использовать налоговые доходы для финансирования государственных расходов [7]. Таким образом, ученые пришли к выводу о том, что на налоговое поведение налогоплательщиков налоговая нагрузка влияет не только напрямую, но и опосредованно через формирование прозрачной системы расходования налогов.

Более того, в ряде случаев сокрытие облагаемых доходов физических лиц практически не зависит от них самих, а объясняется желанием

работодателей не уплачивать страховые взносы с указанных выплат. Причем данная практика характерна не только для России. Так, анализируя опыт Украины, А. С. Ястребова отмечает, что сокрытие зарплатных доходов граждан обусловлено как стремлением работодателей снизить свою фискальную нагрузку, так и лояльностью к такому поведению самих наемных работников [8].

При рассмотрении взаимосвязи налоговой нагрузки и поведения плательщиков — физических лиц важно учитывать не только ее количественное значение, но и качественные аспекты, например в какой бюджет перечисляются указанные налоги и каким способом [9]. В данном аспекте чрезвычайно интересны результаты эксперимента, проведенного в 2009 г. в Пензенской области. После кризиса 2008 г. в данном регионе было проведено реформирование распределения налоговых доходов между бюджетами края и муниципалитетов. Так, в местный бюджет были отданы перечисляемые ранее в субъект Российской Федерации НДФЛ (15% от суммы, подлежащей к уплате) и транспортный налог с целью повышения платежной активности и дисциплины налогоплательщиков благодаря осознанию того, что уплачиваемые ими налоги пойдут на задачи, возложенные на муниципальные органы власти. При этом были приняты во внимание поведенческие мотивы людей, сознающих, что своими деньгами они наполняют местные бюджеты. Одновременно законодатель стремился заинтересовать в собираемости налогов органы власти на местах [10]. Результаты эксперимента оказались положительными: рост налоговых поступлений за 2009 г. составил 60% по отношению к предыдущему периоду.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выявления взаимосвязи налоговой нагрузки и теневой занятости были построены диаграммы рассеяния, которые являются наиболее ярким пространственно визуализирующим методом анализа числовой информации.

Исходной точкой для формирования методологии проводимого исследования послужила выдвинутая ранее гипотеза о взаимосвязи показателей налоговой нагрузки и нелегальной занятости. Наибольшей сложностью для проведения исследования стало отсутствие международных

статистических данных об объемах нелегальной занятости. По этой причине в качестве альтернативного показателя была использована доля теневой экономики в совокупном валовом внутреннем продукте (далее — ВВП), определяемая на ежегодной основе Международным валютным фондом (далее — МВФ). Для ее сопоставления с налоговой нагрузкой применялись два показателя:

1) налоговая нагрузка на труд, определяемая Организацией экономического сотрудничества и развития (далее — ОЭСР) с учетом индивидуальных подоходных налогов, социальных платежей и иных налогов, начисляемых на фонд оплаты труда;

2) налоговая нагрузка на экономику, определяемая ОЭСР в процентах от ВВП.

Обращает на себя внимание тот факт, что темп формирования теневой занятости (так же как низкого уровня налоговой культуры и налоговой сознательности) зависит от проведения долгосрочной экономической политики. По этой причине при проведении анализа использовались усредненные макроэкономические характеристики за период 2013–2018 гг., что позволило учесть основные тенденции и циклические изменения в экономике.

Диаграммы рассеяния в преломлении к настоящему исследованию построены по данным 35 стран, входящих в ОЭСР, по показателям налоговой нагрузки и доли теневой экономики.

Другой тезис состоит в том, что при увеличении доходов склонность граждан к неуплате налогов возрастает. Отчасти соглашаясь с этим тезисом в отношении пассивных доходов, считаем необходимым привести в части трудовых доходов физических лиц дополнительные обоснования. В данном аспекте в качестве альтернативной (доказуемой) гипотезы следует исходить из того, что при росте средней заработной платы (как основного дохода значительной части трудоспособного населения во всех странах мира) должно происходить увеличение доли теневой экономики в совокупном ВВП. Важно отметить, что для анализа использовался размер заработной платы, выплачиваемой работнику на руки, так как именно от ее размера зависит принципиальное согласие или несогласие физического лица на так называемые конвертные выплаты и иные нелегальные схемы оформления дохода.

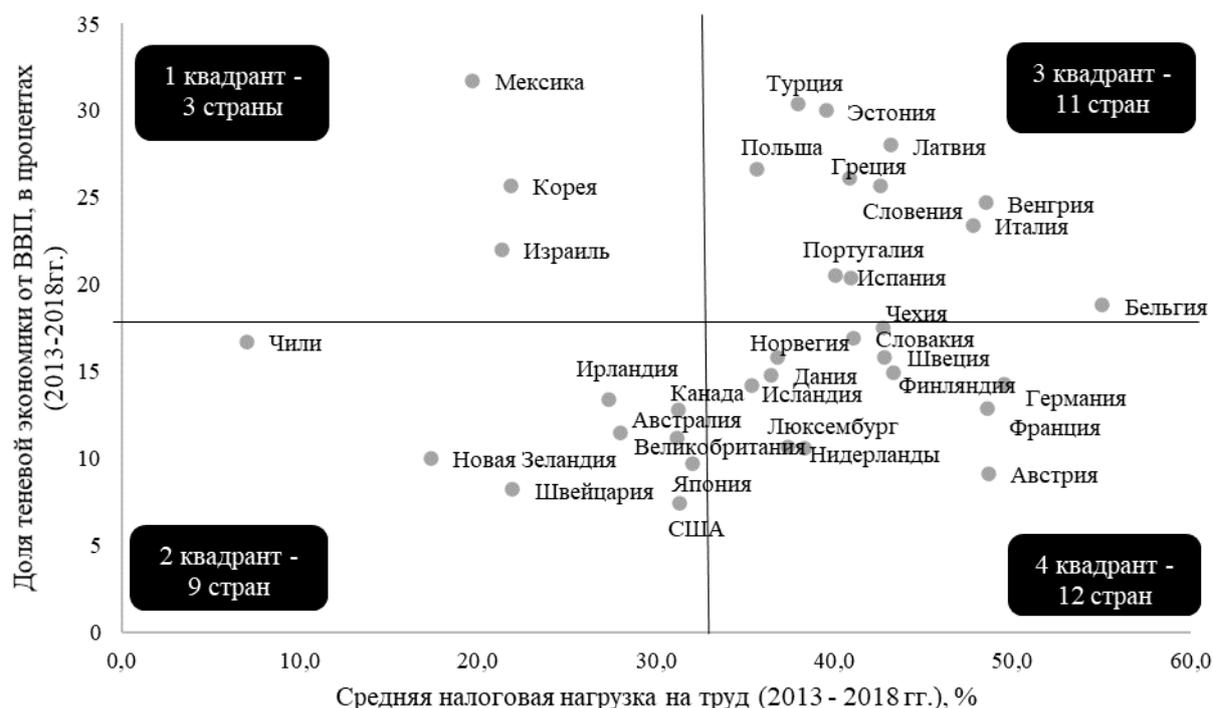

Рис. 1 / Fig. 1. Диаграмма рассеяния стран ОЭСР по показателям налоговой нагрузки на труд и доли теневой экономики в ВВП (%), 2013–2018 гг. / Scatter diagram of OECD countries by indicators of the tax burden on labor and the share of the shadow economy in GDP (%), 2013–2018

Источник / Source: составлено автором на основании данных ОЭСР и МВФ / compiled by the author based on OECD and IMF data.

В то же время использование такого фактора, как заработная плата, позволяет косвенно оценивать роль взносов на социальное страхование в принятии решения о нелегальной занятости. Безусловно, при данном подходе за рамками анализа остаются концептуальные морально-этические аспекты, национальные особенности личности и другие трудно оцениваемые социальные факторы. Инструментом определения такой зависимости послужил корреляционно-регрессионный анализ, позволяющий не просто ее выявить, но и оценить количественно.

ВЛИЯНИЕ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ НА ПОВЕДЕНИЕ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Одним из важнейших факторов выведения из тени экономической деятельности выступает уровень налоговой нагрузки. С этой целью для сопоставления масштабов теневой экономики построены и оценены две диаграммы рассеяния: первая — с показателем налоговой нагрузки на труд (рис. 1); вторая — с показателем налоговой нагрузки на экономику в целом (рис. 2).

По результатам исследования все страны ОЭСР разделены на четыре квадранта:

- 1-й квадрант — государства с высокой долей теневой экономики и низкой налоговой нагрузкой на труд. В данную группу попали всего три разные по характеру управления экономикой и уровню экономического развития страны (Мексика, Корея и Израиль);

При увеличении доходов склонность граждан к неуплате налогов возрастает, потому что даже при пропорциональной ставке увеличивается номинальный объем налоговых изъятий

- 2-й квадрант составили девять стран с низкой налоговой нагрузкой на труд и незначительным масштабом теневой экономики, среди которых восемь экономически развитых государств

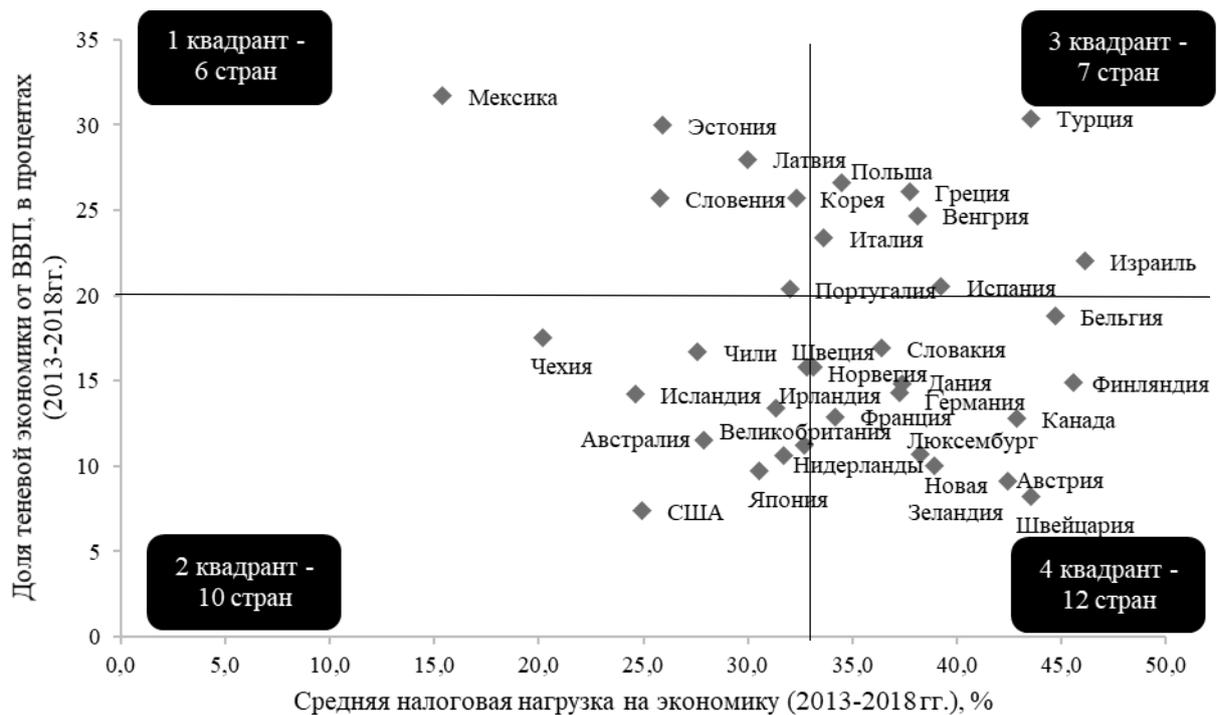

Рис. 2 / Fig. 2. Диаграмма рассеяния стран ОЭСР по показателям налоговой нагрузки на экономику и доли теневой экономики в ВВП (%), 2013–2018 гг./ Scatter diagram of OECD countries by indicators of the tax burden on economy and the share of the shadow economy in GDP (%), 2013–2018

Источник / Source: составлено автором на основании данных ОЭСР и МВФ / compiled by the author based on OECD and IMF data.

и Чили — страна с нестандартно низкой налоговой нагрузкой на труд (всего 7%);

- 3-й квадрант — страны с высокой долей теневой экономики и высокой налоговой нагрузкой, которые представляют наибольший интерес в контексте настоящего исследования. Эта группа государств является достаточно многочисленной, среди которой только две страны (Италия и Бельгия) входят в первую тридцатку государств по ВВП, приходящемуся на душу населения;

- 4-й квадрант, основу которого составляют наиболее экономически развитые страны (Швеция, Финляндия, Германия, Норвегия и т. д.), включает 12 стран с низкой долей теневой экономики в ВВП и высоким уровнем налоговой нагрузки на труд.

Диаграмма рассеяния показала, что прямой зависимости между масштабами теневой занятости и показателем налоговой нагрузки на труд не наблюдается. В противном случае основная часть стран расположилась бы во 2-м и 3-м квадрантах, которые характеризуют такую зависимость. Это, с одной стороны, объясняется тем,

что доля теневой экономики в ВВП напрямую не характеризует нелегальную занятость, так как последняя является только частью, объясняющей деятельность физических лиц и индивидуальных предпринимателей (но не организаций). Отсюда неполное влияние может оказывать налоговая нагрузка на труд, так как она в масштабах бизнеса не включает налоги на потребление, имущественные фискальные платежи и корпоративные подоходные налоги. С другой стороны, как показало распределение государств, не менее важное влияние на масштабы теневой экономики оказал общий уровень экономического развития, который является фактором, совместно действующим с налоговой нагрузкой. Исходя из данных результатов было принято решение построить аналогичную диаграмму рассеяния (рис. 2) с налоговой нагрузкой на экономику, которая позволит оценить наличие ее зависимости от масштабов теневое сектора в целом (безотносительно категорий экономических агентов).

Аналогичным образом на диаграмме рассеяния были сформированы четыре квадранта (группы)

Таблица / Table

Результаты модели регрессии / Regression model results

№	Показатель / Indicator	Обозначение / Designation	Значение / Value
1	Коэффициент корреляции / The correlation coefficient	Множественный R	0,738
2	Коэффициент детерминации / Coefficient of determination	R-квадрат	0,545
3	Значимость уравнения / Significance of the equation	Значимость F	0,000
4	Свободный член уравнения / Free term of the equation	У-пересечение	33,1
5	Коэффициент чистой регрессии / The coefficient of net regression	Переменная X1	-0,0005

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

стран по масштабам теневой экономики и средней налоговой нагрузке на экономику. Результаты, полученные на данном этапе исследования, во многом схожи с теми результатами, которые были получены при анализе налоговой нагрузки на труд. Это означает, что налоговая нагрузка не является единственно определяющим теневую предпринимательскую деятельность фактором. Распределение стран по квадрантам показало, что в наиболее экономических развитых странах (исходя из критерия объема ВВП на душу населения) объем теневой экономики существенно ниже, чем в государствах, которые имеют низкую налоговую нагрузку на экономику. Более того, международный индекс налоговой конкурентоспособности в странах 4-й группы выше, чем во 2-й, на 2% (и это при наличии низкой налоговой нагрузки), чем в 3-й группе, на 11%.

Другая гипотеза, выдвинутая для подтверждения в рамках настоящего исследования, состоит в том, что при увеличении доходов склонность граждан к неуплате налогов возрастает. Для ее доказательства (или опровержения) был проведен корреляционно-регрессионный анализ показателей X — средней заработной платы (без учета подоходного налога) и Y — объемов теневой экономики (см. таблицу). Важно сделать следующую оговорку: в результате анализа намеренно абстрагировалось изучение склонности налого-

плательщиков к уклонению от уплаты налогов с пассивных доходов. Таким образом, была оценена зависимость объемов теневой экономики только от трудовых доходов физического лица.

Налогоплательщики готовы нести более высокую налоговую нагрузку при условии, что учитываются их предпочтения относительно того, как использовать налоговые доходы для финансирования государственных расходов

Модель является статистически значимой. Проверка модели на гетероскедастичность остатков по критерию Чоу¹ показала отсутствие такой: фактическое значение критерия Фишера²

¹ Тест Чоу (от англ. *Chow test*) — применяемая в эконометрике процедура проверки стабильности параметров регрессионной модели, наличия структурных сдвигов в выборке.

² Критерий Фишера (F -критерий, φ^* -критерий) — статистический критерий, тестовая статистика которого при выполнении нулевой гипотезы имеет распределение Фишера (F -распределение) — распределение случайной величины.

(2,99) превысило его табличное значение (1,79). Таким образом, ее результаты можно использовать для формирования практически значимых выводов. Анализ показал, что связь между среднегодовой заработной платой и долей теневой экономики сильная, и 54% изменчивости масштабов уклонения от налогов объясняется изменчивостью доходов физических лиц. Регрессионная модель ($y = 33,1 - 0,0005x$) опровергла выдвинутую гипотезу в части трудовых доходов. В частности, при

Уклонение от уплаты налогов зависит прежде всего от преобладающей налоговой ставки, а не от штрафных санкций и взысканий за нарушение законодательства

увеличении годовой средней заработной платы на 1000 долл. США в странах ОЭСР доля теневой экономики в ВВП сокращается на 0,5% (при фиксированном значении прочих переменных). Этот вывод также представляется важным с позиции того, что принципиальное решение о сокрытии в тени зарплатных доходов принимает не работник, а работодатель, который несет существенную нагрузку по страховым взносам. В свою очередь, сокрытие пассивных доходов, которое осталось за рамками настоящего исследования, является в большей степени инициативой самого физического лица — получателя дохода.

ДИСКУССИЯ

Полученные выводы подтверждаются зарубежными учеными в исследованиях, апробированных на иных наборах данных. Так, *Ralph-C Bayera* и *Matthias Sutterbc* отметили, что уклонение от уплаты налогов зависит прежде всего от преобладающей налоговой ставки, а не от штрафных санкций и взысканий за нарушение законодательства [15]. Вместе с тем в рамках

научной дискуссии отметим, что помимо этого следует учитывать в дальнейших исследованиях влияние морально-этических норм и правил [16]. Например, в исследовании *Debora Di Gioacchino* и *Domenico Fichera* выявлено, что на количество налогоплательщиков, уклоняющихся от уплаты налогов, влияет группа факторов:

1) вероятность нахождения единомышленников в референтной группе (сетевая интеграция);
2) мнение отдельных индивидов, имеющих существенный вес;

3) доля индивидов с «высокой» налоговой моралью, готовых при любых ситуациях исполнять обязанности налогоплательщиков.

Анализируя поведение граждан в социальной сети, ученые даже приходят к выводу о том, что государство может влиять на поведение налогоплательщиков через воздействие на физических лиц, чье влияние в социальных сетях велико (например, блогеры) [17].

Согласно другому исследованию в качестве основной детерминанты налоговой морали, нелегальной занятости и доверия к налоговым органам выступают семейное положение и роль семьи в жизни гражданина. При помощи построения эконометрической модели доказано, что в странах, где власть семьи очень высока, качество государственных институтов низкое, физические лица имеют склонность к недобросовестному налоговому поведению [18].

ВЫВОДЫ

Связь между налоговой нагрузкой и стремлением физических лиц уклоняться от уплаты налогов существует. Однако она не безусловна и проявляется на фоне общеэкономического развития стран: в развивающихся странах эта связь заметно сильнее, чем в развитых государствах. В странах с развитой национальной экономикой, качественной системой государственного социального обеспечения налоговая нагрузка не является принципиальным фактором, определяющим характер (легальный или нелегальный) предпринимательской деятельности экономических субъектов.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств научного фонда Финнуниверситета.

ACKNOWLEDGEMENT

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of the Scientific Fund of the Financial University.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Зотова Т. А., Богуславский В. Н. Экономическое поведение налогоплательщиков в современной России: формирование налоговой честности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2008. — Т. 6. — № 2. — С. 66–73. — ISSN 1991–0533.
Zotova T. A., Boguslavsky V. N. Economic behavior of taxpayers in modern Russia: the formation of tax honesty. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic Bulletin of Rostov State University*. 2008;6(2):66–73. (In Russ.).
2. Адвокатова А. С. Взаимосвязь моделей поведения налогоплательщиков и налогового контроля // Экономика. Налоги. Право. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 148–157. — ISSN 1999–849X.
Advokatova A. S. The relationship between models of behavior of taxpayers and tax control. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2017;10(5):148–157. (In Russ.).
3. Киреенко А. П. Теневая экономика и уклонение от уплаты налогов: монография. — Иркутск: ИРГУПС, 2017. — 202 с.
Kireenko A. P. Shadow economy and tax evasion. Monograph. — Irkutsk: IrGUPS, 2017. — 202 p. (In Russ.).
4. Трусова Н. С. Мировой опыт выявления и противодействия уклонению от уплаты налогов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2017. — Т. 25. — № 7–4. — С. 194–202. — ISSN 2223–1552.
Trusova N. S. World experience in detecting and combating tax evasion. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment = Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2017;25(7–4):194–202. (In Russ.).
5. Bernasconi M., Corazzini L., Kube S., Maréchal M. A. Two are better than one! Individuals' contributions to “unpacked” public goods. *Econ. Lett.* 2009;104(1):31–33. DOI: 10.5167/uzh-105312
6. Bernasconi M., Corazzini L., Seri R. Reference dependent preferences, hedonic adaptation and tax evasion: does the tax burden matter? *J. Econ. Psychol.* 2014;40:103–118. DOI: 10.1016/j.joep.2013.01.005
7. Abbiati L., Antinyan A., Corazzini L. A survey experiment on information, taxpayer preferences, and perceived adequacy of the tax burden. *Heliyon*. 2020;6(3). DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e03576
8. Ястребова А. С. Эффективность налоговых реформ в контексте особенностей поведения налогоплательщика в Украине // Бизнес информ. — 2013. — Т. 8. — С. 305–309. — ISSN 2222–116X.
Yastrebova A. S. The effectiveness of tax reforms in the context of the specifics of taxpayer behavior in Ukraine. *Business inform*. 2013;8:305–309. (In Russ.).
9. Capasso S., Cicatiello L., Simonec E., Lucio G., Paulo G., Mourão R. Fiscal transparency and tax ethics: does better information lead to greater compliance? *Journal of Policy Modeling*. 2020. DOI: 10.1016/j.jpolmod.2020.06.003
10. Стругова Л. Р. Зависимость налоговых поступлений от налоговой нагрузки на основе закона Артура Лаффера // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. — 2012. — Т. 15. — № 4. — С. 81–87. — ISSN 1994–996X.
Strugova L. R. Dependence of tax revenues on the tax burden based on Arthur Laffer's law. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Perm University Bulletin. Series: Economics*. 2012;15(4):81–87. (In Russ.).
11. Feld L. P., Tyran J. R. Tax evasion and voting: an experimental analysis. *Kyklos*. 2002;55(2):197–221. DOI: 10.1111/1467–6435.00183
12. Pommerehne W. W., Weck-Hannemann H. Tax rates, tax administration and income tax evasion in Switzerland. *Publ. Choice*. 1996;88(1–2):161–170.
13. Frey B. S., Palacios-Huerta I. Not Just for the Money: an Economic Theory of Personal Motivation. *Edward Elgar Pub*. 1997. DOI: 10.5860/choice.35–1009
14. Djawadi B., Fahr R. The Impact of Tax Knowledge and Budget Spending Influence on Tax Compliance. *IZA Discussion Paper*. 2013;7255.

15. Bayer R., Matthias S. The excess burden of tax evasion — An experimental detection-concealment contest. *European Economic Review*. 2009;53(5):527–543. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2008.09.004
16. Robbins B., Kiser E. State coercion, moral attitudes, and tax compliance: Evidence from a national factorial survey experiment of income tax evasion. *Social Science Research*. 2020. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2020.102448
17. Gioacchino D., Fichera D. Tax evasion and tax morale: A social network analysis. *European Journal of Political Economy*. 2020;65. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101922
18. Marè M., Motroni A., Porcelli F. How family ties affect trust, tax morale and underground economy. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2020;174(C):235–252. DOI: 10.1016/j.jebo.2020.02.010

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Витальевна Тихонова — кандидат экономических наук, доцент Департамента налогов и налогового администрирования Факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет, Москва, Россия; доцент кафедры статистики и кибернетики, Российский государственный аграрный университет — МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия
AVTihonova@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Tikhonova — Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Department of Taxes and Tax Administration, Faculty of Taxes, Audit and Business Analysis, Financial University, Moscow, Russia; Assoc. Prof., Department of Statistics and Cybernetics, Russian State Agrarian University — Timiryazev Moscow State Agricultural Academy, Moscow, Russia
AVTihonova@fa.ru

*Статья поступила 17.12.2020; принята к публикации 20.02.2021.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received 17.12.2020; accepted for publication 20.02.2021.
The author read and approved the final version of the manuscript.*